Князь П. П. Ишеев

Осколки прошлого

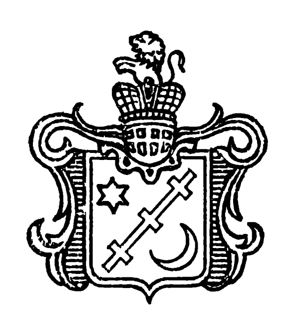
ВОСПОМИНАНИЯ

1889 — 1959

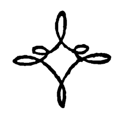
Нью-Йорк

Князь П. П. Ишеев

Осколки прошлого

ВОСПОМИНАНИЯ 1889 – 1959

НЬЮ-ЙОРК

Князь П. П. Ишеев

В 1908 году.

ОТ АВТОРА

Время неумолимо отделяет нас от всего прошлого, дорогого нам, невозвратного времени. Память частенько начинает уже изменять. Воспоминания о событиях становятся не так ясны, не так отчетливы, как раньше. И после нас, свидетелей прошлого, в России не найдется уже никого на свете, кто мог бы восстановить то или другое происшествие.

Это неотвратимое, но естественное положение вещей и привело меня к мысли, пока не поздно, восстановить на бумаге то, что глаза мои видели за 70-сят лет моей жизни.

Все, что Вы здесь прочтете, дорогие читатели, не выдумка или фантазия, а настоящая, сущая быль.

КНЯЗЬЯ ИШЕЕВЫ.

Род наш внесен в VI часть родословной книги Тамбовской и Пензенской губернии и утвержден Департаментом Герольдии Правительственного Сената в достоинстве князей татарских Российской Империи.

Ведем мы свой род от мурзы Акчуры, вступившего в службу Великого Князя Московского Василия Ивановича и им пожалованного 10 мая 1509 года княжением над Копяльскою Мордвой.

Вот грамота Царя Василия Ивановича Шуйского, коей был пожалован наш предок Ишей мурза Барашев в 1608 году:

"Божией милостью Мы Великий Государь Царь и Великий Князь Василий Иоаннович всея Руссии Самодержец пожаловали есть Мы Темниковского Ишея мурзу Барашева в нынешнем в II6 году октября в I3 день были у нас крымские сейказы Аталык с товарищи и подали нам его Ишееву челобитную о княжении а в челобитной его написано: служил-де он нашу великие службы тридцать пять лет и на многих делах бивался и языки приводил и в ....году как было боярину нашему и воеводе княжь Ивану Михайловичу с воры под Тулою, и он на том деле нам служил и бился явственно его взяли в полон и приветчи на Тулу били кнутом и медведем травили и на башню взводили и в тюрьму сажали и голод и нужду всякую терпел и с Тулы к нам пришел с вестью а дед его княжь Акчура был пожалован княженьем над Копяльскою Мордвою а после деда его, тем же княженьем был пожалован брат его двоюродный княжь Сатай Кулаев сын Акчурин; и брата де его князя Сатая не стало, детей после него не осталось и нам бы

его пожаловать за его службу за полон, за вести, деда и брата его княженьем и мы великий государь царь и великий князь Василий Иванович всея Руссии, по челобитью Крымского царя послов за его Ишееву к нам службу и за полон пожаловали велели ему Ишею Барашеву деда и брата его князя Сатая княженье дати и нашу жалованную грамоту княженье велели есьмы ему дати и с четвертей княжь Ишею Барашеву в наше жалованье.... потомуж... князьями вместе дана наша жалованная грамота на Москве лета 7116 года октября в 27 день. Государева царева и великого князя Василия Ивановича всея Руссии Самодержца диак Алексей Шатилов. Да на той же подписной грамоте подписано тако:

Царь Михаил Федорович, вступив на престол, признал и подтвердил эту грамоту, в доказательство чего и сделана следующая приписка в подлиннике: «Лета 7121 года мая 18 день Государь Царь и Великий Княжь Михайло Федорович всеа Руссии сии жалованные грамоты выслушав, князь Ишея Барашева пожаловал княженьем попрежнему по сей жалованной грамоте и не в чем ее рушить не велел а подписал Государя Царя и Великого Князя Михайла Федоровича всеа Руссии дьяк Семен Головин. За полонным терпением пошлин не взято".

Вышеприведенная грамота имеется в книге А. Н. Норцева «История русского дворянства и дворянских родов Тамбовской губ»., где подробно описан и наш род. (Нью Иоркская Центральная Публичная Библиотека).

Я привел этот интересный документ, чтобы показать как писали тогдашние грамотеи, Царские дьяки.

Кроме того, в Литературно-Исторических Миниатюрах — выпуск 2-ой 1944 года, «Для немногих» Н. Клодницкий так изложил, в стихотворной форме, о нашем роде:

1. Идут Ишеевы от Акчуры — мурзы.
   Он, грамотою данной Царскою рукою
   В палатах Белокаменной Москвы,
   Был признан князем над Копяльскою
   Мордвою. 10 мая 1509 г.
2. А князь Ишей (он внуком был Кулая).
   По грамоте известен с челобитной, —
   Ее забыть нельзя, хотя бы вскользь читая, —
   Такой язык в ней колоритный. 27 октября 1608 г.

3. В ней Божьей Милостию царь Василий Шуйский
Его в уделе дедов утвердил.
За верность ратную, да плен жестокий Тульский,
Где истязанья он и пытки пережил.

4. Кн. Ибрагим-Ишеев, — стольник при Петре, —
(Иваном наречен был он Святым
Крещеньем) — 1692 г.
Владел угодьем где-то в Мещере, —
Со дней Тишайшого наследственным
именьем. (с 1653 г.)

5. Заметку эту про далекие века,
Про главные этапы линии Ишея,
Я набросал, взяв номер «Новика»
С статьею Гладкого Сергея.

Н. К.

***

Мой отец, князь Петр Александрович Ишеев (род.1846 г.), по окончании Морского Корпуса, был морским офицером и служил в Балтийском флоте. Плавал за границей и учавствовал в Русско-Турецкой войне.

В царствование Александра II, когда на Черном море строилась Императорская яхта «Ливадия», был назначен на эту яхту ревизором. Весь офицерский состав, во главе с командиром флигель-адъютантом Кроун, и команда, были посланы на яхту из Балтийского моря.

Отец плавал на «Ливадии» и когда они везли Великих князей Сергея и Павла Александровичей, «Ливадия» села на камень , который не был обозначен на карте, и затонула, близь мыса Тарханкут, в Черном море. Никто не погиб, все съехали на берег, где прожили с Великими князьями, в палатках, несколько дней. Командир яхты и отец, стоявший в момент аварии на вахте, были отданы под суд,который их оправдал.

Помню, что в кабинете у отца висела фотография этой яхты, а также рисунок углем, изображавший погоню за «Ливадией» турецкого броненосца и, подожженной русскими, горевшей турецкой фелюги.

По рассказу отца, турецкий адмирал-паша не открывал огня по «Ливадии», желая взять ее, что называется «живьем»,

как приз. Действительно, сначала броненосец нагонял яхту и с «Ливадии» в бинокль было видно, как турки пили уже шампанское. Но, по приказу командира, на яхте стали жечь все деревянные части, подняли пары до предела, ход прибавился и «Ливадия» благополучно ушла от турок, укрывшись в одном из портов.

Вскоре отец, из-за расстроенного здоровья, получил береговое место в Николаеве, где и дослужился до чина Генерал-майора по флоту.

Здесь, в Николаеве Херсонской губернии, 26 февраля 1882 года, я и увидел свет Божий.

Отец ликвидировал свое родовое имение в Тамбовской губ., построил в Николаеве дома и мы стали старожилами этого города.

О милый, славный, родной город, со своей чудной южной природой: урочищем «Спаск», на берегу широкого Буга, с его парком и «летним дворцом» и изумительным источником питьевой воды, которую «водовозы» развозили в больших бочках по домам.

За «Спаском» тянулось шоссе, пересекавшее, во всю их длину, ближние и дальние «Лески», с лесом акаций. Весной, при сплошном их цветении, «Лески», положительно, выглядели волшебно: точно осыпанные благоуханным, нетающим снегом. Ранней весной мы искали здесь подснежники и лесные фиалки, а осенью грибы.

В «Лесках» было множество ворон, которые страшно портили деревья, и на которых устраивались поэтому, регулярно, охоты. Мы, ребята, были у стрелков «на ролях собак» и на велосипедах свозили им убитых птиц. Убившие наибольшее количество, получали от города призы.

А изумительные фрукты: абрикосы, персики, черешни, крыжовник, смородина, малина, которых было так много в нашем саду. Урожай сада ежегодно, еще с весны, запродавался купцам. Его сторожили наемные люди, поставленные от покупщиков урожая. Но нам не возбранялось есть на месте сколько угодно. В саду была большая цистерна с дождевой водой.

Но, что больше всего запомнилось — это дыни и арбузы, особенно последние. Ничего не может быть вкуснее сочного,

холодного арбуза с куском только-что испеченного, еще тепловатого ржаного хлеба.

Арбузы покупали в Николаеве возами. Стоил воз их тогда 2 рубля. Привозили их и сваливали в погреб, как дрова. К столу подавались только отборные, так называемые «монастырские», которые взрезывали тут-же, заставив его предварительно потрещать под нажимом рук того, кто его держал. Так проверялось насколько он созрел. Плохих не ели.

***

Каждое лето мы уезжали с матерью в имение Федора Львовича Бобошко, Александрийского уезда. Жена его, урожденная Женя Краевская, наша быв. соседка, была большой, не смотря на разницу лет, приятельницей моей матери. Я помню ее гимназисткой выпускного класса и о том, как она вышла замуж за Бобошко, крупного землевладельца и заядлого холостяка. Об этом тогда много говорили в Николаеве.

Возвращаясь по железной дороге из Харькова, к ней в купе вагона сел Бобошко, познакомился, влюбился и сразу, подъезжая к Николаеву, сделал ей предложение. И это был один из счастливейших браков.

У них мы проводили лучшие летние месяцы. Имение это, купленное у князей Кугушевых, имело раньше конный рысистый завод и там еще оставалось несколько производителей. На одном из них, красавце сером жеребце, я 11-ти летним мальчиком ездил самостоятельно на беговом кругу. Он был смирный, уже «на пенсии», но выехав на круг, вспоминал «былое», когда брал в Москве призы, и мне стоило больших усилий его сдерживать.

Бобошко разводил верховых лошадей. Он создал особую породу, соединяя Туркменскую лошадь с чистокровной Английской. Но имел также и чистокровных английских скакунов. Так его знаменитый «Змий» выиграл в Москве 100 верстную скачку.

Родной брат Федора Львовича, Александр Львович Бобошко, имение коего также находилось в Александрийском уезде, имел тоже конный завод, но разводил лошадей только для кавалерийского ремонта.

Можно сказать, что я почти «вырос на конюшне», ибо целые дни проводил среди лошадей, конюшенных мальчишек и

жокеев. Вот откуда у меня любовь к лошади и почему я стал затем кавалеристом.

Вспоминается и прекрасное имение Богдановка, моей первой жены К. Н. Аркас, внучки генерал-адъютанта, адмирала и главного командира Черноморского флота Н. А. Аркаса.

Лежала Богдановка на реке Буг, где он особенно широк. На противоположном берегу едва можно было разглядеть село «Рыбацкое». От дома до реки, по красивому спуску, надо было пройти шагов двести. Берег был песчаный, дно совершенно гладкое, мягкое, точно бархатное.

Этот открытый дивный, сплошь песчаный берег, не уступал любому хорошему морскому «пляжу». Купаться здесь было большим наслаждением.

Кроме своего купанья, Богдановка славилась еще своей молочной фермой, поставлявшей в Николаев свои изделия, где Аркас имели молочную богдановской экономии.

**
*

Мать моя, урожденная Крусер, была из помещичьей семьи Херсонской губернии. Бабушка, со стороны матери, которую я помню очень старой, почти слепой, жила у нас и скончалась в 90 лет. А дедушка и два его взрослых сына жили круглый год в имении, которое было в 100 верстах от Николаева. Когда-то, выходцы из Германии, это была совершенно обрусевшая семья, т. ч. моя мать даже не говорила по немецки.

Летом Крусер жили еще в громадном имении Скаржинских, постоянно бывших за границей, которое Крусер у них арендовали. Это красивое степное имение, с большим барским домом, находилось за городом Вознесенском, куда мы ездили с матушкой летом на пароходе по Ингулу, а затем дальше на лошадях.

Дед и его сыновья были настоящие «хлебопашцы», большие знатоки своего дела, и имения их находились в блестящем состоянии.

Дедушку я помню также в преклонном возрасте, но еще очень бодрым и энергичным стариком. Он был блестящий стрелок и страстный охотник, брал всегда меня с собой и обучал стрельбе.

Запомнилась интересная охота на дроф (или драхва), с подъездом на бегунках. Эта громадная птица (больше индю-

ка), очень хитрая и чуткая, иначе к себе не подпускает.

***

Но не суждено мне было наслаждаться долго всеми благами домашней жизни. Уже 12-ти летним мальчиком я был отвезен в Одессу и помещен в пансион Михайлова. Помещался он по Малофонтанской дороге, в красивой даче русского стиля.

Сам Михайлов был большой оригинал: одевался в костюмы особого покроя и носил постоянно серый старомодный цилиндр. Его знала, кажется, вся Одесса. Но знаменит он был еще и своим Сибирским иноходцем «Меньшиком». Обогнать его не мог ни один одесский рысак.

Михайлов ежедневно выезжал кататься и, по очереди, брал нас, мальчишек, с собой. Какое было наслаждение, сидя верхом на «бегунках» и обхватив за спину Михайлова, мчаться на «Меньшике», который, точно птица, летел по воздуху..

В ПЕТЕРБУРГСКОМ ПАНСИОНЕ

В Одессе я пробыл недолго и был отвезен матерью в Петербург, где определен в пансион Мешковой, который подготовлял для поступления в Морской корпус.

В Петербурге таких пансионов было несколько. Держали их жены корпусных офицеров, которые, зная от своих мужей все «тонкости» экзаменов, брали вас почти с ручательством, что вы поступите.

Владелица пансиона Антонина Мешкова, или попросту «Тоня», как мы ее называли, жена ротного командира корпуса, преподавала русский язык и почему-то закон Божий, — основательно натаскивала нас в диктанте.

Это была крупная дама, строгих правил, и обладательница большой физической силы. Особенно запомнилось с каким зверством выворачивала она нам уши и ставила носом в угол. Кроме нее были, конечно, и другие преподаватели, но все это были лица, в сравнении с «Тоней», очень бледные и потому не запомнились.

Зимой мы жили в Петербурге, а летом пансион выезжал на дачу в Шувалово, по Финляндской железной дороге.

В то время Морской Корпус был привилегированным у-

чебным заведением. Принимались туда только сыновья морских офицеров и потомственных дворян, при чем первым давалось преимущество. Несколько позже, приблизительно с 1900 года, допускались и другие сословия, а также окончившие средние учебные заведения. Поступали они в первый специальный класс (1-ая рота) и среди кадет прозывались «Нигилистами.»

Классы (роты), которых было 6-ть, делились на 3 общих и 3 специальных класса. Роты назывались: 4-ая, 3-я, 2-ая, 1-ая, Младшая гардемаринская и Старшая гардемаринская. А при мне, когда я поступил в Корпус, была еще 5-ая рота, затем упраздненная. Окончившие Корпус гардемарины производились в мичмана.

Программа для поступления в Морской корпус равнялась приблизительно 3 — 4 классам Реального училища. Экзамен был конкурсный, т. к. желающих попасть в Корпус было много. Но мы, благодаря «Тони», знали многие «секреты", что давало нам преимущество перед державшими со стороны.

К началу экзаменов, на «подмогу» своим сыновьям, съезжались их родители. Приехал из Николаева и мой отец. На экзамене по алгебре, экзаменатор полковник Азарьев, когда я был вызван к доске, подошел ко мне с задачником по алгебре и, открыв его, сказал: «Какую задачу хочешь, выбирай». Я сразу опешил и ответил: «мне все равно какую». Но полковник сунул мне книгу в руки и отвернулся. Алгебры я не боялся, знал хорошо. И, выбрав первую знакомую мне задачу, быстро ее решил, получив 12-ть балов. Оказывается Азарьев, чего я раньше не знал, был товарищем по выпуску из Корпуса моего отца, который и «шепнул» ему, предварительно, обо мне.

Так или иначе, экзамен я выдержал и, в 1895 году, стал кадетом Морского корпуса.

**
*

В том году, когда я был еще в пансионе, почил в Ливадии, в Крыму, Император Александр III. Тело его привезли для погребения в Петербург. На всем пути следования погребальной процессии, от Николаевского вокзала и до Петропавловской крепости, стояли шпалерами войска. Батальон Морского корпуса стоял у здания Академии художеств. Нас

также привели из пансиона и поставили в промежутки, между ротами корпуса.

Я прекрасно видел всю эту редкую грандиозную процессию, которая тянулась бесконечно долго. Всего уже, к сожалению, не помню. Но на всю жизнь остались в памяти два рыцаря: черный, шедший пешком, и белый, на коне. Доспехи первого настолько были тяжелы, что пройти в них такое расстояние мог только человек, обладающий колоссальной физической силой. И на другой день о нем писали в газетах, как о знаменитости.

Кроме того, мне было очень жаль четырех стареньких генерал-адъютантов, которые стояли по углам на катафалке и, как казалось, крепко держались за стойки, чтобы не упасть.

Уже позже, когда я был в Корпусе, в Петербург приезжал Австрийский Император Франц Иосиф. Войска также стояли шпалерами, по всему пути следования престарелого Императора, от Николаевского вокзала до Зимнего дворца. Наш батальон был на Невском, у Фонтанки, против дворца графа Строганова.

Долго мы ждали проезда Императора. Но затем увидели красивую картину: несколько придворных экипажей, экскортируемых спереди и сзади взводами кавалергардов и лейбкозаков. В первой коляске сидел с одним из Великих князей Франц Иосиф. Но все это быстро промелькнуло пред нами и мы возвратились в Корпус.

В МОРСКОМ КОРПУСЕ

Много на моей совести проказ, которые я учинил в стенах Корпуса, и о которых я расскажу позже. А в начале следует описать ту «традицию», которая существовала тогда в младшей роте Корпуса и, благодаря коей, меня чуть не выдрали.

Наша рота, тогда еще 5-ая, имела свой отдельный двор, где мы, кадеты, ежедневно гуляли и играли в свою любимую игру городки. Из этого двора, обнесенного высоким деревянным забором, хорошо были видны большие стеклянные окна корпусного лазарета, каковые и представляли для нас соблазнительную «мишень».

По установившейся почему-то традиции, кадеты ежегодно «расстреливали» камнями стекла лазарета. И это занятие сходило им пока сравнительно благополучно. Но в этом году начальство решило, как увидите, положить конец, по его выражению, «этому безобразию».

Наш ротный командир, подполковник Данчич, в конце своей отеческой речи перед выстроенной ротой, спросил: «Кто бил стекла в лазарете?» Виновных, конечно, не нашлось. Такова уж была твердая традиция в Корпусе: не сознаваться и виновных не выдавать.

Прошло несколько дней. И вот рота была построена снова и без всяких разговоров поведена ротным командиром. Мы не могли понять: куда и зачем нас ведут. Но вскоре все выяснилось. Нас привели в корпусную баню. И картина, представившаяся нашим глазам, ярко рисовала то, что нас здесь ожидало.

Широкая скамейка покрыта чистой простыней. По обеим сторонам ее стоят два рослых матроса с пучками розог, вымоченных предварительно в соленой воде. А в углу вырисовывалась, на всякий случай, в белом халате мрачная фигура лазаретного фельдшера с какими-то склянками и пузырьками.

Вскоре открылась дверь и в баню вошел директор Корпуса свиты Его Величества контр-адмирал Д. С. Арсеньев. Его мы видели не часто. Бывший воспитатель Великих князей Сергея и Павла Александровичей, адмирал большею часть своего времени проводил во дворцах и появлялся в Корпусе в исключительно важных случаях. Все это ничего хорошего нам не предвещало

Сразу, не поздоровавшись с ротой, он нас спросил: «Паршивые мальчишки, — так обычно называл нас директор, — кто из вас бил стекла в лазарете?». Конечно, ответом на это было полное молчание.

Здесь я должен несколько отступить назад. У нас на ротном совещании было решено обязательно сказать, что стекла били потому, что это делали и в прошлом году, — так сказать, по традиции. Но на вопрос директора никто не решался сделать это заявление.

Я стоял в передней шеренге. А из задней мне все время

слышался тихий голос, настойчиво повторявший: «надо сказать, что били в прошлом году».

Видя, что никто не решается это сделать, я расхрабрился и,выступив вперед, выпалил: «Ваше Превосходительство мы били потому, что их били и в прошлом году».

«Ну вот, ему первому и всыпать!», сказал ,как обычно, несколько в нос, адмирал. Ко мне мгновенно подскочили «палачи» и начали «помогать» спускать мои невыразимые.

Но в этот момент Данчич (вечная ему добрая память) почему-то замолвил за меня слово, и мне, неловко поддерживавшему свои штаны, разрешено было стать на свое место.

У начальства, видимо, заранее было определено точно, кого выдрать для примера. И это меня спасло.

Затем был вызван кадет Кази, и началась экзекуция, а адмирал, заложив руку за борт сюртука, спокойно разгуливал перед фронтом кадет. И только, после определенного числа ударов розгами, произносил одно слово: «довольно».

Так были выпороты три кадета (фамилии не помню). А затем на «сцену» опять выступил ротный командир с просьбой о помииловании остальных.

— «Только благодаря ходатайству вашего ротного командира я вас прощаю», сказал адмирал и, повернувшись, вышел из бани.

И так, в 1895 году произошло это «историческое» событие. Не знаю, секли ли в Корпусе до сего. Думаю, что и тогда уже пороть кадет не разрешалось. И вот почему:

На другой год, когда директором корпуса был уже контр-адмирал Кригер, флагманский фрегат «Князь Пожарский»посетил Великий князь Алексей Александрович и смотрел там парусное ученье кадет.. Генерал-адмирал остался очень недоволен работой кадет и спросил директора корпуса: «А что, их драть можно?» — «Никак нет, Ваше Высочество», ответил Кригер. — «А жаль, очень жаль», сказал Великий князь. Вероятно, всесильный адмирал Арсеньев сделал это за свой страх и риск.

ВОСПИТАТЕЛИ И ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Среди наших воспитателей, корпусных дежурных офицеров, были личности достопримечательные. К ним принадлежали: лейтенант Геращиневский, по прозвищу «Обалдуй», и капитан Свешников — «Вошь». О них стоит рассказать.

Геращиневский был действительно настоящий обалдуй, но кроме того отличался еще большой грубостью и любил кричать на кадет своим громоподобным голосом. Чтобы его проучить мы, по совету «Муси» Барыковой, жены лейтенанта Барыкова, устроили ему такую штуку.

В те далекие времена, в объявлениях «Нового Времени», печатались длинные столбцы лиц, искавших работу. Особенно много было кучеров, лакеев и дворников. Им-то мы и написали груду открыток, вызывая их, в одно и тоже время, на квартиру «Обалдуя». Жил он в том-же этаже, что и Барыковы, где я и еще один кадет, Сережа Писаревский, почти ежедневно бывали и могли отлично наблюдать за происходящим.

Представляете-ли вы себе, что делалось в назначенный час у квартиры Геращиневского? Десятки обманутых людей обрывали звонок, кричали, ругались, не стесняясь в выражениях, требовали вернуть им за проезд. «Обалдуй», как говорится, рвал и метал.

На другой день, после этого события, Геращиневский, будучи дежурным по роте и подозревая меня в этой проделке, говорил мне: «Сознайтесь, что это вы сделали, ей Богу, я вам ничего не сделаю». Но на эту удочку я не поймался.

Другой экземпляр капитан Свешников, щуплый на вид, с круглым маленьким лицом, обросшим вечно волосами, очень придирчивый, по прозвищу «Вошь», — был особенно нелюбим кадетами. Мы всегда старались устроить ему какую либо пакость.

Но «бенефис», который был дан ему в те времена 3 ротой, вероятно, единственный в истории Морского корпуса. К нему мы подготовлялись уже давно, но надо было достать еще «хлопушки», которые, ударяясь о стену, взрывались и освещали то место. Купить их вызвался я.

И вот, на дежурстве лейтенанта бар. Типольт, уважаемого нами офицера, который был, приблизительно, одного со мной роста, — я надел его николаевскую шинель, фуражку и, вставив в нос искусственные черные усы, точно такие как имел Типольт, отправился, на одну из линий Васильевского острова, закупить эти «хлопушки». Дневальный у ворот отдал мне честь и я спокойно дошел до одного знакомого мне магазина.

Магазин этот помещался в небольшом подвальном помещении, где продавались детские игрушки и разнообразный фейерверк. Владелец магазина был очень удивлен, когда я спросил у него целый ящик «хлопушек», но все-же их продал. А когда заворачивал, то лукаво улыбался и все посматривал на мои усы.

Тем же путем я возвращался в Корпус. Дневальный у ворот снова мне козырнул и я, войдя во двор и быстро передав через форточку в курилку ящик и «доспехи» Типольта, — вошел в роту, как ни в чем не бывало.

В эту ночь, когда мы улеглись в кровати, и состоялся «бенефис». Мы начали умышленно громко разговаривать и, когда в спальню вошел Свешников и начал кричать: «прекратить разговоры», моментально погасло электричество и в него полетели «хлопушки». Начались крики: «вошь, вошь!..» Стреляли пачками, не жалея «хлопушек». Вслед за ними летели в него подушки и, даже, табуретки. Но «Вошь» благополучно улизнула и бросилась на квартиру к ротному командиру.

Вскоре появился подполковник Анцев, по прозвищу «Судак». Поднял роту, приказал построиться и о случившемся доложил Начальнику строевой части генерал-майору Давыдову.

Генерал прочел нам строгую нотацию. Зачинщиков не обнаружил. И ограничился арестом, посадив в карцер каждого седьмого по счету. Как обычно в таких случаях, пострадали больше не виновные. А я вышел «сухим из воды».

Встретился я с бароном Н. А. Типольт, когда мы были беженцами, в Париже, а он на склоне лет был уже генералом. Узнав, что я также в Париже, барон просил меня дать ему рисунок нашего герба. Типольт всю свою жизнь посвятил занятиям генеалогией. При встрече, вспоминая далекое прошлое, я рассказал ему, между прочим, как я «воспользовался» его шинелью и фуражкой. Генерал много смеялся.

**
*

Из преподавателей «уников» на первом месте стоял англичанин мистер Гаррисон. Сколько ему было лет? Мы не знали, но знали, что он учил еще наших отцов. Высокий,плотный, сутулый, седой, с бакенбардами, при чем одна седая, а другая, прокуренная табаком, темно-рыжая. С лицом фиолетового цвета и от старости усеянного черными точками. Злые языки говорили, что он был посажен, кем-то, в ванну с купоросом.

В классе делали с ним, что угодно. Окружали его стол, занимали разговорами, а в это время кто-нибудь выкрадывал из журнала лист и, на задней парте, проставлял баллы. Понятно, что меньше двухзначных отметок у нас не было. А языка мы, к сожалению, не знали.

По окончании урока, когда англичанин выходил из класса, умудрялись прыгнуть ему на спину. Он спокойно «возил» кадет по длинному коридору, до самой инспекторской комнаты, перед которой смельчаки соскакивали и удирали. Но был случай, когда Гаррисон, крепко ухватив за ноги одного из кадет, довез его почти до самого инспектора классов, полковника Павлинова. Кадет успел все-же убежать, но англичанин снял с него сапог. А ротный каптенармус тотчас-же выдал ему новую пару сапог, а этот — улику — припрятал. Конечно инспектор не мог отыскать кадета без сапог.

Вторым вспоминается преподаватель русского языка Филонов, автор небезызвестной хрестоматии. Всегда начисто выбритый, в синем фраке, с зачесанной назад шевелюрой, с золотым пенснэ на большом типичном носу.

Благодаря этому носу, профиль у Филонова был очень характерен и нарисовать его было сравнительно не трудно. Поэтому, перед уроком его всегда рисовали мелом на классной доске. Сходство было поразительное.

Войдя в класс и выслушав рапорт старшего по классу, он невозмутимо произносил: «Вот, сотрите это безобразие». Все свои фразы он всегда начинал словом: «Вот!».

Монотонно, скучно проходили его лекции. И многие читали, пряча под парты, посторонние книги. Заметив это, Филонов, обычно, говорил: — «Вот, что вы там читаете? Наверно какой-нибудь бульварный роман, вроде того, который кончается: Он

занес кинжал, она вскрикнула! Продолжение в следующим номере».

Но, когда Филонов сам нам, изредка, читал, то все «бульварные романы» откладывались в сторону и класс с наслаждением слушал его мастерское чтение.

***

Наш батюшка, протоиерей Белявский, магистр богословия, сухой, высокий как жердь, с длинной козлиной бородой, по прозвищу «Коза в сарафане», был строг и у него на лекциях мы сидели тихо. Заставлял нас зазубривать тексты катехизиса, которые, вероятно, поэтому так скоро и улетучивались из нашей головы. Говели мы целую неделю, ходя ежедневно утром и вечером в церковь.

Обычно, когда умирал кто-либо из кадет, на собранные деньги, покупали на Невском в магазине Цвейнера металлический венок, который почему-то скоро с кладбища исчезал.

Хоронили всегда с отданием воинской почести и провожали на кладбище в строю, с оркестром музыки. При чем необыкновенно грустный Шопеновский похоронный марш, сменялся, на обратном пути, бравурными веселыми маршами, которыми как-будто старались внушить нам: «что почивший мирно спи, а жизнью пользуйся живущий».

По установившемуся в Корпусе обычаю было принято, когда гроб стоял в церкви, читать над покойником псалтырь. Исполняли это преимущественно, близкие к почившему, его товарищи.

Читал как-то и я. В церкви никого не было, т. к. мой компаньон по чтению вышел отдохнуть к свечному ящику. Разбираясь с трудом в церковно-славянской азбуке, я на продолжительное время уткнулся в книгу. Подняв затем свои усталые глаза, я увидел, что легкое покрывало, которым был накрыт покойный кадет, постепенно поднимается, точно покойник хочет встать из гроба.

Я не был трус, но здесь необъяснимый страх сковал все мои члены. Боясь повернуться спиной к покойнику, я стал постепенно пятиться к выходной двери. И только вблизи ее, решился повернуться и, как пуля, вылетел вон из церкви. У свечного ящика меня встретили возгласами: «что с тобой, на тебе

лица нет?». И я открыл им тайну своего позорного бегства.

Оказывается, что все быо очень просто. Гроб стоял на возвышении, почти на уровне окна, и от сквозного ветра легкое покрывало поднималось и опускалось.

***

Из прочих преподавателей вспоминаю: отчетливого француза мосье Гризара, милейшего подполковника Бубнова, «дядю Буя», читавшего у нас тригонометрию, строгих математиков: капитана Бригера и лейтенанта Безпятова. А также изящного балетмейстера Императорских театров, старика Гельцера, являвшегося всегда на урок танцев во фраке и белом галстуке.

Я и еще два кадета брали у него дополнительные уроки. В назначенный час он встречал нас у себя на квартире, где уже были тапер и его дочь, наша постоянная дама.

Мадемуазель Гельцер была многим старше нас, тогда уже в выпускном классе Императорской балетной школы, и обращалась с нами, как с учениками. Но все это не мешало нам смотреть на нее «влюбленными глазами». Думали-ли мы тогда, что наша учительница станет потом знаменитостью, солисткой Его Величества, и украшением русского балета?

Первый танец, которому обучал нас Гельцер, добиваясь от нас грации и изящества, был модный тогда шаконь. Труды его были тщетны и, к стыду нашему, хорошими танцорами мы не стали.

Кого, также, нельзя забыть — это преподавателя рисования, академика Бруни, который был нашим любимцем. Часто он присаживался ко мне за парту, исправлял мой рисунок, или брал чистый лист и начинал сам рисовать с натуры, указывая приемы и технику рисунка. Я имел у него двухзначный балл и поэтому посещал все художественные выставки, куда нас водили из Корпуса.

Из них самое большое впечатление оставила у меня выставка знаменитого мариниста Айвазовского, а также грандиозная выставка в Михайловском манеже, где при входе красовался портрет Императора Николая II, работы Серова. Он изобразил его сидящим в кресле, в серой военной тужурке, на фоне красивой зелени. Этот чудесный портрет, к сожалению, погиб в первые дни октябрьской революции.

⁂

Пришлось мне, в те годы, прикоснуться к художественному миру и по другой причине. Я брал дополнительные уроки у лейтенанта Ф. Е. Барыкова, или, попросту, Феди Барыкова, как его прозвали кадеты. Ежедневно по вечерам, я бывал на квартире у Барыковых, а праздничные дни, почти всегда, проводил у них целиком.

Супруга «Феди», Мария Николаевна Барыкова, урожденная Каразина, или кратко «Муся», как величал ее муж и мы кадеты, была красивая эффектная дама, с крупными чертами лица и круглой родинкой-бархаткой — в начале брови, как-бы нарочно поставленной знаменитым художником, ее отцом. «Бархатка» эта давала ее лицу какую-то особую прелесть.

Николай Николаевич Каразин, благообразный старик, с большой бородой, знаменитый акварелист и писатель, работавший в «Ниве» и во многих других журналах, зарабатывал большие деньги и все их проживал. Их дом был всегда полон народу.

Часто Барыковы брали меня с собой к Каразиным. Здесь я встречал известных художников: Писемского, Галкина, Соломко, Самокиша, его жену Судковскую, старика Соколова, — знаменитого рисовальщика животных, и многих других.

В приемный день у них, по пятницам, когда собиралась вся эта плеяда художников, каждый из них должен был нарисовать на печи из кафеля, на одной из кафелей, одноцветной синей краской, что-либо за своей подписью. Интересно, что стало с этой печкой, разрисованной знаменитыми художниками? Представьте себе, что она стоила?

Каразин был прекрасный рассказчик. Он часто, по просьбе своих, рассказывал нам свои увлекательные воспоминания из жизни в Туркестане. А вспомнить у него было что.

Какое наслаждение было наблюдать, когда рисовал Н. Н. Особенно это было интересно, когда он рисовал акварелью. Работал он очень быстро. И я часто стоял за его креслом, как прикованный, и видел с какой быстротой оживали, под его кистью, моря, поля, цветы и леса. Отсюда и начало моей любви к рисованию.

О быстроте работы Николая Николаевича ходили по Петербургу целые анекдоты. Говорили, что раз он перепутал сю-

жет рисунка, изображавший ночь, сюжет он сделал дневным. Уже все было в наборе и заметили это только тогда. Ночью его разбудили и он, тотчас, все это переделал.

Между прочим, набросок нагрудного знака Морского корпуса, в память 200-летнего юбилея, сделал Каразин, а Барыков, который, кажется, представил рисунок этого знака за свой, просил меня его вырисовать. Таким образом, и я приложил к нему свою руку.

***

Теперь несколько слов о «Мусе». Мы, молодежь, были тайно в нее влюблены и, казалось, что нет такой вещи, которую мы не согласились бы сделать для «Муси». Надо сказать, что Мария Никоаевна была очень остроумна и изобретательна. И я уже рассказал, как мы, по ее совету, проучили Геращиневского. Но вспоминается еще, как «Муся» подбила меня лично на одну проделку, которой я должен был показать перед ней свое «геройство».

На заседание ежегедной конференции, когда решалась наша судьба о переходе в следующий класс (роту), собиралось все корпусное начальство. Все «от мала до велика» были в конференц-зале, а в верхнем этаже, где были офицерские квартиры, оставались только корпусные дамы, да горничные и кухарки. В этом этаже была веревка от церковного колокола, за которую я должен был дернуть во время конференции.

Заседание этой конференции всегда было окутано особой тайной. В то время в Корпусе стояла какая-то гробовая тишина и все ходили, как-бы на цыпочках.

В эту-то «торжественную минуту», зная, что в верхнем этаже никого из начальства не встречу, я храбро взобрался туда и ударил с силой, два раза, в колокол.

Стремглав спустившись на парадную лестницу, я видел как многие из начальства «вылетели» из зала и не могли ничего понять, что произошло. Бегали, волнуясь, думая, что где-нибудь горит. Я также сновал среди других, помогая разыскать виновника.

Начальство так и не узнало, кто позвонил в колокол. И я был горд тем, что «тайну о колоколе» знали только я и «Муся». Не знал ее, даже, никто из кадет.

СТРОЕВОЙ БАТАЛЬОН И МАЙСКИЙ ПАРАД

В строевой батальон Морского корпуса, 4-х ротного состава, распределяли по росту и я, будучи порядочным дылдой, попал в первый взвод первой роты. Командовал ею отчетливый офицер, капитан А. Геринг, а батальоном начальник строевой части, генерал - майор В. А. Давыдов, по прозванию «Василей». Ему и адъютанту полагалось быть в строю верхом, а потому им приводили из придворной конюшни лошадей. Кавалеристами они были, конечно, неопытными, почему лошадей им давали смирных. Особенно давыдовский Россинант, на котором, казалось, мог бы ездить и ребенок, отличался ангельской кротостью. Поэтому, вероятно, когда лошади стояли перед учением во дворе Корпуса, конюха разрешали нам «малость покататься». И я всегда перед учением гарцовал верхом.

Строевые занятия производились обычно в столовом зале. Из Л. Гв. Финляндского полка приходили унтер-офицеры, которые обучали нас ружейным приемам и шагистике.

Взводным унтер-офицером был у меня гардемарин Великий князь Кирилл Владимирович. Он не жил в Корпусе. На классных и строевых занятиях не бывал. Почти все преподаватели ездили читать ему лекции во дворец. В строю батальона бывал только в день «майского» парада и на репетициях его, причем приезд Великого князя был обставлен всегда большой «помпой», о которой расскажу ниже. Все это так поражало нас простых кадет.

Так воспитывал, в то время, своих сыновей Великий князь Владимир Александрович. Не то было позже, когда дети Великого князя Константина Константиновича жили в корпусах и ничем от рядовых кадет не отличались.

Так вот, когда батальон был уже готов для следования на Марсово поле и выведен со знаменем на набережную, мы долго еще здесь ожидали Великого князя. Наконец, со стороны Николаевского моста, показывалась пролетка с толстым кучером, в темносинем кафтане с медалями на груди. Это означало, что на ней следует Великий князь, который, не доезжая до батальона, останавливался у тротуара, принимал у служителя вин-

товку и направлялся к батальону. Следовала команда: «смирно, господа офицеры» и только тогда, когда наш взводный унтер-офицер занимал место на правом фланге нашей роты, батальон следовал на Марсово поле.

Батальон Морского корпуса входил в состав полка военно-учебных заведений, которым командовал начальник Павловского военного училища. Первый батальон полка составляло это училище, второй: 3 роты Инженерного училища и строевая рота пажей, а третий: 4-ре роты Морского корпуса.

Наша рота шла непосредственно за ротой пажей и нам доставляло большое удовольствие, на репетициях парада, поддавать грязь своими смазными сапогами на их, начищенные до блеска, высокие «ботфорты».

Как прекрасен был Санкт- Петербург в майские дни, когда вместо осенних дождей и колючего рождественского мороза, появляется солнце и яркая зелень садов!

С утра мы были уже на Марсовом поле, куда стекались войска и строились по указанию плац-адъютантов. Пестрели значки жалонеров, плавно колыхались знамена.

Парад начинался только в полдень, после объезда войск Императорской фамилией. Со стороны Инженерного замка показывалась красивая кавалькада: легонькая коляска с обеими Императрицами, запряженная четверкой белых, как снег, лоша-
~~дей, с сидящим верхом жокеями, в красных фраках и белых ло-~~
дей, с сидящими верхом жокеями, в красных фраках и белых ло-[x)]
раком, одетый в гусарскую форму, следовал Император.

А в нескольких шагах позади, живописной кавалькадой в свитских мундирах, в разнообразных формах гвардейских частей, едет царская свита: генерал-адъютанты, дежурство, высшие строевые начальники.

Царь здоровался с войсками. Гремела музыка и барабаны. И по всему полю, сливаясь в один общий рокот, прокатывалось «ура». Войска перестраивались к церемониальному маршу. Напротив трибуны собирались музыканты всех полков, образуя один грандиозный оркестр, под дирижерством капельмейстера Оглоблина, писавшего ежегодно к этому дню, свой марш.

После объезда, Император становился перед трибуной с

x) синах. Рядом, на сером коне, под раззолоченным чеп—

нарядной публикой, напоминавшей настоящий цветник. Солнце стояло над головой. Начинался церемониальный марш.

Первым проходил Гвардейский полевой жандармский эскадрон, в голубых мундирах и с серебрянными касками на голове. За ним, в алых черкесках, Императорский конвой.

Затем шли старики Дворцовые гренадеры в своих «медвежьих» шапках и полк военно-учебных заведений, а за нами: Преображенцы, Семеновцы, Измайловцы, Егеря и другие войска, всех родов оружия. «Майский» парад заканчивался кавалерийской атакой.

Надо сказать правду, что пехотный строй не особенно нас увлекал и ходили мы, в сравнении с «Павлонами», батальон коих был образцовым, плоховато, без особого старания, чем приводили в большое уныние, на репетициях, командира полка.

Но в день парада, перед церемониальным маршем, нас невольно охватывало волнение: сердце трепетало. Чувствовалось, что тысячи взоров в эту минуту будут устремлены на нас. Нужно было пройти, ровняясь по ниточке. Мы подтягивались и проходили хорошо, чем приводили в удивление, а затем в большую радость генерала, командира полка, который нас затем догонял и горячо благодарил.

Под звуки старинных маршей, приостанавливая уличное движение, приветствуемые взглядами и девичьими улыбками, — возвращались мы в Корпус.

КОРПУСНЫЙ ПРАЗДНИК И БАЛ

Храмовой праздник Морского корпуса приходился на 6 ноября ст. стиля. В этот день, выстроившись в парадных мундирах, при знамени и оркестре, в своем знаменитом зале, самом обширном из всех зал С.-Петербурга (Дворянского собрания был больше, но с колоннами), батальон служил торжественный молебен.

Потом следовал парадный обед, с традиционным гусем, «предка» которого прислала когда-то Корпусу Екатерина Великая. Кроме кадет, много бывших воспитанников Корпуса, а за отдельным «адмиральским» столом, около брига «Наварин», сидели адмиралы.

После обеда, мы спешили уйти в отпуск, чтобы приготовиться к балу, который был в тот-же вечер.

Этим балом открывался Петербургский сезон. Он был одним из наиболее эффектных в жизни столицы, привлекавшим лучшие круги общества и целый цветник молоденьких, в первый раз выезжавших в свет, девушек.

В зале яркий свет люстр и тысяч электрических лампочек. Ибо Корпус имел свою электрическую станцию и освещал, даже, расположенные по бокам его, 2 института: Елисаветинский и Патриотический, которые вдохновили Императора Николая I, при посещении Корпуса, сказать:

«Между двух прекрасных роз
Вырос баковый матрос».

В вестибюле не протолкаться. Десятки гардемаринов, с цветными значками на груди, любезно встречали гостей, указывали дорогу, следили за общим порядком. Новые и новые волны все вливались в бальную залу.

Но, вот взмахнула палочка капельмейстера, и под звуки вальса из «Евгения Онегина», уже закружились отдельные парочки. Море шелка, пенистого газа и кружев.

Обычно обращала на себя внимание М. Н. Барыкова, урожденная Каразина, в платье, разрисованном акварелью ее знаменитым отцом.

Сверкали эполеты и воротники парадных мундиров, звенели шпоры и раздавались команды распорядителей.

Я встречал своего родственника, блестящего Царскосельского кирасира, поручика Языкова, любуясь его формой, и тогда уже мечтал надеть, впоследствии, если не гвардейский, то хотя-бы армейский кавалерийский мундир.

ПРИЕЗД ЦАРЯ

Особенно запомнился приезд в наш Корпус Императора Николая II, в первый год его царствования. Царь посетил уже Пажеский корпус и, «по традиции», должен был затем приехать к нам, почему наше начальство переодевало нас ежедневно во все новое.

Но все же Царь приехал как-то неожиданно. Прошел прежде всего в церковь, а затем начал обходить ротные поме-

щения, где роты, выстроенные во фронт, ожидали его прихода.

Наконец, мы увидели молодого офицера, в погонах полковника и сюртуке Преображенского полка. Царь обвел роту своим ласковым взором и медленно, в сопровождении Императрицы, стал обходить фронт.

Со мной рядом стоял кадет Шупинский, имевший на груди золотую медаль на владимирской ленте, за спасение погибавших, которую он получил за спасение своего отца во время пожара.

Государь обратился к Шупинскому и спросил, за что он имеет эту медаль. Удивительная была память у Царя. На другой год, когда он снова приехал в Корпус и обходил нашу роту, увидя Шупинского, спросил: «Как твоя фамилия?» Но сразу прибавил: «Подожди, не говори» и потом, немного подумав, сказал: «Шупинский?». «Так точно, Ваше Императорское Величество».

Поражала скромность Царя, которая граничила с некоторой застенчивостью. Он все нерешительно покручивал свой ус и держал руку, заложенную за аксельбант. Также застенчивой казалась и молодая Государыня, тогда еще плохо говорившая по русски. Была очень эффектна, красива и много выше Государя. Ее все время занимал разговором, на французском языке, наш директор, свиты Его Величества, контр-адмирал Д. С. Арсеньев.

Государыня ни с кем из кадет, видимо из за плохого знания русского языка, не разговаривала. Но при обходе корпусного лазарета, когда Государь вошел в одну из палат, она задержалась у дверей с директором. Потом, вдруг, устремив свой взор на одну из дальних коек, быстро направилась к ней и, присев на кровать, начала разговаривать с лежавшим больным кадетом. Не помню его фамилии, но вспоминаю, что об этом тогда много говорили в Корпусе.

Затем Царь посетил столовою залу, смотрел парусное ученье на стоявшем там бриге «Наварин» и, пробыв в Корпусе несколько часов, стал собираться к отъезду.

Неподалеку от подъезда, стояли сани, под сеткой, с могучей серой парой, нетерпеливо бившей передними ногами по снегу. Толстый кучер, с бородою, в темносинем кафтане, с медалями на груди, мощными руками удерживал рысаков. Это

был знаменитый Песков, возивший Царя, когда он был еще Наследником.

Когда Царь сел с Императрицей в сани, в этот момент загремело «ура» и, прорвавшись в широко распахнутые двери, в одних фланелевках, кадеты бросились к саням и облепили их со всех сторон. Одни ухватились за козлы, другие стали ногой на полозья, остальные бежали.

Царь приказал кучеру ехать медленно. Попрожнему ласково улыбалось его лицо, он разговаривал и шутил. Так мы провожали его до Николаевского моста, где он, боясь, что мы простудимся, приказал возвращаться в Корпус. Там мы узнали, что нас отпустили в трехдневный отпуск.

Это посещение Царя оставило сильное, незабываемое, впечатление.

В ЛАЗАРЕТЕ

Корпусный лазарет был поставлен у нас образцово и многие из кадет ловчились попасть в него, чтобы малость там отдохнуть.

Старший врач, лекарь Орлов и младший - доктор медицины Эвербах, были врачи опытные и лечили нас не плохо. Но все-же это не помешало, кому-то из кадет, написать на них злую эпиграмму:

«Не говоря дурного слова
Про Эвербаха и Орлова,
Скажу, что оба молодца
Из мертвого творят больного,
А из больного — мертвеца».

При бывшей в Петербурге эпидемии дифтерита, я чуть было не отправился к праотцам. Первому, заболевшему этой болезнью кадету, не разобравшись еще хорошо в чем дело, врачи не успели вспрыснуть противодифтеритную сыворотку и он скончался. Вторым заболел я и меня положили в пустую, холодную палату, где умер этот кадет. У меня был большой жар, я бредил и при мне ночью находился санитар-матрос.

Только утром явились в белых халатах врачи и Орлов вспрыснул мне сыворотку. Сразу стало легче и болезнь по-

шла постепенно на убыль. Скучно было лежать одному в палате, отрезанному, как ножом, от своих товарищей. Но скоро палата начала наполняться другими, заболевшими дифтеритом, и затем образовалось целое заразное отделение.

Из других эпидемических болезней, в Корпусе бывала свинка (заушница), очень неприятная, заразительная болезнь. А также брюшной тиф, которым у нас болели, из-за плохой невской воды, главным образом — уроженцы юга. Поэтому в баках была кипяченая вода, а при эпидемии в нее подливали красное вино. Тогда, содержимое бака, быстро исчезало. Но, к счастью, меня эта болезнь миновала.

ОТПУСКА

В субботу, с ночевкой до воскресенья вечера, кадет отпускали в отпуск. Я, как не имевший родных в Петербурге, ходил к своей тете, Екатерине Николаевне Тур, двоюродной сестры отца, а также в семью генерала Семчевского.

Муж тети, штатский генерал, директор Лесного департамента министерства земледелия, был довольно мрачным и скучным господином, детей они не имели и бывал я у них только «по обязанности». Тянуло меня больше к Семчевским, где был мой сверстник, кадет Александровского корпуса, и его сестра. Приходил туда также гардемарин Коля Матусевич и вообще собиралось всегда там много молодежи.

Военный инженер генерал Семчевский, участник русско-турецкой войны, потерявший на ней правую ногу, был приветливым и добрым стариком, любившим нас, молодежь. Как начальник чертежных инженерного ведомства, он имел громадную квартиру, с большим двухсветным залом, в одном из павильонов Инженерного замка. В другом, напротив, помещалась Офицеская гимнастическая школа.

Всегда, на пасхальную заутреню, я бывал в церкви Военно-инженерного училища, а затем разговлялся у Семчевских. Бывал я еще у своих родственников Веденяпиных (генерал Веденяпин был профессором Военно-Инженерной академии и училища), где встречался со своим двоюродным братом правоведом, усыновленным княгиней Колунчаковой, и получившим по Высочайшему повелению двойную фамилию: князь Колун-

чаков-Ишеев. Княгиня Колунчакова, урожденная княжна Любовь Александровна Ишеева, после смерти мужа унаследовала громадное состояние. Будучи бездетной, она усыновила моего двоюродного брата, как я уже сказал выше, князя Петра Михайловича, сравнительно бедного, и, таким образом, он стал богатейшим человеком: целый город Темников, Тамбовской губ., лежал на его земле. Встречался я также у Веденяпиных и с другим братом правоведом, Вадимом Корольковым, и двумя кузинами, воспитанницами Николаевского института.

*****

По возвращении из отпуска в Корпус, мы делились между собой воспоминаниями пережитого дня. И, лежа уже в кроватях, долго не могли заснуть, рассказывая друг другу разные истории.

Я спал рядом с Константином Нарышкиным, а по другую сторону имел старшего унтор-офицера, князя Бориса Кантакузена графа Сперанского. Запомнилось, как ему, в отличие от других кадет, благообразный старик-камердинер приносил из дому и укладывал в ногах, тончайшее шелковое белье.

Отец Нарышкина числился при Императорском дворе, и Нарышкин рассказывал мне всегда разные Придворные новости, а также о своей безнадежной любви к известной Петербургской кокотке Кати Решетниковой, тогда уже жившей с светлейшим князем Салтыковым. Помимо Салтыкова у Решетниковой были и другие знакомства. Среди них был лейб-гусар Смецкой, к которому она часто ездила в Царское село.

Кате,видимо, льстило поклонение молодого кадета, который обычно встречал ее на вокзале, когда она возвращалась из Царского села. Она усаживала его, как он мне говорил, в свою двухместную карету и разрешала проводить до своей квартиры. Все этим и кончалось. Но это не мешало ему боготворить эту женщину. Перед сном он, имея ее карточку, обязательно целовал ее и затем клал под подушку: иначе он заснуть не мог.

Из Петербургских кокоток того времени славилась: Шурка Зверек! Настя Натурщица! Гатчинская Форель!

Если не считать Шурку Зверек, эффектную, красивую женщину, жившую с командиром улан принцем Луи Наполеоном, а затем с командиром того-же полка А. Орловым, — Решетникова выделялась среди них. Она была красивой блондинкой, очень женственной и отличалась большим врожденным шармом.

Обладатель громадного состояния, блестящий кавалергард и адъютант Царя, светлейший князь Салтыков вскоре на ней женился, бросил полк и переехал в Финляндию, в свое чудное поместье, с настоящим замком на берегу озера, около станции Перкиярви.

Но недолго продолжалось его счастье, вскоре жена умерла. Обезумев от горя, Салтыков долго не хоронил жену, держа набальзамированное тело ее у себя в имении. И только года через два, похоронил в русском монастыре, близ станции Мустамяки.

Говорят, что, будучи уже на положении беженца в Германии, Салтыков встретил там жену одного полковника, очень похожую на прежнюю Катю Решетникову, — откупил ее у мужа и на ней женился. Но вскоре, разочаровавшись, развелся.

Нарышкин, по окончании Корпуса и производства в мичмана, перешел затем в Л. Гв. Преображенский полк и в Великую войну пал на поле брани смертью храбрых. Будучи сам очень интересным и породистым, он имел три сестры красавицы. Две из них, в то время, вышли замуж: одна за лейб-гусара светлейшего князя Лопухина-Демидова, а другая — за кавалергарда Родзянко. Обе блистали затем в Петербургском высшем обществе. Венчались одновременно в церкви Удельного ведомства: стояли две красивые пары и это редкое зрелище запечатлелось у меня на всю жизнь.

Из старших товарищей помню хорошо своего фелдфебеля Колчака, будущего адмирала, знаменщиков: фельдфебеля Кедрова и ст. унтер-офицера, красавца Анатолия Ленина. Это он, после окончания своего романа с Вяльцевой, написал и посвятил ей романс: «Забыты нежные лобзанья...». Его мать, баронесса Радошевская, была автором романса «Хризантемы» и многих других. И не удивительно, что Ленин был так музыкален: он садился за рояль и исполнял церковную службу, сам себе аккомпанируя.

***

Бывал я еще со своим другом Митей Погожевым у его дяди, который был управляющим конторой Императорских театров и, благодаря этому, имел свою ложу во всех Императорских театрах. Мы с Митей частенько восседали в этих ложах и знали многих артистов.

В Царские дни, во всех Императорских театрах, давали дневные спектакли для столичных учебных заведений. Весь партер был заполнен генералитетом и офицерством, в ложах помещались институтки, а на верхних ярусах юнкера, кадеты и прочие воспитанники столичных учебных заведений. Преимущество попасть на эти спектакли имели те, у кого не было в Петербурге родных, а поэтому я часто получал на них билеты.

В Мариинском театре в этот день, почему-то, всегда был балет, который я не особенно жаловал. И если получал на него билет, то старался поменяться с тем из кадет, кто попадал в Александринку. В ней в эти дни часто ставили «Кина», с Мамонтом Дальским в заглавной роли. Когда Дальский, этот великий трагик, вел драматическую сцену, — у зрителей, буквально, останавливалось дыхание, сжимались сердца, а институтки плакали навзрыд.

Думал-ли я тогда, что этот большой артист, сын предводителя дворянства Неелова (настоящая фамилия Дальского), добившийся всероссийской славы, — возглавит потом анархическое движение и погибнет, как-то нелепо, под колесами трамвайного вагона в Москве.

Попал я раз и на торжественный спектакль в Мариинский театр, когда в Петербург приехал Эмир Бухарский. Шел балет, кажется, «Дочь Фараона». После этого спектакля рассказывали, что на вопрос, заданный Эмиру, что ему больше всего понравилось, он указал на музыку как раз тогда, когда оркестр настраивал инструменты.

***

В то время я увлекался особенно оперой. Кроме Мариинского театра и немецкой оперы в здании Консерватории, я бывал в Панаевском театре, впоследствии сгоревшем, на набережной Невы. Здесь оперу держал князь Церетелли, большой

любитель-меценат, просадивший для этой цели все свое громадное состояние. Это ему обязана Россия созданием таких выдающихся оперных артистов как: Шаляпин, Собинов, Антоновский, Камионский, Южин, Терьян-Карганова и мн. др.

В таком составе, как шла у него чудесная опера «Кармен», я никогда больше, даже за границей, не видел. Терьян-Карганова — Кармен, Южин — дон Хозе и Камионский — Эскамильо. Отзывы Петербургских газет были восторженные. Про Терьян-Карганову, тогда, писали, что такой Кармен Петербург никогда не слышал и никогда больше не услышит. И это была сущая правда. Редкой красоты был баритон у Камионского. Когда ему предложили поступить на Императорскую сцену, для чего надо было креститься, то он, как правоверный еврей, — отказался. А Южин, вскоре, стал украшать подмостки Большого театра в Москве.

Еще вспоминается торжественный «Концерт Инвалидов», который устраивался ежегодно постом в Мариинском театре. Исполнял его громадный оркестр из всех полковых хоров гвардии под управлением капельмейстера Главача. Как сейчас помню одну программу, но позже, когда я уже был офицером. В начале была пьеска Аверченко «Старики» с участием Давыдова и Валуа, затем грандиозный концерт, а в заключение дивертисмент, в котором, среди других, выступал, специально приехавший для этого из Москвы, любимец публики, артист Большого театра Пирогов. Публика не отпускала его со сцены до тех пор, пока он не спел, не бывшую в программе, арию из «Лакме». Скончался он, к сожалению, очень молодым. А Валуа возвращаясь, после спектакля из театра, к себе домой, был убит, в 1917 году на Фонтанке, каким-то пьяным матросом.

***

Теперь мне хочется рассказать о том чемпионате французской борьбы, который был организован, в то время, графом Рибопьером в Михайловском манеже.

У широкой публики сложилось мнение, что всякая борьба, а особенно происходящая на аренах цирка, ведется «не чисто», что заранее уславливаются: кто должен победить. Оно имеет за собой, конечно, известную долю правды.

Что-же касается всемирного чемпионата, объявленного

Петербургским спортивным обществом, во главе которого стоял граф Рибопьер, то он был единственной французской борьбой, происходившей на строгих спортивных началах. Судьи были, заслуживише полного уважения и доверия, известные спортсмены.

Съехались известные борцы со всего мира: французы, итальянцы, немцы, шведы, поляки, болгары, сербы и два очень сильных турка. Было объявлено 3 денежных приза.

Борьба происходила раз в неделю, по субботам. В этот день громадный Михайловский манеж, не смотря на 2-ух рублевую цену на все места, был переполнен столичной публикой. Я не препустил ни одного дня.

Особенно был интересен последний день состязаний, когда происходила борьба на первый приз между поляком Петлязинским и французом Феннелоном. Надо ли говорить, что перед этим они перебороли всех участников состязания, также первоклассных борцов. Оба, прекрасно сложенные, ловкие и изящные в своих приемах, были профессорами французской борьбы в своих странах. С невероятной быстротой один красивый прием следовал за другим.

Борьба была очень долгая и упорная. Наконец Петлязинский, красивым приемом тур-де-бра, бросил француза на обе лопатки. Трудно описать, что делалось после этого в манеже и каких оваций удостоились у публики оба борца.

Но, что замечательно: Феннелон, без всякой злобы, признавая свое поражение, подошел к Петлязинскому крепко пожал ему руку, а затем обнял и поцеловал.

Первый приз на этом состязании получил Петлязинский, второй Феннелон и третий болгарин Петров. Оба турка, обладатели феноменальной силы, остались без награды и возвращаясь на пароходе, после чемпионата к себе на родину, попали в сильную бурю на Каспийском море и там погибли.

Забавно, когда происходил этот чемпионат, из Москвы приехал знаменитый чемпион гиревик, борец Моор (наст. фамилия Знаменский, бывший мясник) и вызвал на поединок болгарина Петрова, с тем, что если он его положит, Моор уплачивает ему 1000 рублей. Очень скоро, как Моор лежал на обеих лопатках. Затем, на следующей неделе, на тех же условиях, он вызвал француза, но и Феннелон его положил.

Не разбираясь еще хорошо в качестве борцов, Моор третьим вызвал Петлязинского. Сразу, в начале борьбы, почувствовав, что ему не сдобровать, Моор притворился, что у него болит нога и начал прихрамывать. Но тут вмешалась публика и потребовала довести борьбу до конца. Понятно, что его скоро положил и Петлязинский.

Уплатив таким образом 3 тысячи, Моор укатил в Москву. Оказывается, что его привезли Московские купцы, которые и субсидировали всю эту затею.

Я привел этот эпизод, чтобы показать как важна во французской борьбе техника и установленные правила. И насколько она отличается от безобразной и отвратительной вольно-американской борьбы, которая является не борьбой, а скорее дракой, где можно ударить противника ногой в живот, выбить у него зубы, и «отправить на тот свет» .

Одевали в Морском корпусе хорошо. Шили все новое, по мерке. Мы не заказывали себе собственных мундиров и фуражек, как это было принято в некоторых училищах и корпусах. Единственным шиком считалось у нас иметь собственный палаш, ибо казенные, которые нам выдавали, были коротки и грубоваты. А потому мы старались «закатить» себе такой длины, как кирасиры.

Я имел какую-то страсть к клинкам, а потому частенько рылся у старьевщиков в Апраксином рынке, где еще не «просвещенные» окончательно иностранцами, лавочники плохо разбирались в старине. Находил там интересные клинки, давал их в отделку в магазин Шаффа, на Невском, и снабжал затем ими своих товарищей.

Кормили в Корпусе неплохо, но несколько голодно. Особенно это ощущалось по утрам и вечерам, когда мы получали только булку и кружку чая.

Экономом был капитан Модест Ланге. Злые языки говорили, что он уже имеет, от излишков нашего питания, несколько домов. Верно ли это, не знаю. Но помню, как ему устроили грандиозный «бенефис», когда нам на обед дали вонючее мясо. Это возымело свое действие и, кроме вечернего чая, мы получили в этот день еще свежие бифштексы.

Два раза в неделю за обедом играл наш корпусный вольнонаемный оркестр. Ели мы «на серебре» и обед кончался только тогда, когда дежурному по корпусу штаб-офицеру докладывали, что все серебро сдано. На каждом столе стояло по два серебрянных жбана, с замечательным корпусным квасом.

Желая послушать музыку возможно дольше, кадеты умышленно припрятывали иногда пару ложек и, пока служители бегали в поисках их, наслаждались звуками нашего не плохого оркестра.

ПЕРВОЕ ПЛАВАНИЕ

Только на второй год пребывания в Морском корпусе, кадеты отправлялись в плаванье. Наша рота была разделена на две части: одна плавала на учебном судне «Моряк», а вторая — на блокшифе «Невка». Я попал на «Моряк».

Оба названные «корабля» машин не имели, а потому их тащили на буксире в Финляндские шхеры, где мы, вблизи городка Котки, и простояли на якоре все лето.

Перед плаваньем, я был избран товарищами на должность «артельщика». Получил на руки аванс, закупил разную бакалею и нанял, по газетному объявлению, повара. Это был мастер своего дела, работавший раньше в Академии художеств, но в то-же время и изрядный пьяница. Правда, на корабле он не пил, но уж, когда попадал на берег, то напивался до «мертва». И, по возвращении на корабль, поднимали его, как мертвый груз.

Кормил я не плохо, доказательством чего служило то, что вскоре к нам на довольствие перешла и офицерская кают-компания. В то время на прокорм кадета в плаваньи полагалось 70 копеек, почти вдвое того, что отпускалось на продовольствие в стенах корпуса. А потому мы ели сытно, подносили всем офицерам именинные пироги, устроили вечеринку, а также,после окончания плаванья, я выдал на руки, каждому кадету, по 10 рублей экономических денег.

Командовал «Моряком» капитан 2 ранга Стронский, большой оригинал,старый холостяк и настоящий морской волк, парусник.

«Моряк», бывший корвет, имел 3 мачты. На первых двух работали матросы, а на последней, бизань-мачте, мы, кадеты. Во время парусных учений Стронский, вспоминая годы своего плаванья, горячо ругался, не стесняясь в выражениях. Хотя эта красочная «морская брань» относилась больше к матросам, но «рикошетом», иногда, попадала и в нас. Боясь, чтобы кто-нибудь из нас не написал об этом родным, а те не довели-бы до сведения высшего начальства, — Стронский, обычно, обиженного кадета приглашал, после ученья, к себе на обед, где старался «загладить» свою вину.

Спокойный, закрытый рейд у Котки, усеянный небольшими островками, населенными флегматичными финнами, преимущественно рыбаками, был очень удобен для наших занятий.

С корабля была видна массивная, деревянная дача Александра III, куда Император приезжал на рыбную ловлю и откуда последовала историческая депеша Царя: «Когда русский Император удит, Европа может подождать».

Такого множества всякой рыбы, которая была в шкерах, я никогда больше, в своей жизни, нигде не видел. За бортом корабля, у рукава с отбросами, ее кишела целая масса. И каких пород мы здесь только не наблюдали?

С корабля ловить рыбу не разрешалось. Но у команды нашей был невод и она съезжала, иногда, на один из островов для этого занятия. С ней отпускали и нас, что доставляло нам большое удовольствие. Улов всегда был большой и к ужину, в этот день, была вкусная уха.

Вспоминается, как раз, будучи на одном из островов, мы наблюдали за финном, который сидел в лодке и, попыхивая трубкой, спокойно накручивал ногами конец от невода, подтягивая его к лодке. Вдруг показалась огромная рыба, которая затем с такой силой вскочила в лодку, что чуть не выбросила из нее финна. Но он не растерялся, моментально схватил большую деревянную колотушку, вскочил верхом на рыбу и стал наносить ей удары по голове. Оглушив таким образом это «чудовище», он выволок его на берег. Сбежалось все население этого островка, от мала до велика, выражая свою радость и предвкушая хороший заработок. Это был чудовищной величины лосось, редкость не только для нас, но очевидно и для самих финнов.

Утром, перед поднятием флага, — этой торжественной церемонии на корабле, — нас прогоняли по вантам через саллинг, или, говоря обывательским языком, по веревочной лестнице до верхней части мачты с одной стороны, а спускались вниз по другой. Это требовало быстроты и особой сноровки. Саллинг служил также и местом нашего наказания. Сажали на саллинг на 1 —2 часа. Взобравшись туда, надо быо сесть и крепко ухватить руками мачту, ибо бывали случаи, когда в бурную погоду, задремавший на саллинге, срывался вниз. Наказание это было не из веселых.

Кроме парусного учения, вахт, дежурства на руле и при машине парового катера(что кадеты очень любили), сигнализации флагами, такелажных работ, — главное наше ежедневное занятие была гребля и управление шлюпкой под парусами. Все мы, кадеты, из 6-ти человек гребцов и одного рулевого, имели свою шлюпку — шестерку. Они имели, по борту, цветную полосу и назывались по цвету краски. Я был на «желтой» шестерке.

Многих из нас уже нет в живых. Погиб в Цусимском бою Щелкунов. Митя Погожев, контуженный в этом же бою, скончался затем в России. Леша Рыжей, будучи арестован матросами, не желая подвергнуться издевательствам и пыткам большевиков, бросился, когда его вели на допрос, с верхнего этажа в пролет лестницы, и разбился на смерть. Умер Борис Пышнов. О судьбе Тарасенко-Отрешкова и Чирикова — не знаю.

Наша шестерка выделялась из числа других и на предварительных гонках мы, почти всегда, были первыми. Это многим не нравилось. Особенно злились на «Невке». И вот незадолго до настоящей гонки на «Невке», во главе с «силачем» Маковским (сын знам. художника), желая нас «обставить», составилась шестерка из самых сильных гребцов.

Не помню, сколько участвовало в гонке шестерок, но их было много. Также не малая была и дистанция: надо было обогнуть какой-то остров и затем уже, выйдя на прямую, идти на створ двух кораблей, один из коих был флагманский, с командующим учебным отрядом контр-адмиралом Кригером.

Все, участвовавшие в гонке шлюпки, выстраивались в одну линию и рулевые держались рукой за концы. Сигналом к

гонке служила пушка. По первой приготовиться, а по второй — начинать гонку.

Сразу вперед вырвалось несколько шестерок. Но особенно вылетели наши конкуренты с «Невки». Мы же, как обычно, начали грести своим спокойным, ровным темпом. Митя, наш постоянный рулевой, поливал для «охлаждения» нас изредка водой, а мы методически продолжали свое дело.

Наблюдавшие гонку с кораблей, рассказывали нам потом, как мы постепенно начали обходить одну шлюпку за другой, как другие выдыхались и как красиво мы закончили гонку первыми, под громкие аплодисменты своих товарищей, подняв весла на валек — на траверсе адмирала.

Здесь сказалась тренировка. Наша «желтая» шестерка, составленная с первых же дней плавания и не менявшая своего состава, за все время плавания, сгреблась и тренировалась аккуратно все лето. И немудрено поэтому, что мы «обошли» так легко «силачей» с «Невки», мало тренированных и наспех составленных.

Но на парусной гонке нам не повезло: мы взяли только второй приз. И вот почему. Когда гонка подходила к концу и мы были далеко впереди, вдруг лопнул фокафал (веревка, на которой держались паруса) и вся оснастка рухнула вниз, здорово хватив меня по голове. Пока вправляли фока-фал, нас обошла одна из шестерок, а мы пришли вторыми. Хорошо, что другие шлюпки были сравнительно далеко, а то бы нам не видать и этого приза.

За гребную гонку приз получали все гребцы и рулевой. Это был серебрянный якорь-стопанкер. За парусную — только рулевой, который выбирался по жребию. У нас на руле был Борис Пышнов. Он получил часы, с корпусным гербом на крышке.

В КАВАЛЕРИИ

При переходе в первый специальный класс Морского корпуса, я уехал, перед плаваньем, домой в отпуск,в гор. Ннколаев.

В то лето там должен был состояться спуск на воду, строившегося в тамошнем Адмиралтействе, нового броненосца. На

это торжество съехалось много приглашенных лиц, в числе коих был и командир Астраханского драгунского полка К. А. Карангозов.

Надо сказать, что я давно мечтал о кавалерии. Но отец мой, когда я высказывал ему свои пожелания, и слышать об этом не хотел. Он считал, что я должен быть морским офицером, т. к. наши предки служили, преимущественно, во флоте. Матушка же моя, не чаявшая во мне души, была, конечно, на моей стороне.

Отец исполнял в то время обязанности Командира порта и Градоначальника, почему вечером, в день спуска броненосца, у нас в доме был прием. Был на нем и Карангозов.

Вид блестящего кавалериста, с маленьким белым крестом Св. Георгия в петлице его сюртука, за безумно-мужественную атаку, в конном строю, турецких окопов, во время войны 1877 года и бывшего лихого командира эскадрона Николаевского кавалерийского училища, которого я знал уже по Петербургу, — не давал мне покоя.

Я упросил матушку переговорить с Карангозовым. Дело, видимо, налаживалось, ибо вскоре Карангозов, взяв меня за локоть и подведя к отцу, сказал: —«Ваше превосходительство, отпустите вашего сына ко мне в полк, ручаюсь вам,что я сделаю из этого молодца бравого кавалериста».

Отец, бывший в этот день в очонь хорошем расположении духа, ввиду прекрасно сошедшего спуска броненосца, за который он получил Высочайший подарок: перстень с вензелем Императора, усыпанный брильянтами, ответил: —«И вы против меня, полковник? Ну, что-ж, я согласен, берите этого лошадника».

И так, участь моя свершилась, — я стал кавалеристом.

В то время, Елисаветградское кавалерийское училище, куда я собирался попасть, было еще окружным. Чтобы в него поступить надо было быть вольноопределяющимся и отбыть в полку дивизионные сборы. Кроме того в полк надо было внести реверс на лошадь, который в каждом полку был различен: начиная от 300 и до 1000 рублей. В Астраханском полку с меня потребовали 600 рублей, которые пересылались затем, при вашем поступлении, в училище. Кроме того, по окончании училища, юнкеру пологалось еще от казны на обмундирова-

ние 300 рублей. Таким образом, будучи произведенным в корнеты, я получил на руки 900 рублей.

Отец написал в Корпус о моем уходе, и вскоре я получил аттестат вольноопределяющегося I разряда, с каковым и другими нужными бумагами, не долго думая, отправился в гор. Тирасполь, около Одессы, где стояли Астраханские драгуны, явился к Карангозову и был зачислен в списки полка вольноопределяющимся.

Попал я в эскадрон, где после турецкой кампании не было еще ни одного «вольнопера». Командовал эскадроном старый ротмистр Надеин, который, поздоровавшись с эскадроном, обычно спрашивал: «Юнкер в строю?» В прежнее время вольноопределяющихся не было, были только юнкера. И от старой привычки ему отвыкнуть было не легко.

Бравый вахмистр эскадрона, кавалер знака отличия всех четырех степеней, посадив меня верхом на коня, вывел в манеж и пустил сразу на барьер. Моя форма «вольнопера» еще не была готова, а потому представляете ли вы себе картину: моряка, с развивающимися ленточками на фуражке, мчавшегося на барьеры? Старый служака считал, что только таким способом можно выучиться ездить верхом и, как он говорил: «приобрести сердце». За эти уроки я «расплачивался» с ним, уча его детей грамоте.

Поступив в полк в апреле, и отбыв дивизионные сборы, я уже в начале августа был командирован в Елисаветград держать в училище экзамен.

Перед отъездом, Карангозов снабдил меня письмом к начальнику училища А. В. Самсонову. Вручая мне это письмо, он сказал: «Передайте его Самсонову, он мне многим обязан.» Конкурс был большой, и я не знаю, что помогло моему поступлению: мой ли двухзначный балл, или письмо Карангозава?

Печальна судьба этого блестящего офицера и лихого наездника. Произведенный в генералы, Карангозов получил в командование бригаду. Затем был назначен Одесским военным губернатором. А в 1905 году он был убит на Кавказе революционерами.

В КАВАЛЕРИЙСКОМ УЧИЛИЩЕ

Все принятые в училище вольноопределяющиеся, зачислялись юнкерами и носили форму своих полков. В училище было два эскадрона. В первый попадали все из первых полков дивизии и кавказских, а во второй — из 2-х и 3-х полков. Таким образом, по цвету фуражек, первый эскадрон был сплошь красным и малиновым, а второй — белым и голубым.

Окончившие окружное училище юнкера выпускались в свой полк эстандарт-юнкерами, причем, кончавшие по первому разряду, производились в корнеты по общей кавалерии, а по второму — только в свой полк, почему ждали производства, иногда,по 2 — 3 года.

Но в том году в Елисаветградском училище образовывались, для лиц окончивших корпуса и средне учебные заведения, двухгодичные военно-училищные курсы, а также, в виде опыта, и трехгодичные курсы для поступавших по экзамену. Окончившие их, выпускались в полки уже корнетами. Я попал на эти курсы и «прокоптел», таким образом, в училище 3 года. Училище получило общую форму.

Еще в лагерях, где происходили экзамены, нам приказано было снять шпоры, каковые давались затем, в зависимости от успехов в верховой езде. Таковая происходила ежедневно. И я, при разборке лошадей, выбрал себе громадного семивершкового мерина, под названием «Памятник», который, как оказалось, сильно тряс и на которого, как я потом узнал, сажали за наказание. Если к этому прибавить, что езда происходила без стремян, то удовольствие было не из приятных.

«Южная школа», как называли наше училище, помещалась в 2-х больших трех-этажных зданиях, бывшем Елисаветинском дворце, расположенном в самом центре уездного гор. Елисаветграда. В одном здании, главном, жили юнкера, была училищная церковь и столовая, в другом, — классном флигеле, — классы, канцелярия и разные учебные залы.

Перед зданием был большой четырехугольный плац, где происходила верховая езда, а по двум его сторонам — два манежа, один из коих остался еще, от,когда то расположенной здесь, кирасирской дивизии.

Вокруг всего плаца, обнесенного деревянной изгородью,

тянулась городская аллея из душистых акаций, со скамейками, — излюбленное место прогулок Елисаветградских девиц. В общем, Кавалерийское училище было достопримечательностью города.

Первый эскадрон,в который я попал, помещался в больших светлых, бывших дворцовых, залах, на 2—м этаже. А второй — над нами, в помещении похуже. Прозывался он, почему то, — «мордвой».

Вскоре, после того как мы вернулись из лагерей, в училище стали съезжаться юнкера старшего класса — «корнеты». Все мы были для них «звери», которых ожидала юнкерская шлифовка, кавалерийский цук. Эта традиция существовала в двух других кавалерийских училищах и в Пажеском корпусе.

Вас поворачивали безчисленное число раз налево — кругом. Всюду слышались возгласы:

— Молодой, стоянка Ахтырского полка?

— Ничего подобного.

— Кругом.

— Сугубые звери. Тррепещи молодежь ...

— Корнет строг, но справедлив. Шутить не любит...

Все это было бы безобидно, если иногда не затрагивали-бы вашего самолюбия. Как например: «мне не нравится ваша физиономия, пойдите перемените ее в «цейхаузе». И нечто в этом роде. Поэтому я не особенно одобрял эту «традицию». И сам, будучи уже «корнетом», цукать не любил. Подтверждение своего взгляда я нашел в книге быв. старого пажа А. А. Игнатьева «Пятьдесят лет в строю» (Совет. издание), где он также осуждает эту «традицию» в Пажеском корпусе. И говорит: «Конечно, не все старшие относились к нам одинаково. Зато некоторые вызывали чувство дикой ненависти к себе». А в заключение добавляет: «Не даром пелось в песне юнкеров Николаевского кавалерийского училища:

С тех пор как юнкерские шпоры
Надели жалкие пажи,
Пропала лихость нашей школы»...

И это было в привилегированном военно-учебном заведении, а не в Окружном юнкерском училище, куда иногда попа-

дали лица мало интеллигентные и без достаточного домашнего воспитания.

**
*

Юнкера окружного училища одевались на собственный счет. Поэтому в Елисаветграде был целый ряд портных, сапожников и фуражечников, работавших на юнкеров. Шили они артистически. Но, кроме своей специальности, снабжали юнкеров и деньгами.

С введением военно-училищных и трехгодичных курсов, юнкерам полагалось казенное обмундирование. Но, по установившейся традиции, одевались и в собственное: особенно, когда уходили в отпуск.

Знаменитые Музыканский, Немеровский, Барский и др. существовали попрежнему, и блестяще одевали своих постоянных клиентов. А старик швейцар Виктор, снабжал юнкеров перчатками.

Уходивший в отпуск юнкер должен был быть одет, что называется: «с иголочки». Особенно доставалось, перед отпуском, «зверям». Дежурный по эскадрону раз двадцать повернет его налево-кругом, контролирует свежесть перчаток, портупеи. И могло случиться, что ему прикажут раздеться и оставят без отпуска.

**
*

Ежегодно приезжал в Елисаветград Главный начальник военно-учебных заведений Великий князь Константин Константинович. Это вносило большое оживление в монотонную жизнь юнкеров и было для них настоящим праздником.

Августейший поэт К. Р. пользовался большим поклонением и горячей любовью у юнкеров. Доступный, простой в обращении, Великий князь как-то сразу располагал молодежь к себе.

Жил он всегда в своем вагоне, но целые дни проводил в стенах училища. А по вечерам, после посещения лекций и других занятий, любил бывать в эскадроне, среди юнкеров. Все наше училищное начальство тогда, по его приказу, отсутствовало.

Мы чувствовали себя с Великим князем тогда совершенно свободно. По его просьбе, демонстрировали ему разное свое

искусство: показывали разные фокусы, читали, декламировали, играли на разных инструментах и, конечно, пели. Особенным успехом пользовались цыганские романсы:

Любовь для цыганки священное дело
Она, коль полюбит, то прямо и смело
Измены не стерпит она никогда
Изменщик погибнет тогда...

Пел эти куплеты, с цыганским надрывом, под аккомпанемент гитары, юнкер Шетохин. А старичек генерал, бывший с Великим князем, все ему кричал, требуя повторения: «Еще, еще пожалуйста!»

Перед отъездом, Великий князь снимался с нами, в общей группе на учебном плацу, во главе всего начальства. В связи с этим не могу забыть, как он цукнул наглого и самонадеянного ротмистра Нарвского полка Дроздовского, бывшего в этот день дежурным по училищу.

Желая порисоваться, Дроздовский стал за Великим князем, ухарски заломив фуражку на затылок. Но почему-то Князь обернулся и, увидя Дроздовского в таком виде, сказал ему: «Ротмистр, поправьте фуражку». Но и тут Дроздовский не растерялся и ответил: «У меня болит голова». Но все-же фуражку поправил и принял более пристойный вид. Юнкера были очень довольны этим случаем, ибо особой любовью Дроздовский у них не пользовался.

Смотр училища сходил всегда блестяще. На вокзал провожали всем училищем и Великий князь отпускал нас гулять на 3 дня.

Этот отпуск не давал вам права выезда за город. А соблазн поехать на 3 дня в Киев был большой.

И вот я, Борис Решетилов и Андрюша Бюллер расхрабрились и, тут же на станции, обратились к Начальнику училища с просьбой. Генерал Самсонов, по случаю удачного смотра, был в хорошем настроении и нас отпустил.

Деньги у нас были и мы провели чудесных 3 дня в красавце Киеве, отдав должное шантану, на другой стороне Днепра.

Но малость не рассчитали: денег хватило только на обратные билеты. А в дороге, после лукулловских обедов и ужинов, — пришлось «щелкать зубами.»

***

Вспоминая своих начальников и преподавателей, прежде всего должен упомянуть Начальника училища генерала А. В. Самсонова. Несмотря на свою строгость и требовательность, редко кто пользовался такой любовью у юнкеров. Особенно он обращал внимание на строевые занятия. И слабый в классных занятиях, но хороший строевик,— был у него на первом счету. При нем Елисаветградское училище, в строевом отношении, было на большой высоте.

Всем известна его трагическая судьба, когда он, Командующий 2-ой армией, погибшей в Восточной Прусии, благодаря ген. Желинскому, не желая перенести этого позора, - застрелился, как честный солдат, в лесу. Даже немцы, оценив его подвиг, поставили ему памятник.

Александр Васильевич Самсонов был добрейшей души человек. Не было случая, чтобы он, за все время пребывания Начальником училища, отчислил кого-нибудь из юнкеров в полк. А это было одно из самых тяжких наказаний, когда вас отправляли унтер-офицером в полк и вы должны были снова стараться попасть в училище. Не могу забыть, как он избавил меня от этой беды.

Когда в училище были введены военно — училищные курсы, кроме кадет, поступали и окончившие средние учебные заведения. Приезжали даже, в длиннополых сюртуках, и семинаристы. Все их штатское платье попадало, обычно, в руки наших служителей.

Но нам пришла в голову идея: устроить «гардероб», который мог-бы снабжать платьем юнкеров, удиравших из училища. «Удирать» у нас называлось самовольно отлучаться в город. Последовал приказ по курилке: «Сугубым зверям все штатское платье сохранять при себе». Мы отобрали подходящее одеяние, которым и пользовались все желающие.

Это не понравилось старшему служителю 2 эскадрона Коромушке, который донес командиру эскадрона рот. Богинскому, что юнкера переодеваются в штатское платье и удирают из училища.

Как-то я и, из 2 эскадрона, юнкера Канин и Красницкий, переодевшись в штатское и перелезши в саду через забор, от-

правились в город пообедать в отдельном кабинете, излюбленного нами ресторана гостиницы Коваленко.

Благополучно возвратились к 9-ти часам в училище. Но после переклички, ко мне в эскадрон прибежали Канин и Красницкий и сообщили, что «моль», — так звали Богинского, — была в эскадроне и допрашивала их: удирали-ли они из училища. Богинский, видимо, после доноса Коромушки, приказал ему проследить тех юнкеров, которые отлучаются, и ему доложить. Зная, что на очную ставку нас со служителем не поставят, я посоветовал им не сознаваться.

Но «моль» доложила об этом Начальнику училища. И вот, в одно воскресенье, после церковной службы, были построены оба эскадрона и Самсонов, поздоровавшись с нами, вызвал перед строй меня и, во 2-м эскадроне, Канина и Красницкого. И, обратившись к нам, сказал.

— Ротмистр Богинский доложил мне, что вы переодеваетесь в штатское платье и самовольно отлучаетесь из училища.Уходили-ли вы в город на этой неделе?

— Нинак нет, Ваше Превосходительство, мы из училища не удирали, был наш общий ответ.

— Так вот что, господа, сказал генерал, — даю вам срок подумать неделю и, если вы мне затем не сознаетесь, я вас отчислю в полк.

Мы приуныли. Быть отчисленным в полк не особенно улыбалось, но и сознаваться не было расчета. Самсонов ко мне благоволил и поэтому, мне казалось, что что-то должно меня спасти.

Прошла еще неделя. После церковной службы, эскадроны опять построили и нас вызвали перед строй.

— Так что-ж Ишеев, удирали ли вы из училища, или нет? Спросил меня первым Самсонов.

— Никак нет Ваше Превосходительство, я из училища не удирал.

— И так, вы можете дать честное слово, что вы из училища ночью не удирали?

Я призадумался и сразу не ответил: честное слово обязывало. Но вдруг меня осенило, что слово «ночь», которое вставил в свой вторичный вопрос Самсонв, — нас спасает.

— Так точно Ваше Превосходительство, даю честное слово,

что: я ночью не удирал. Ответил я, с особенным ударением на слове «ночь».

Повернувшись ко 2-му эскадрону, генерал задал тот-же вопрос Канину и Красницкому. Первый был толковый парень и, сразу сообразив, выпалил: «Даю честное слово, что я ночью не удирал».

Но второй, к сожалению, был заика и, пока выпевал свою фразу, а на слове нооочью проделывал свои «трели», я подумал, что мы погибли. Но всё, слава Богу, сошло благополучно.

Надо сказать, что ночь у нас считалась ,после 9-ти часов вечера. К этому времени мы уже были в училище и присутствовали на перекличке. почему я и считал, что имею право дать честное слово.

Кроме того, ясно было, что Самсонов, желая нас выгородить, умышленно вставил в свою фразу слово «ночь».

Большинство из наших товарищей были на нашей стороне и горячо нас поздравляли. Но были и такие, которые считали, что слово «ночь» не давало нам, все-таки, права на честное слово.

Но кто радовался, то это «звери», видевшие в этом особую нашу лихость и находчивость.

***

Вторым вспоминается командир нашего эскадрона, быв. Переяславский драгун, подполковник Собичевский. Настоящий джентльмен, блестящий строевик и общий любимец юнкеров. Когда он обходил помещения эскадрона, то старался как можно больше стучать ногами, чтобы юнкера успели приготовиться его встретить.

В большинстве преподаватели и сменные офицеры были достойные уважения и смотрели на юнкеров, как на будущих офицеров. К ним следует отнести:

Инспектора классов полковника Радкевича, подполковника барона Майделя, капитанов: Гусева, Конахевича, Приходько, ротмистров: Карпенко, Сумина, штаб-ротмистров: Добродеева, Лукьянова, Гриненко и др., которых, к сожалению, вспомнить не могу.

Но были личности отрицательные и большие оригиналы, о которых стоит рассказать.

Самым нелюбимым юнкерами в училище офицером был поручик Яр. Мелочной, придирчивый, смотревший на юнкеров как на каких-то школьников. Все мы относились к нему с какой-то злобой и постоянно старались устроить какую-либо пакость. А встречали всегда песней: «Ах, не то теперь у «Яра», грусть тоска меня берет...» Также бурбонистый ротмистр Федяй, который сам про себя говорил: «На службе Федяй собака, а вне ее добрый малый». И действительно, в обществе это был совершенно другой человек. Также назойливый Вознесенский драгун поручик Мачеварьяни.

Замечательной личностью был ротмистр Нарвского драгунского полка Дроздовский, однофамилец и потому ничего общего не имевший с генералом М. Г. Дроздовским, героем белого движения.

Высокий, стройный, с надменным взглядом, с большой самоуверенностью и фамильярностью, не имевший левой руки, которую потерял, после того когда, на пари с одной девицей, прострелил себе ладонь. Имел деревянную руку, подаренную ему одной из Великих княгинь, но носил только тогда, когда ездил верхом.

Дроздовский, имевший Императорский приз за фехтование, был послан еще из полка с двумя унтер-офицерами в Италию. По окончании там фехтовальной школы и вернувшись в полк, все были назначены к нам в училище: Дроздовский преподавателем фехтования, а Агафонов и Ждановский — инструкторами. Все они, как и Дроздовский, были блестящие фехтовальщики.

Много неприятных историй было у Дроздовского в училище. Не забуду, как его обрезал раз наш вахмистр Скадовский и проучила одна Елисаветградская барышня.

Вахмистр Скадовский, уже не очень молодой, с университетским значком на груди, крупный землевладелец (Скадовским принадлежал порт Скадовск на Черном море), он пользовался почетом и уважением у начальства. И вот, как-то, Дроздовский, будучи дежурным офицером по училищу, перед целым выстроенным эскадроном, сказал Скадовскому: «Милейший, ведите эскадрон». На что Скадовский ему ответил: «Господин ротмистр, я не милейший, а вахмистр Скадовский». Пришлось «пилюлю» эту проглотить.

Но с барышней дело у Дроздовского вышло похуже. Она была невестой одного нашего юнкера, который частенько, по будним дням, без разрешения начальства, бывал в доме ее родителей. Это была большая, известная в Елисаветграде, семья, где было и еще несколько сестер. Бывал там и Дроздовский.

Как-то этот юнкер (не помню его фамилии), не успевший своевременно скрыться, столкнулся у них с Дроздовским, которого невеста и ее родные упросили не сообщать об этом в училище. Дроздовский обещал и даже дал слово. Но затем, видимо, его не сдержал, т. к. юнкер этот был вскоре арестован, а затем, после своего «объяснения» с Дроздовским, отчислен из Училища.

Вскоре, после этого, я был в Городском театре, где был также и Дроздовский. И собственными глазами наблюдал такую картину.

После окончания спектакля, когда пубика стала расходиться, в нижнем фойе показался Дроздовский, под руку с местной помещицей, интересной дамой, Варун-Секрет. За ними шел брат Дроздовского, офицер Крымского конного полка, Юрий.

Вдруг, на встречу им, бросилась какая-то барышня и истерически крича: «Подлец, мерзавец!», подскочила к Дроздовскому с намерением нанести ему удар по лицу. Но он и здесь не потерялся. И спокойно, повернувшись к брату, громко спросил: «Юра, это к тебе?»

Все-же это ему даром не прошло. Будущие однополчане сообщили об «оплеухе» в полк и Дроздовскому пришлось снять мундир Нарвских драгун.

Расскажу еще о траги-комическом с ним случае, давшим юнкерам повод его изводить

Приехал, как-то, в Елисаветград бродячий цирк и расположился в палатке на окраине города. Мы, юнкера, даже об этом и не знали. Но, оказывается, Дроздовский там уже побывал, т. к. явившись в эскадрон и построив его (он был дежурным по училищу), обратился к юнкерам с такой речью:

— Господа, в город приехал цирк со зверями. Я решил войти в клетку со львами. Может быть к вашему удовольствию, они меня и скушают. Кто хочет из вас посмотреть на это зрелище?» Но не успел еще никто произнести одного слова, как

Дроздовский скомандовал: «Эскадрон направо, шагом марш.» И повел нас всех в цирк.

Когда мы пришли туда, Дроздовский сразу куда-то исчез. Затем скоро появился, переодетый в синюю «австрийку», каковые носили тогда как тужурки.

Клетка-вагон, перед которой мы расселись и куда Дроздовский сразу вскочил, оказалась не с обещенными львами, а с молодыми леопардами. Все шло сначала благополучно: Дроздовский хлопал бичем, громко кричал, а леопарды метались в клетке, из угла в угол.

Но вдруг звери вскочили вверх на, бывшие в вагоне, полки, и начали рычать, намереваясь прыгнуть на голову незнакомому горе-укротителю. В этот момент Дроздовский растерялся. Спас положение, стоявший около клетки, внизу, настоящий укротитель, который все время не спускал своего взгляда со зверей. И, когда это случилось ,он начал кричать: «Господин Дроздовский, возьмите барьер! Господин Дроздовский, возьмите барьер....»

Сначала Дроздовский не соображал, что от него хотят. Но затем понял, схватил маленький барьер, которым укротитель лупил зверей, и замахнулся на леопардов. Те сразу присмирели, соскочили вниз и разбежались по углам. А Дроздовский благополучно выскочил из клетки.

Долго мы потом изводили Дроздовского. Когда он появлялся в эскадроне, или на лагерной линейке, то ему всегда кричали: «Господин Дроздовский, возьмите барьер». От этого он приходил в бешенство.

Но все это не помешало Дроздовскому быть храбрым офицером. В великую войну, командуя Туркменским конным полком, он заработал георгиевский крест.

***

Большим оригиналом был капитан конной артиллерии Лишин, читавший у нас артиллерию, местный уроженец и землевладелец, имение коего начиналось у самого города.

Одетый вечно в сюртук, по борту коего красовалась толстая золотая цепочка с массой жетонов, — он был всегда мрачен и суров.

В молодости артилерийское орудие переехало ему ноги,

отхватив часть пальцев, почему ноги у него были больным местом. Отвечающий у доски юнкер должен был смотреть прямо ему в глаза. Если же Лишину казалось, что юнкер смотрит на его ноги, он бесился и ставил ему кол. Но, кроме того, вызывал еще и на дуэль, при чем кричал:

— Вы дворянин, я вас спрашиваю: вы дворянин? Если да, то я вас вызываю на дуэль. Лишин считал, что он может драться только с дворянином.

Конечно, никакой дуэли никогда не было. И дело ограничивалось только криком и петушиным наскоком на «оскорбителя».

***

Еще одной примечательной личностью был «горе-инженер» капитан Нилус, читавший фортификацию. Решил он как-то показать юнкерам опыты с пироксилиновыми шашками, для чего выбрал нескольких юнкеров помогать ему в этой затеи, в числе коих был и я.

Невдалеке от города протекал мелководный Ингул, к коему мы и отправились с Нилусом, захватив с собой кусок рельсы, деревянный столб и еще какие-то предметы, для производства опыта. Вкопали их в землю и начали, по указанию Нилуса, привязывать к ним пироксилиновые шашки. Мы были по одну сторону реки, а на другой должны были расположиться юнкера, наблюдавшие опыты. Ингул в этом месте был не широкий, т. ч. юнкера находились от места взрыва, сравнительно, близко.

Когда мы привязали пироксилиновые шашки к рельсе, то видели, что осколки от рельса, после взрыва, пойдут в сторону наблюдавших, о чем и доложили Нилусу.

— Я это знаю и делаю, чтобы произвести больший эффект. По моим расчетам, осколки не должны долететь до наблюдающих, ответил нам Нилус.

Все взрывы прошли удачно, но когда последовал взрыв рельса, который Нилус придержал напоследок, — осколки перелетели через реку. К счастью, они прошли поверх голов наблюдавших. Пострадали только несколько юнкеров, сидевших на деревьях.

Нилус был страшно смущен и подавлен. Забавно, что, получивши от Начальника училища большой за это нагоняй, он

никак не мог прийти в себя и все делал на классной доске какие-то вычисления.

После этого случая, юнкера с ним не стеснялись. И когда он был у нас руководителем на съемках, куда обычно ездили верхом, то его подсаживали на лошадь с такой силой, что Нилус, вместо седла, перелетал по другую сторону лошади. Вообще ездок он был очень слабый и плохо разбирался в кавалерийских терминах. Так например, когда подводили к нему смирнейшего коня «Одеколон», Нилус, смотря на трензельные и мунштучные поводья, спрашивал: «Скажите, зачем здесь так много вожжей?» И, после объяснений юнкеров, говорил: «Знаете, я уж лучше пойду пешком».

Но кого, вероятно, хорошо помнят, все бывшие юнкера, то это трубача Субботу. После зари, из карманов Субботы постоянно торчали «мерзавчики» с водкой, коей он и снабжал любителей выпить.

***

Когда я поступил в Училище, никакого театра там не было. Но среди юнкеров было двое, бывших раньше профессиональными артистами. Поэтому у меня зародилась мысль организовать драматические спектакли. С этим проэктом я обратился к капитану Конахевичу, нашему филологу, и встретил у него самый живой отклик. Он доложил об этом Начальнику училища.

И вот я и еще несколько юнкеров, с благословения Конахевича и разрешения генерала Самсонова, приступили к сооружению, в фехтовальном зале, временной сцены. Все делали сами: строили подмостки, рисовали, соорудили занавес с изображением красных драпри, подхваченных золотыми кистями, такие-же боковые кулисы, лесной задний занавес и лесные кулисы. И, конечно, комнату, а также кое-какой реквизит. Как раз позади сцены были юнкерские карцера, служившие нам прекрасными уборными.

Первое время пригласить из города, для участия в спектаклях, наших знакомых барышень нам не разрешали. Надо было женские роли исполнять самим юнкерам, а желающих на это не находилось. Наконец мы уговорили юнкера Меллер-Закомельского сыграть вахмистершу, единственную женскую

роль на нашем первом спектакле. Он и в жизни очень походил на «красную девицу», а, будучи переодет в женское платье, вызвал у начальства даже подозрение: не скрывается-ли под этим одеянием, кто-либо другой? За кулисы был послан дежурный офицер проверить это «собственноручно».

Открытие спектаклей прошло очень удачно. Веселая комедия Щеглова «Веселый день у вахмистерши» и в заключение сцена из «Леса» Островского, встреча Несчастливцева с Аркашкой, имели большой успех. Особенно отличились наши профессионалы в «Лесе»: юнкера Деникин и Бабинцев, особенно последний, — этот талантливый природный комик.

Трудно было нам вести «репертуар» без женщин. Без женских ролей пьес не существует. Приходилось выбирать отдельные сцены из «Свадьбы Кречинского» и др., но и их не много. Об этом мы не раз говорили Конахевичу.

Но наша затея понравилась начальству, которое решило театральное дело развить и построить постоянную, настоящую сцену, а также разрешить нам приглашать местных любительниц драматического искусства, участвовать в наших спектаклях.

Меня вызвал к себе инженер Нилус и сообщил, что генерал Самсонов поручил ему построить постоянную сцену и чтобы он, при этом, исполнял пожелания и указания юнкеров Ишеева и Красковского, нашего художника. Мы были этим очень горды.

Наши «подмостки» были разрушены и на их месте, вскоре, выросла постоянная, настоящая сцена. А пока она строилась, мы репетировали уже пьесу, с участием местных любительниц. Спектакли шли по субботам.

Не знаю, продолжал ли процветать, созданный мною театр, после того, как я покинул училище?

***

Вспоминается училищный бал, который в то время отличался всегда большой роскошью. К тем скромным средствам, которые отпускало начальство на устройство бала, добавлялась еще изрядная сумма. Деньги эти собирали между собой юнкера, среди коих были люди очень состоятельные.

Скромные залы классного флигеля, где давался бал, юнкера превращали в настоящий «сказочный дворец». Прежде всего, вы входили в фантастический сталактитовый грот, затем

в настоящий зимний сад, со цветущими деревьями, газоном и садовыми скамьями, откуда уже попадали в красиво декорированный зал, со множеством картин, эмблем и флагов. А находившаяся в этом зале сцена, превращалась в настоящий лес, с чучелами всевозможных зверей. И все это делали юнкера своими руками.

В то время, в Елисаветграде не было еще электрического освещения. Ходил только трамвай. И вот мы, юнкера, брали от него электрическую энергию и сами проводили электричество для бала в классный флигель. Вспоминаю, что я написал отцу и он мне прислал из адмиралтейства морской прожектор. В углу зала соорудили с ним маяк, который освещал танцующих. Это было очень эффектно.

На бал, кроме приглашенных горожан, съезжалось всегда много окрестных помещиков. А на другой день в местной газете писали: «Зала была освещена «ожиорно», он дирижировал «с полным антре», буфет «ломился» от всевозможных яств и питья» и нечто другое в этом роде.

Всегда перед училищем стояли разные «комиссионеры», которые исполняли различные наши мелкие поручения. Всех их мы хорошо знали и не было еще случая, чтобы кто-нибудь из них злоупотребил бы нашим доверием и присвоил бы себе наши деньги.

Но вот, как-то, я и юнкер Кирсанов, сын зажиточного помещика, получавший от отца крупные деньги, были оставлены без отпуска. Кирсанов только что получил 100 рублевую бумажку, которую не успел еще разменять Он дал ее мне и просил послать купить «закусона» и водки.

Выйдя на улицу, я подозвал к себе «Рыжого ютку» (был еще и черный) и вручил ему 100 рублей, прося исполнить поручение. Прошел час, другой, а Ютка все не возвращался. Это показалось нам подозрительным.

Тогда я, удрав из училища, отправился к знакомому полицейскому приставу и изложил ему всю эту историю. Он обещал розыскать Ютку, но высказал свое удивление: как это я мог доверить ему 100 рублей. «Ведь, это для него целое состояние и вряд-ли он сознается», сказал мне пристав.

Ютку скоро разыскали и приволокли в полицейский участок. Здесь в те времена не стеснялись, допрашивали с применением телесных наказаний. Особенно отличался знакомый пристав, выколачивавший сознание резиновой палкой. Но и это не помогло. Ютка уперся на своем: что мол меня не видел и никаких денег от меня не брал.

Через несколько дней, меня и Кирсанова вызвали повесткой к мировому. Судьей был почтенный старожил города Писарев, одна из дочерей которого была замужем за генералом Самсоновым, а другая за капитаном Лишиным.

В суде, где я был с Кирсановым впервые, произошло несколько забавных сцен. Так, на вопрос судьи: «Почему вы можете утверждать, что дали деньги именно обвиняемому?» — я ответил: «Да какже, господин судья, он ведь косой на один глаз, да и кто его в городе не знает?» Ютка вскочил и ответил: «Я вовсе не косой». В публике поднялся гомерический смех, ибо Ютка был действительно, что называется: «один глаз на нас, а другой на Арзамас».

У нас поверенного не было, а со стороны Ютки сидел какой-то «важный» господин с портфелем и все время молчал. Но, когда на суде стало ясно, что деньги взял не кто иной как Ютка, он встал и, обратясь к судье, заявил: «Я от защиты своего доверенного отказываюсь».

Ютка был приговорен к нескольким месяцам тюрьмы. Он все рассчитал не плохо: сидел там в тепле и на казенных харчах. а семья его преспокойно проживала в это время чужие деньжонки.

***

Учился я средне. Зубрилой не был. И с успехом мог получить 12-ть баллов, а также и кол. На трехгодичных курсах у нас были введены некоторые предметы, которых раньше в училище не было. Из них вспоминаю Военную географию и гигиену.

Военную географию читал у нас капитан Гончаров. Был по ней учебник профессора Академии генерального штаба Золотарева, которого я и не открывал, т. к. военную географию считал предметом скучным и сухим. И вот, вызывает меня Гон-

чаров и я, конечно, получаю кол. Но это не помешало мне в следующий раз получить у него-же 12-ть. Такие же нелады были у меня и с доктором Ракитянским, читавшим гигиену.

По топографии, артиллерии, фортификации, там где не надо было зубрить, я имел двухзначные баллы. Также не был превзойденный никем по ситуации, имея 12-ть. Таким был еще только один юнкер, но другого эскадрона, вахмистр Измайлов. В общем, средний годовой балл я имел около 9-ти. Но зато на выпускных экзаменах мне везло и я получал по всем предметам двухзначные баллы. Даже у доктора Ракитянского мне удалось получить 12-ть. По поводу этого случая потом много смеялись и рассказывали в училище. Вот как это было.

В те времена, в Елисаветграде и окрестностях, были очень распространены венерические болезни. Особенно свирепствовал сифилис. Даже в медицине упоминалось о Лелековском сифилисе, по названию деревни, сплошь зараженной этой болезнью и лежавшей около юнкерского лагеря. Болели венерическими болезнями и много юнкеров.

Тогда еще эти болезни, а в особенности сифилис, не излечивались так просто, как теперь. Надо было потерять много времени на продолжительное и упорное лечение. Все это заставляло нас быть очень осторожными. Поэтому я интересовался этими болезнями. Покупал по ним книги и много читал. У меня были труды профессоров: немца Фингерта, француза Фурнье и, нашей знаменитости, — Тарновского. Юнкера об этом знали и считали меня «специалистом» по венерическим болезням.

На экзамене по гигиене, среди других билетов, был билет и «венерические болезни». И вдруг я вытаскиваю этот билет. Я даже глазам своим не поверил, ибо другие билеты знал слабо, а здесь мог поспорить и с любым профессором.

Взявши билет, я отошел к доске и стал обдумывать, как это нам полагалось, перед ответом. В это время в класс вошел генерал Самсонов.

Когда отвечавший предо мной юнкер кончил, Самсонов обратился ко мне: «Ну, Ишеев, что у вас там?». «Венерические болезни, Ваше Превосходительство», ответил я. Самсонов улыбнулся и сказал: «Отвечайте».

Тут произошел не ответ, а скорей «диспут». Ракитянский

стал возражать, спорить. А я, как из рога изобилия, сыпал ему примерами и доводами, ссылаясь на профессоров Фингерта, Фурнье и Тарновского. Видя, что тут я силен, Ракитянский хотел задать мне вопрос помимо билета. Но тут вмешался Самсонов. Обратился ко мне и сказал: «Довольно, садитесь». Взял перо и поставил мне 12-ть. Ракитянскому ничего не оставалось сделать, как последовать его примеру. И так, имея годовой по гигиене только восьмерку, я, в окончательном итоге, получил 10 баллов.

В общем, благодаря экзаменам, у меня вышло в среднем свыше 10-ти.

КУРСКИЕ ЦАРСКИЕ МАНЕВРЫ

Теперь я расскажу о Курских маневрах, в Высочайшем присутствии, на которых мне пришлось быть юнкером в 1903 году.

Находясь, перед лагерями, в отпуску, я уехал с родными на Кавказские минеральные воды. Живя в Кисловодске и ведя там веселую, беззаботную жизнь, — я вдруг получил телеграмму :«вернуться немедленно в училище». Не зная, что «сей сон» означает, я, скрепя сердце, распрощался с чудесным курортом и, в полном недоумении, выехал в Елисаветград. Там, явившись командиру эскадрона, узнал, что один эскадрон от нашего училища назначен на Курские Царские маневры.

В училище по этому поводу стояла большая суета. Формировался из двух эскадронов один, которым был назначен командовать подполковник Собичевский,, мой командир эскадрона. Выбирались лучшие лошади, обновлялись седла и амуниция и составлялись, по мастям лошадей, взводы.

Я попал в первый взвод, во вторую шеренгу, крайним с правого фланга. Получил прекрасного, крепкого, рыжего коня «Размарин», недавно только прибывшего к нам из Новгородского полка.

Начались эскадронные ученья. Собичевский, блестящий командир эскадрона и лихой ездок, скоро съездил эскадрон и мы уже знали, что лицом в грязь не ударим.

На Курских маневрах было две армии. Северная, которой командовал Великий князь Сергей Александрович, была состав-

лена из войск Московского округа и части Казанского. Южная, под командой Военного министра генерала Куропаткина, — из войск Киевского округа и части Одесского.

Из регулярной кавалерии в Северной армии была 1-ая кавалерийская дивизия и эскадрон Тверского кавалерийского училища. В Южной — 10-ая кавалерийская дивизия и эскадрон Елисаветградского училища. Приданные к 10 дивизии,мы всегда стояли на ее правом фланге, составляя 25-й эскадрон этой дивизии.

В район маневров нас перевезли по железной дороге и выгрузили на какой-то станции около Курска. Поразила нас здесь бедность крестьян и убогость их курных изб, в сравнении с нашей Херсонской гибернией.

В отличие от Тверского училища, юнкера коего имели на маневрах конюхов, мы сами чистили лошадей, кормили их и водили на водопой. Наш Начальник училища генерал А. В. Самсонов хотел, чтобы мы ничем не отличались от простых солдат.

На стоянку приходили поздно и, пока возились с кормежкой и водопоем лошадей, было уже за полночь. А в 3 часа, поднятые по тревоге, выступали снова. Делали в день по 100 верст. И про 10-тую дивизию и наш эскадрон, генерал Куропаткин, как-то сказал: «Это не дивизия, а какой-то летучий кавалерийский отряд».

Начальниом этой дивизии был лихой, бывший гвардеец, генерал С. И. Бибиков. Его коляска, запряженная тройкой, всегда следовала за дивизией. А в ней, обычно, сидел деньщик генерала, с запасом спиртного.

— Иван коньяку! Кричал на остановках генерал. Тройка карьером выносилась вперед. Иван выскакивал с бутылкой, наливал чарку и подносил Бибикову, который, сидя на коне, ее выпивал.

В первый же день маневров мы, эскадрон училища и сотня Оренбургцев, были в авангарде дивизии. Выступили очень рано и, видимо, шли с какой-то определенной целью, на широких аллюрах. Был уже полдень и никого мы не встречали.

Вдруг эскадрон училища, который шел впереди казаков, поднявшись на небольшую возвышенность, неожиданно уви-

дел пред собою, в лощине, спешенную 1-ую кавалерийскую дивизию. Осадив авангард назад, начальник его, войсковой старшина, послал об этом донесение Начальнику дивизии.

И вот, мы увидели красивую картину: как целая дивизия развернутым фронтом, с шашками наголо, — шла в атаку на спешенную конницу. Авангард также понесся в атаку и только тогда, когда мы подскакивали к атакованной нами конной батарее, — послышалась команда: «садись». Атака для I Кавалерийской дивизии, была полной неожиданностью. Съехались посредники и присудили эту дивизию к бездействию на целые сутки.

Начальником штаба 10 кавалерийской дивизии был полковник А. М. Драгомиров, сын знаменитого генерала М. И. Драгомирова, командовавшего, в то время, войсками Киевского военного округа.

Генерал Драгомиров был в обиде, т. к. считал, что Южной армией, состоящей из войск его округа, должен был командовать он: также как и, Великий князь Сергей Александрович, — командующий войсками Московского военного округа.

Драгомиров, не будучи участником маневров, демонстративно разъезжал верхом на белой лошади совершенно один, даже без вестового, и здоровался с войсками своего округа. Это был болшой оригинал.

Так, подъехав к 10 дивизии, состоявшей из драгунских полков: Новгородского, Одесского, Ингерманландского и Оренбургского казачьего, и не поздоровавшись с нами (мы были Одесского округа) , — Драгомиров поздоровался с полками так. —«Здорово Новгород! Здорово Одесса! Здорово Ингерманландия! Здорово Оренбург!»

Много анекдотов приписывалось ген. Драгомирову. Недолюбливал он Куропаткина и начальника Главного штаба генерала Сахарова. И про них говорил: «Мой желудок куропатки с сахаром не переваривает». А при назначении Главнокомандующего в Русско-Японскую войну, Государь вызвал в Петербург Драгомирова и желая узнать его мнение и совет — кого назначить Главнокомандующим, стал, по заранее заготовленному Военным министром списку, называть ему генералов. Драгомиров, после каждого названного имени, все молчал. Наконец, послед-

ним Государь называет:«Ну, а Куропаткин?». Драгомиров опять продолжает молчать. «Он-же при Скобелеве был». «Так точно Ваше Величество, но кто-же при нем теперь будет Скобелевым? — ответил генерал.

Все семь дней маневров неудачи преследовали Северную армию. Да и неудивительно, что в конечном итоге, Военный министр «победил». Великого князя. Куропаткин сам составил план маневров, подобрал себе лучшие войска и назначил себя командовать Южной армией.

Этими маневрами Куропаткин хотел доказать: насколько он искусный полководец. У Государя, после них, он был в большом фаворе, почему и был назначен, через год, Главнокомандующим в нашей злополучной Руско-Японской войне.

Наш любимый начальник училища, генерал Самсонов, также был на маневрах, но вроде наблюдающего. Иногда он ездил с нами и всегда рядом со мной, на правом фланге эскадрона, во второй шеренге. Любил задавать вопросы относительно хода маневров и высказывать свое мнение. Выглядел Самсонов моложаво и многие принимали его за полковника, т. к. он постоянно был в форме училища и не имел генеральского лампаса, а лишь погоны генерала. Поэтому было не мало курьезов.

Бибиков здорово измотал дивизию. Наши Училищные лошади, не привыкшие к такой работе, выглядели настоящими «скелетами», несмотря на усиленную кормежку. Да, и мы, юнкера, устали порядком. Особено одолевал нас сон. Спали мы не больше 2-3 часов за ночь. Помню, как я, когда дивизия остановилась, как-то, на короткий привал, забрался в шалаш на бахче и заснул, а когда меня разбудили, минут через 10-ть, то мне показалось, что я, как-будто, «умер» и снова «воскрес». Такое чувство я испытал в своей жизни единственный раз.

Накануне церемониального марша, мы стояли в деревне Гремячке, в нескольких верстах от Курска, где в это время был Император и почему нам строжайше запрещено было туда отлучаться. Но это не остановило меня и еще двух юнкеров «удрать» в Курск. Город в эту ночь, точно вымер, на улицах не было ни души. Только перед домом губернатора, где остановился Император, стояли парные часовые. Посетив там некоторые злачные места, мы вернулись благополучно в эскадрон.

Маневры закончились грандиозным церемониальным маршем двух армий. Невдалеке от Курска было выбрано подходящее для этого место и построены трибуны, где находились, кроме приглашенных лиц, Императорская фамилия и весь дипломатический корпус

Император Николай II, сидя на коне, принимал парад. Его мы видели уже, когда Царь, встретив на маневре 10 дивизию, с нами поздоровался.

Прохождение такого огромного числа войск, заняло много времени и закончилось только к вечеру.

По этому поводу рассказывали потом следующий анекдот. Бывший на этих маневрах, в числе гостей, Шах Персидский, пораженный столь продолжительным церемониальным маршем, послал своего адъютанта посмотреть: не кружатся ли вокруг царской ставки все одни и те-же войсковые части, как это делается часто на театральных сценах.

Возвращались в училище по железной дороге. В вагонах, все время делились незаурядными впечатлениями пережитого.

***

На лето мы уходили в лагери, которые были в нескольких верстах от города. Это была чудная пора, ибо почти весь день юнкера проводили на воздухе. Там уже никаких занятий, кроме строевых, не было. Верховая езда, волтижировка, стрельба и эскадронные ученья.

Эскадроны, в конном строю, провожал обычно целый цветник Елисаветградских барышень. Пели песенники. А запевало юнкер выводил: «Справо по взводно,сидеть молодцами, не горячить лошадей. Барышни, барышни взорами печальными вслед уходящим глядят юнкерам»...

Лагерь был обширен. Целый ряд постоянных деревянных бараков, перед ними большая линейка с «грибами» для дневальных. Громадная, под навесом, столовая. Барак дежурного офицера. Кухни,конюшни. Лавочка (буфет) юнкеров, где можно было получить разную снедь, вплоть до горячего ужина. И, конечно, юнкерские карцера.

В одном из бараков, наверху, была нарисована кем-то из юнкеров, настоящая картина, изображавшая загородный ресторан и открытую сцену шантана с шансонетками, кутящую молодежь, рулетку и прочее.

А внизу надпись:

> Здесь карты, женщины, вино.
> Здесь все мы смотрим на науки,
> Как на куриное г — но!

А в другом бараке также художественное произведение с подписью:

> Никаких языков — кроме копченых!
> Никаких тел — кроме женских!
> Никаких карт — кроме игральных!
> Ниаких историй — кроме скандальных!

Обе картины были настолько художествены, что начальство смотрело на них «сквозь пальцы» и не уничтожало.

Сообщение с городом было на фаэтонах. Среди извозчиков, которые всегда дежурили у лагерей, был знаменитый Шлемка. Небольшого роста, но широкий и тяжеловесный. Лицо у него было сизого цвета, а борода начиналась из-под самых глаз. Знаменит он был своей физической силой, но еще больше тем, что мог из горлышка, не отрываясь, выпить целую бутылку водки.

Сидя на козлах, не спеша, запрокинув голову, булькая, Шлемка переливал в себя все содержимое из бутылки и, крякнув, говорил: — Ловко!

***

Незадолго перед выпуском в офицеры, когда была уже разборка вакансий, со мной, в лагерях, приключилась следующая неприятная история.

Большинство юнкеров старшего курса несло дежурства по эскадрону, но было еще несколько человек, от обоих эскадронов, которые дежурили только по кухне, в числе их был и я.

Дежурство по кухне, в сравнении с эскадронными, было во всех отношениях спокойней и привлекательней. Вас не мотали, как в эскадроне. Сидели вы спокойно и читали книгу, а ночью спали. Кроме того, повар за вами «ухаживал», стараясь выбрать для вас лучшие кусочки.

Смена дежурных по кухне происходила при вечерней перекличке. И вот меня, дежурящего за несколько дней до производства, должен был сменить кто-то (фамилию не могу вспо-

мнить) из юнкеров второго эскадрона. Но он самовольно отлучился в город и к смене опоздал.

Не желая его подводить, я решил совсем не итти на смену, полагая, что это пройдет незамеченным. Оно-бы так и сошло, если-бы дежурным офицером был-бы кто-либо другой, а не педант и формалист штаб-ротмистр Федяй.

Выяснив, что юнкер, который должен был меня сменить, «удрал» в город, а я его в этом покрывал, Федяй доложил кому следует и нас, рабов Божьих, — посадили под арест.

И вот, когда мы все уже были охвачены «волнением производства», я сидел под замком. Цыганка, незадолго до этого, точно предсказала мне день производства. Наконец, этот день наступил. А я сижу и волнуюсь: неужели обманула?

Как вдруг слышу громкое, несмолкаемое по лагерю «Ура! Ура! Ура!» Это означало, что трубач привез Высочайшую телеграмму о производстве в офицеры.

И скоро слышу шум отпираемого замка и лязг засова. Дверь отворилась и в карцер вошел дежурный офицер с возгласом: «Господа офицеры, пожалуйте на свободу».

Это был Астраханский драгун, мой земляк и бывший однополчанин, поручик Обухов. Он меня обнял, поцеловал и поздравил с производством в офицеры.

Итак, в 1904 году, я стал корнетом 8 драгунского Смоленского Императора Александра III полка

В ПОЛКУ

Я, со своими друзьями, Борисом Решетиловым и Андрюшей Бюллером, собирался выйти в один полк. Но трех вакансий в один полк не было. Они взяли две вакансии Нарвского полка, а я Смоленского. Правда, затем из Николаевского училища пришла, оставшаяся там, вакансия Нарвского полка и я мог ее взять. Но уже была готова форма, я сжился с мыслью о Смоленцах и менять не стал. И впоследствии не пожалел: в Нарвском полку были традиции не в моем вкусе. Со мной в Смоленский полк, с военно-училищных курсов, вышли еще 3 юнкера: Волков, Князев, и фон Гаудец.

Я своего будущего полка совершено не знал и сознаюсь, что выбрал его исключительно из за формы. Смоленские Им-

ператора Александра III драгуны, а с 1908 года и уланы, были одним из старейших полков в кавалерии. Имели на погонах вензель Императора, а на пуговицах Императорские короны.

Полк этот стоял раньше на юге, в Полтавской губернии, но когда почти вся кавалерия была передвинута, по милости Военного министра генерала Вановского, на западную границу, попал в Александровский штаб, близ гор. Волковишки, Сувалкской губ., как это официально значилось в дислокации.

Александровский штаб находился в 20-ти верстах от Прусской границы. Здесь были построены разные здания: офицерского собрания, канцелярии, офицерских квартир, нестроевой команды, трубачей, разных мастерских, кузни, двух лазаретов, помещения и конюшни для 2-ух эскадронов. Остальные 3 эскадрона были размещены по обывательским квартирам в городе, а один, почти на самой границе, в местечке Вержболово. Эскадрон этот сразу, по объявлении мобилизации, занимал железнодорожную станцию Вержболово.

После производства полагался 28-дневный отпуск, который я, с наслаждением, провел дома, а затем уже поехал в полк.

Смоленскими драгунами командовал генерального штаба полковник В. Косов. Явившись ему, я был зачислен в 3 эскадрон и назначен помощником начальника учебной команды. Это было исключением, чтобы только что вышедший в полк молодой офицер, был назначен на такую должность. Но Косов сказал, что назначает меня, как окончившего трехгодичные курсы.

Начальник учебной команды штаб-ротмистр Богородский, только что окончивший Офицерскую кавалерийскую школу, занимался исключительно верховой ездой, а все остальные занятия в команде возложил на меня. Так я сразу, со школьной скамьи, стал «лектором» по многим предметам. Командир полка частенько заходил в класс и проверял познания моих учеников. Но на счастье, всегда вызывал таких, которые знали, что называется «на зубок». И все сходило благополучно.

***

Но продолжалось это у меня недолго. Был получен приказ отправить в Ригу, в распоряжение Командира 20 корпуса,

два эскадрона. Это было начало 1905 года, первой вспышки революционного движения.

Косов назначил 3 и 6 эскадроны, которыми командовали уроженцы Прибалтики ротмистра Юргенен и Самсон фон-Гиммельстиерна. В числе 4-х, назначенных в эскадроны офицеров, был и я. Командиром дивизиона шел подполковник Попов, у коего я исполнял обязанности дивизионного адъютанта.

Отправили нас по железной дороге и, когда мы прибыли в Ригу, на вокзале, нас встретили представители от города: два господина в черных сюртуках и цилиндрах.

Эскадроны поставили на городской скотобойне, а офицерам отвели номера в ближайшей гостинице, при чем предупредили, что за все, включая и еду, платит город. По вечерам присылали ложу в театр, или цирк. В общем, ухаживали за нами во всю. Да и немудрено: город был богатый и мог разрешить себе эту роскошь. И несмотря на то, что мы получали от Военного ведомства суточные деньги, платил нам таковые и город.

Поражала нас чистота, царившая в Риге. Улицы там мыли щетками с мылом. Парки и сады содержались образцово. Полиция, единственная тогда в России, оплачивились так, что взяток не брала.

Был я послан раз со взводом в помощь полиции и поместили нас в сыскной полиции. Это было прекрасное здание в самом центре города. Начальник сыскного отделения Кошко показал мне, оборудованный им кабинет. Это был настоящий музей, со множеством всяких воровских инструментов. Впоследствии, назначенный начальником Московской сыскной полиции, Кошко стал в своем роде знаменитосью и выпущенная им книга наделала, тогда, много шуму.

Все шло спокойно. Никаких столкновений у нас с народом не было. Один взвод посылался ежедневно на фабрику «Проводник», где лошадям отпускали овес, а солдат фабрика кормила обедом. А остальные оставались на скотобойне и солдаты, от нечего делать, часами стояли и смотрели, как убивают скотину.

Офицеры не скучали и жили мы в общем припеваючи. Но в один прекрасный день зазвонил телефон и дежурный писарь, из Штаба корпуса, просил к телефону Командира дивизиона.

Я сообщил, что подполковника Попова сейчас нет, а у телефона адъютант дивизиона. Через несколько минут он сказал, что со мной будет говорить Начальник штаба корпуса.

У телефона генерал Эбелов, — услышал я, — в уездах начались аграрные беспорядки. Ровно через два часа дивизиону выступить походным порядком в Митаву, в распоряжение Курляндского губернатора.

Я попробовал было увеличить срок выступления на один час, но в ответ услышал: «я вам сказал ровно через два часа, исполняйте, то, что я вам приказываю». Это был тот педант генерал, к которому мы явились по прибытии в Ригу и который, указывая подполковнику Попову на стул, а затем мне, — говорил: «садитесь на этот стул».

И так кончилось наше привольное житье в Риге. Я разыскал Попова, доложил ему о приказе Эбелова, и дивизион выступил в Митаву.

***

Ригу с Митавой соединяло прекрасное сороковерстное шоссе. Быстро пройдя это расстояние, мы подошли к широкому мосту через реку Аа, на другой стороне коей лежала Митава, а на возвышенности красовался исторический замок, где был похоронен Бирон.

Подполковник Попов, явившись Курляндскому губернатору, получил от него распоряжение: дивизион разделить на 4-ре части. Я был послан с полуэскадроном в гор. Тальсен, другой полуэскадрон, с поручиком фон Вильбоа и командиром эскадрона, ушел в имение барона Бера. Полуэскадрон другого эскадрона, с поручиком Королевым, — в имение Донданген, барона Остен-Сакена, а другой, с поручиком Назаровым, — в Виндаву. При нем находился командир эскадрона и подполковник Попов

Дивизион Смоленского полка был первой кавалерийской частью, прибывшей в 1905 году в Курляндскую губернию. В дальнейшем там были уже части из всех кавалерийских полков Виленского округа, а также и гвардейской кавалерии. Были, даже, и морские батальоны.

В Тальсене я расположил полуэскадрон на окраине города в большой конюшне, не деля его на мелкие части, и установил дежурства. Сам жил в гостинице, но по ночам обходил помеще-

ние солдат и конюшни, проверяя дневальных и дежурных.

Местное латышское население относилось к нам не особенно дружелюбно и надо было быть всегда на чеку. Впоследствии это и подтвердил случай с моим бывшим однокашником, корнетом Измайловым.

Командуя полуэскадроном Псковских драгун, он расположился в гостинице, в самом центре гор. Тукума, поместив там же солдат и лошадей. Латыши эту гостиницу ночью подожгли и устроили засаду. Начался пожар.

В панике, с просонья, на неоседланных лошадях, выскакивали драгуны на улицу, а с ними и их командир. В это время из противоположных домов по ним стреляли. Было много раненых.

Измайлов получил три заряда из дробового ружья: два в ноги и один в голову. Тяжело раненый долго лечился, а затем, при содействии шефа своего полка Императрицы Марии Федоровны, был переведен в Придворное конюшенное ведомство.

В Тальсене было сравнительно спокойно и гражданские власти меня особенно не беспокоили. Как-то помощник Начальника уезда Грунт попросил меня содействовать ему при обыске, который он должен был произвести на кирпичном заводе, в нескольких верстах от города.

Я взял с собой несколько драгун и, вместе с Грунтом, отправился на этот завод. Подъехав к небольшому домику, который занимал главный мастер завода, Грунт попросил меня к передней и задней дверям дома поставить часовых и никого из дома не выпускать

Осмотрев кругом дом и поставив к дверям драгун, я вошел в комнату, в которой за столом сидела дочь мастера завода и какой-то молодой человек. Стал ждать, пока в другой комнате происходил обыск. Наконец дверь открылась и вошедший Грунт сказал: «Ну, кажется, кончил. Ах, да, молодой человек, мне надо и вас обыскать. Пожалуйте-ка сюда». Он встал и подошел к Грунту, который стал его ощупывать и не заметил, как он, в это время, умышленно уронил на пол кусочек, скомканной бумаги.

После обыска, Грунт пошел собирать свои бумаги, а «молодой человек» сел опять за стол и пристально уставился на эту бумажку, которая лежала на полу, между мной и столом.

Я сидел недалеко на стуле и в руках у меня был стек, которым я стал лежавшую бумажку постепенно приближать к себе и наблюдать за ним.

Не выдержав моего взора, он бросился на меня, но я раньше успел схватить бумажку и инстинктивно зажать ее в левой руке, а правой отбросил его к стене. Но он отскочил и почти в упор в меня выстрелил. Я был на волосок от смерти, ибо пуля попала в стену на вершок в сторону от моей головы. Револьвер он успел перед обыском передать сидевшей с ним дочери мастера, своей невесте.

Не хватило у молодого революционера выдержки. Я вначале, попросту, забавлялся клочком бумажки. И возможно, что подняв ее и развернув, выбросил-бы как ненужный хлам. Написано на ней было по латышски, языка этого я не знал.

Но Грунт, прочтя написанное, сказал: «Вот мне-то вас молодой человек и надо, я должен вас арестовать». На бумажке был собственноручно написан им заголовок революционной прокламации.

Когда произошел выстрел, в комнату вбежали, стявшие у дверей драгуны и набросились на стрелявшего, но я приказал его не трогать На подводе, с двумя конвоирами, он был отправлен в тюрьму. Дальнейшая его судьба мне неизвестна.

***

В один воскресный день в местечке Сосмакен был церковный праздник и ярмарка. Предполагался большой съезд окрестых крестьян и я получил распоряжение отправить туда взвод драгун. Ради развлечения, я поехал туда со взводом сам, а в Тальсене оставил бывшего со мною вахмистра эскадрона, сверхсрочного служащего, имевшего уже на рукаве за это два шеврона, — на которого мог вполне положиться.

Был чудный солнечный день и, подходя на рысях к Сосмакену, мы увидели красивую картину: празднично разодетую громадную толпу народа, вышедшего на окраину местечка.

Сначала я не мог понять, что сие означает. Даже мои драгуны насторожились и повытаскивали нагайки, которые они понаделали себе еще в Риге, от нечего делать, на фабрике Проводник.

Я перевел взвод на шаг и медленно стал подходить к толпе. Но при нашем приближени народ стал кричать «Ура!»

Мужчины бросали вверх шапки, а женщины махали разноцветными платками. Оказалось, что местные жители никогда еще не видели кавалерию. И, узнавши от пастора об ее прибытии, высыпали нас встречать и приветствовать. Праздник сошел благополучно и порядок нигде нарушен не был.

Сидя за обеденным столом в доме пастора, я был вызван к телефону. Говорил Командир дивизиона, который приказал мне немедля идти в Донданген и выяснить, что там происходит у поручика Королева.

***

Почти целый полуостров Донданген, северная оконечность Курляндскй губернии, принадлежал барону Остен Сакену. Это было громадное майоратное имение в 80 тысяч десятин земли, из коих 33 тысячи десятин было одного леса. Громадный трехэтажный замок, формой четырехугольника, имел внутри большой двор. Внизу были всевозможные службы, во втором этаже апартаменты барона, а третий предназначался исключительно для приезжих гостей.

В Курляндии сельских поселений не было, какие имелись в большей части России. Каждая усадьба представляла там отдельный хутор. Латыши были, в сравнении с нашими крестьянами, много культурней. Почти все были грамотны и в каждом доме вы могли найти газеты.

Остен-Сакен, несмотря на огромное богатство, был очень скуп и мелочен. Рассказывали, что с майоратного имения, перешедшего к нему, как старшему в роде, он не давал ни копейки своему родному брату, который бедствовал и служил мелким чиновником в Митаве.

Латыши его ненавидели. Достаточно было, чтобы один из них взял из его леса, хотя-бы, ветку, как он тащил его в суд. Поражало и нас, русских людей, его скотское с ними обращение. Я сам видел, будучи у него в кабинете, как входивший крестьянин становился на колени и затем полз на них, чтобы поцеловать у него руку. Неудивительно поэтому, что революционеры избрали для своих первоначальных экспериментов Курляндию.

Когда я прибыл в имение Донданген, то застал там такую обстановку. Тося Королев забаррикадировался в замке: ввел во двор полуэскадрон, сделал запасы продовольствия и фура-

жа, а сам, будучи в натянутых отношениях с владельцами, сидел у себя безвыходно в комнате и попивал, чему способствовал управляющий имением, снабжавший его с винокуренного завода спиртом.

Кроме полуэскадрона драгун, находилась там еще и рота пехоты. Ротой этой командовал, и был единственный в ней офицер, прапорщик запаса. В том году Русско-Японской войны только регулярная кавалерия была в относительном комплекте, а в пехоте ощущался большой недостаток офицеров, которых посылали на пополнение полков в Манчжурию.

В роте этой не все было ладно. Солдаты были недовольны прапорщиком, который их плохо кормил. И раз рота поэтому взбунтовалась, а прибежавший к поручику Королеву, которому рота, как старшему, была подчинена, фельдфебель доложил, что прапорщик сидит в ванне и к солдатам идти не желает. Видимо он их побаивался и авторитетом не пользовался. Ясно, что рота была не в порядке. Я доложил обо всем этом Попову и роту эту, через некоторое время, заменили другой. А пока эта замена состоялась, я должен был сидеть в Донгангене.

В первый день моего приезда, я был приглашен бароном к обеду. Кроме сюртука на меху, в котором я выехал в Сосмакен, у меня ничего другого не было. Но отказаться было неудобно, ибо Королев демонстративно не выходил к их столу и еду ему подавали в его комнату. Я уговорил Королева и он, ради меня, согласился пойти на обед.

Семья у барона была большая: около дюжины детей, самого барона, баронессы, двух бабушек и если к ним прибавить гувернеров и гувернанток, то за стол садилось человек 20-ть.

Этикет здесь был особый. Когда мы вошли в большой зал, к нам сначала вышел барон. Затем мы долго ждали. Наконец, появилась с детьми баронесса. Барон нас ей представил. Она милостиво кивнула головой, но руки нам не подала.

Потом все проследовали в мрачную столовую, со множеством на стенах рогов различных зверей. Обед тянулся бесконечно. Вин на столе не было. К каждому блюду полагалось особое, при чем его обносили, стоявшие за спиной, ливрейные лакеи, но больше налитой полрюмки, вам не предлагали. Это очень не нравилось Тосе Королеву.

Под предлогом своего сюртука, в котором я изрядно пропотел на обеде, а Королев по установленному им ранее порядку мы больше на обеды не ходили. Еду нам подавали отдельно и недостатка в вине не было.

Приехавший как-то Начальник уезда предупредил нас, что, по имеющимся у него сведениям, латыши собираются в одно из воскресений, после службы в кирке, дать нам настоящий бой и что у них есть много припрятанного огнестрельного оружия. На это подбивают их приехавшие агитаторы, советуя ворваться в замок и рассчитаться с ненавистным им бароном.

Мы решили принять меры. Я ввел во двор замка и свой взвод. Перед замком выкопали окопы. В воскресенье с утра в них дежурила полурота. А полуэскадрон был поседлан и держался наготове.

Но увидя принятые нами меры, латыши не решились выступить открыто и все сошло благополучно. А на другой день, по настойчивому требованию Начальника уезда, барон, со всем своим семейством, выехал в Ригу.

Вскоре пришла новая рота.. Я возвратился со взводом в Тальсен. А Королеву было приказано сдать «бразды правления» в Донданген новому ротному командиру капитану и присоединиться к своему эскадрону в Виндаве.

**
*

Скука в Тальсене была изрядная. Романов не было, ибо ухаживать за латышками было опасно. Кроме старика Воинского начальника, я ни у кого не бывал. Но продолжалось это, к счастью, недолго.

В один прекрасный день вызвал меня к телефону подполковник Попов и сообщил, что получена телеграмма с приказанием командира полка вернуть меня немедля в штаб полка. И, как только в Тальсен приедет командир эскадрона, ротмистр Юргенсен, чтобы я со всеми вещами отправлялся в Волковишки. На мой вопрос: зачем меня требуют? Он ответил: «Я и сам ничего не знаю».

Приехал Юргенсен и я, собрав свои вещи, выехал в Александровский штаб. И только там узнал, что назначен Полковым адъютантом. Оказалось, что с новым Начальником дивизии, генерал-лейтенантом бароном Бистрам, когда он принимал полки, произошел ряд инцидентов: в Новороссийском

полку его понесли в экипаже полковые лошади, в Елисаветградском сломалась под ним кровать, а в нашем, чуть было не сшиб его с лошади трубач. За это и принесен был в жертву полковой адъютант штаб-ротмистр Сидоров, вместо которого я и был назначен.

Назначение молодого офицера полковым адъютантом, не прослужившего еще и года в полку, многих поразило, а некоторым и не понравилось. Дело в том, что в полку было две партии, возглавляемых двумя полковыми дамами. К одной из этих партий принадлежал Сидоров, а командир полка желал, чтобы адъютант был «беспартийный», почему и избрал меня, еще не бывшего у ног полковых «фавориток».

Вскоре ко мне на квартиру явился ротмистр Матушевич, муж одной из этих дам, и начал меня уговаривать, чтобы я отказался от должности полкового адъютанта. Но я ему ответил: что на службу не напрашиваюсь и от службы не отказываюсь. Постепенно все улеглось и с этим помирились.

А затем судьба мне уготовила: быть полковым адъютантом при 4-ех командирах полка.

В КОВНО

Через несколько месяцев после того, как я принял должность полкового адъютанта, штаб-ротмистр Сидоров, бывший адъютант, получил из Ковно от старшего адъютанта по строевой части штаба нашей дивизии, генерального штаба капитана Савельева, предложение: не согласится ли он временно исполнять его должность. Дело в том, что Савельев должен был для ценза прокомандовать 2 года эскадроном в одном из полков.

Сидорова никак не устраивало ехать в Ковно и он предложил это мне. А меня очень соблазняло поехать и пожить в губернском городе, где был театр, газета и где можно было хотя-бы временно, забыться от скучной, одноцветной и однообразной жизни в полку. Но отпустит ли меня командир полка? Я закинул у него по этому поводу удочку. И, к великому моему удивлению, Косов согласился.

Я моментально поехал в Ковно. Переговорил с Савельевым и явился начальнику штаба дивизии полковнику Петерсу.

— Хотя вы очень молоды для этой должности, сказал он

мне, — но за вас говорит то, что вы полковой адъютант. Я согласен и доложу Начальнику дивизии.

На другой день я уже представлялся барону Бистраму и затем был назначен приказом по дивизии вр. и.д. старшего адъютанта по строевой части штаба 3 кавалерийской дивизии.

Сдав должность полкового адъютанта и забрав с собой своего коня, вестового и деньщика, я уехал в Ковно. И то время, которое я прожил там, около 2-х лет, — вспоминаю с удовольствием.

Работать в штабе было легко и приятно. Полковник Петерс больше интересовался лекциями, которые часто читал, разъезжая по округу. Начальник дивизии также очень редко бывал в штабе и мы с подъесаулом Грузиновым, старшим адъютантом по хозяйственной части, делали доклады самостоятельно на его квартире.

* * *

Генерал-лейтенант барон Бистрам, бывший Командир отдельной гвардейской кавалерийской бригады, и улан Его Величества, носил мундир этого полка. Дивизию нашу он получил после дуэли, бывшей у него в Варшаве с генералом Баумгартеном. Это был старый служака, захвативший молодым офицером еще царствование Александра II.

По штату личного адъютанта Начальнику дивизии не полагалось, но я фактически исполнял у него эту роль. В то время в Курляндии находились уже эскадроны и от других полков нашей дивизии и потому Бистрам их объезжал, делая инспекторский смотр. Всегда в этой поездке я ему сопутствовал.

Эскадроны большей частью стояли по имениям баронов. Везде нам устраивали пышные приемы. И поэтому Бистрам не торопился. А когда я ему докладывал, что по расписанию мы должны уже ехать дальше, он отвечал: «Знаете что, посидим еще здесь пару дней». Расписание нарушалось, нас везде ждали, волновались. И поездка продолжалась несколько недель.

Много интересного рассказывал мне старик генерал из своей прежней долголетней службы. Многое я уже позабыл. Но запомнился командир полка Гродненских гусар, немец плохо говоривший по русски, у которого, в царствование Александра II, Бистрам служил молодым офицером. Про офицеров, хо-

рошо ездивших верхом, он говорил: «это хорошь» а про плохо — «это сволочь».

Не смотря на свое богатство, он был женат на дочери известного Петербургского банкира Утина, — Бистрам был порядком скуповат. Обычно, когда мы ездили с ним в полковом экипаже, он обязательно давал кучеру на чай мелкую монету и когда солдат, невольно, хотел посмотреть, что ему дают, Бистрам говорил: «Бери, бери, потом смотреть будешь».

Любил он хорошо поесть и с толком выпить, при чем говорил: «Пью все, кроме керосина». Это был большой гастроном. По вечерам он обязательно требовал к себе повара Миронова (нашего полка), работавшего раньше у Кюба в Петербурге, и спрашивал: «Ну, что завтра будем готовить?» И по утверждении, предложенного поваром, меню, задавал вопрос: «А как, ты, братец, будешь готовить?» И затем выслушав его, начинал уточнять: нет тут надо так-то, а там прибавить того-то и. т. д.

После генерала Остроградского, генерал инспектором кавалерии был назначен Великий князь Николай Николаевич, котоый начал проводить омоложение кавалерии. В число вычищенных стариков, генералов, в первую очередь, попал Бистрам. Он вышел в отставку и доживал свои дни в Петербурге, где и скончался.

Командующим дивизией, после Бистрама, был назначен генштаба генерал-майор Оболешев, который прокомандовал ею недолго. И вот почему.

В то время наш корпус получил, переведенный из Сибири, генерал Ренненкампф, у которого с Оболешевым были старые счеты.

Будучи штаб-офицером для поручений при Командующем войсками Киевского военного округа генерале Драгомирове, где в то время Ахтырскими драгунами командовал Ренненкампф, Оболешеву было поручено произвести дознание по злоупотреблениям в фуражном довольствии Ахтырского полка. Оболешев произвел это дознание не в пользу Ренненкампфа и он ему это забыть не мог.

С назначением Ренненкампфа Командиром 3 арм. корпуса, в который, входила наша дивизия, начались систематические

мелкие придирки Ренненкампфа к Оболешеву. Но последний был человек с самолюбием, с хорошими своими средствами, в службе особенно не нуждался и подал в отставку. Жил он затем в Петербурге, будучи постоянным посетителем клуба.

Интересный, остроумный собеседник, Оболешев был автором многих стихов и экспромтов. Вспоминаю, как на обеде в Офицерском собрании, на котором были и дамы, устроенном полком, по случаю приезда в Волковишки Варшавского Архиепископа (если не ошибаюсь Николая), он сказал речь и закончил ее стихами:

Из-за женщины из рая был изгнан Адам,
А за здешних дам — я рай отдам!

Владыка Николай показал ему кулак и также ответил в рифму:

А я тебе задам!

Приехал он как-то к нам в Либаву, и почему-то один, без адъютанта. После произведенного инспекторского смотра, обращается к командиру полка и говорит: «А я хочу похитить вашего адъютанта». Так я с ним и проездил несколько дней по частям нашей дивизии, разбросанных тогда по Курляндской губернии. В дороге он все время забавлял меня анекдотами и беспрерывной декламацией своих интересных стихов.

***

После Оболешева, начальником дивизии был назначен генерал-лейтенант Шейдеман, будущий Командир 2 арм. корпуса и затем Командующий 2 армией. Это был блестящий во всех отношениях генерал.

Во время инспекторского смотра, проверяя письмоводство полковой канцелярии, он приказал мне показать ему журнал взысканий, налагаемых на офицеров. Журнал этот хранился в несгораемом ящике и взыскания обычно записывались собственноручно полковым адъютантом. Но я этого не делал, поручая писарю, и только скреплял своею подписью.

Заметив сразу, что записи сделаны рукою писаря, Шейдеман меня спросил: почему я не делаю это, как полагается, сам, а поручаю писарю? На что я ему ответил, что, согласно Письмоводству Военного Ведомства, там не сказано, что запись делается полковым адъютантом, а только скрепляется его

подписью. «А ну-ка покажите мне письмоводство», сказал генерал.

Прочтя внимательно параграф этого положения и видя, что я прав, он вернул мне книжку и ничего не сказал. «Ну, и попадет же мне теперь,» подумал я, — «на орехи».

И, читая потом, после Инспекторского смотра, приказ по дивизии, я не поверил своим глазам. Наш полк был поставлен на первом месте.. И, между прочим, было сказано: «Делопроизводство хозяйственной части полковой канцелярии ведется образцово, также в полном порядке и письмоводство строевой части. Полковой адъютант дает толковые и ясные ответы».

Да, были справедливые люди, и даже генералы, в наше время.

**
*

В Ковно я впервые начал писать в единственной, издававшейся там, газете «Ковенский Телеграф», как театральный рецензент. В то-же время я был агентом «Российского Телеграфного Агенства» до самого его закрытия.

За каждую телеграмму агенство платило 3 рубля и возвращало телеграфные расходы. Но гонорар поучал только тот из агентов, чья телеграмма получалась в Петербурге первой. Я был в добрых отношениях с Ковенским полицмейстером Доливо-Добровольским, который все городские события немедля сообщал мне по телефону. Потому, два другие агента, бывшие в Ковно, запаздывали.

Любопытно, когда я сделался агентом, то Ковенский губернатор Веревкин сделал мне первый визит. Это меня удивило, но потом я понял, как много зависило от агента изобразить событие в том или ином виде. Ведь вашу телеграмму читала вся Россия.

Как либерал, Веревкин пользовался симпатиями у горожан. Бывший Преображенец он был командиром того батальона, в котором Наследник, будущий Император Николай II, командовал ротой.

В Ковно стоял первый полк нашей дивизии, Новороссийские драгуны. Я часто бывал у них в собрании. Сошелся со многими своими сверстниками. Большим моим другом был адъютант полка поручик Хакольский, который все уговаривал ме-

ня перейти к ним в полк. Соблазн был большой жить в губернском городе, но и расстаться со своим полком не хотелось. К нему я привык, сжился с ним, занимал уже известное положение, и я отказался.

Время пролетело быстро. Вернулся, откомандовав эскадроном, капитан Савельев и мне надо было возвращаться в полк.

Заканчивая свою ковенскую «эпопею», не могу не сказать несколько слов о Викторе Захарьевиче Савельеве. Прекрасный офицер генерального штаба, он окончил еще и Офицерскую кавалерийскую школу. Был блестящим кавалеристом, что и доказал в Великую войну.

Командуя Бугскими уланами, он атаковал в конном строю австрийскую пехоту. Атака эта увенчалась полным успехом. И Савельев, в чине полковника, получил Георгиевский крест 3 степени на шею, редкую награду при таком чине.

СНОВА В ПОЛКУ

Вернувшись из Ковно в Александровский штаб, я снова был назначен полковым адъютантом. Застал я здесь уже нового Командира полка полковника тер Асатурова. Полковник Косов был произведен в генералы и назначен в Москву Командиром 2 бригады I кавалерийской дивизии. Затем он был дежурным генералом штаба Московского военного округа и Забайкальским военным губернатором.

Не могу не помянуть добрым словом своего первого командира полка. Полковник Косов был блестящщим командиром, поднявшим полк на небывалую до сего высоту. Работать с ним было одно удовольствие: он предоставлял мне полную самостоятельность, но в тоже время, когда следовало, указывал, как молодому офицеру, на мои ошибки.

Опять потекла скучная, однообразная, полковая жизнь. Утром канцелярия, потом обед в собрании: водка, старые анекдоты. Затем часа два сна. После опять та-же канцелярия, а вечером игра на биллиарде и в винт. И так каждый день...

Жил я на квартире вместе со своим другом Володей Князевым, однокашником по училищу. Ни к одной из партий в полку мы с ним не принадлежали, хотя и делались попытки нас туда залучить. Сидели большей частью дома или в собрании.

Единственным нашим большим развлечением была поезд-

ка за границу, куда мы ездили с легитимационными билетами. Эти билеты выдавал Начальник уезда, но я, как полковой адъютант, получал от него их сразу целый кочан и выдавал затем, уж сам, офицерам полка. Эти билеты давали право на поездку в глубь страны только на 20 километров, но мы ездили с ними и дальше.

В пограничный городок Ейдкунен ходили в офицерской форме. Пили чудесное немецкое пиво, которое и к нам в собрание доставлялось прямо из Мюнхена. Посещали рестораны и магазины. Покупали всякие разности: швейцарский сыр, шоколад, сигары. Запасались свежим номером, запрещенного тогда в России, журнала «Возрождение». И все это переносили чрез границу контрабандным путем. Лучше всего для этого служила николаевская шинель: закалывались французской булавкой рукава, куда и опускались, как в мешки, все покупки. Таможенные чиновники отлично все это знали, но не придирались, считая, что проносим мы не для продажи, а только для своего личного потребления.

Наши полковые дамы также проносили, в тайниках своего дамского туалета, всякую разность. А одна подполковница, по прозвищу «гитара», умудрилась даже, как говорили, пронести целое кавалерийское седло.

Но дальше Эйдкунена ездить уже в военном не рекомендовалось. Поэтому мы переодевались в штатское, а поверх надевали николаевские шинели. Князев, как Начальник нестроевой команды, приказывал подать полковую тройку. До границы было недалеко и в час с небольшим, мы были уже в Вержболово. Здесь переходили с легитимационными билетами в Эйдкунен. На вокзале оставляли сторожу немцу свои николаевские шинели, садились в экспрес и через 2 часа были в Кенигсберге.

Это уж был главный город Восточной Пруссии с разнообразными развлечениями и увеселениями. Обычно поезд приходил вечером и мы, остановившись в первоклассном отеле, и приведя себя в порядок, сразу отправлялись в театр варьете.

Любое место в огромном зале этого театра стоило две марки. Столиков, как обычно в наших шантанах, не было. Были, как в театре, ряды кресел, но за спинками их имелись полочки, на которые вы ставили кружки с пивом или еду, все время разносимую кельнерами.

Разнообразная программа шла безперерывно. Тут были первоклассные номера: концертные, шантанные и даже цирковые. Немцы пили много пива и так дымили своими сигарами, что мы с Володей Князевым не выдерживали этого запаха и ехали в более злачные места, где увлекались тогда двумя венками, считая потом, что нет лучшей женщины в мире, как венка.

На другой день в гостинице, с просонья, утром слышали как кто-то осторожно стучал в дверь нашего номера. Входил какой-то шпик и вежливо нас предупреждал. Полиции известно,что мы русские офицеры. И, во избежание могущих быть недоразумений, нам следует явиться коменданту города.

Мы ехали в Комендатуру и, никому не являясь, расписывались в какой-то толстой книге. Тем дело и кончалось. Оказывалось, что немецкий жандарм на станции Ейдкунен, хорошо меня знавший, сообщал немедля по телефону в Кенигсберг о нашем туда отъезде.

По возвращении из штаба дивизии в полк, где я хорошо прошел штабную учебу, попробовал было переучить старшего полкового писаря на новый лад. Но старик Катиба, прослуживший на сверхсрочной службе свыше 30 лет, никак не мог отделаться от старых привычек. Так я не мог никак заставить его не писать совершенно ненужные, лишние слова: «от» такого-то числа, «за» № таким-то и пр.

Командир полка и все офицеры относились к Катибе с большим уважением и обращались к нему на вы. Когда Катибе исполнилось 35 лет сверхсрочной службы, офицеры поднесли ему золотые часы и чествовали обедом. В 1914 году он был настолько преклонного возраста, что не мог выступить в поход, а уехал доживать свои дни к себе на родину.

**
*

В нашем полку известными скакунами были ротмистр Белокопытов, поручики Гейтих и барон Драхенфельс.

В начале сезона происходили дивизионные скачки, в которых участвовали только офицеры своей дивизии. Я из за своего веса и роста не скакал, но любил скачки. Покупал с поручиком Летюхиным лошадей, на которых скакал Драхенфельс. Он, можно сказать, вырос на конюшне своего дяди барона Гей-

кинга, известного спортсмена. А потому был прекрасным ездоком, скакавшим еще раньше, до своего офицерства в Риге. Почти все дивизионные призы доставались Смоленцам.

После дивизионных бывали окружные скачки. Это был стипль-чез, с очень серьезными, уставными, препятствиями. Выигравшие эту скачку первыми, допускались затем к участию на Императорский приз.

Знаменитостью в этом отношении был нашего полка рот. Белокопытов, выигравший подряд два года Императорские призы. Он был не только прекрасным ездоком, но отличным тренером лошадей. Покупая у гвардейских кавалеристов за бесценок, забракованных ими, тысячных чистокровных скакунов, он на этих-же лошадях обходил затем их прежних владельцев.

Когда начинался сезон скачек, Белокопытова в полку уже не было. Скакал он во всех городах России, где только были джентельменские скачки. Одна из комнат в его квартире сплошь была уставлена, полученными им призами.

Обладатель Императорского приза был и поручик Гейтих, выигравший его на лошади завода графини Сенбок-Фермор, принадлежавшего жене нашего бывшего командира полка полковника А. А. Орлова. Его я уже в полку не застал, но слышал много о нем и познакомился затем, когда он приезжал к нам в Либаву, на юбилей полка.

Александр Афиногенович пользовался в полку любовью офицеров. Жена его постоянно жила за границей и потому он проводил, большей частью, свое время среди офицеров полка в собрании, за стаканом вина. Признавал только два напитка: шампанское и коньяк. При чем последний называл: «короткий напиток». Мум и мартель доставлялись нам из Петербурга скорыми поездами.

Эти «посиделки» в собрании, где пели песенники и играли трубачи, продолжались иногда целую ночь Но это не мешало Орлову являться в эскадроны на утренние занятия и взыскивать с офицеров, которые на них опаздывали. Это был блестящий кавалерийский офицер и командир полка.

Коренной царскосельский лейб-гусар, Орлов, после нашего полка, получил в командование улан Ее Величества. К нам на юбилей приехал уже будучи командиром гвардейской бригады. И в том-же году, 1908, вернувшись в Петергоф, после на-

шего юбилея, вскоре заболел. Был отправлен для лечения за границу, но по дороге в Италию скончался.

Тело его было привезено в Россию. На похороны от нашего полка, в Петергоф, ездила депутация. По возвращении рассказывали, что Государь и Государыня его очень любили. Запросто бывали у него на квартире, а на похоронах шли за его гробом до самой могилы. Государь говорил, что это был единственный человек, который никогда не просил у него за себя и за кого-либо другого.

**
*

Начальником нашей дивизии, когда я вышел в полк, был генерального штаба генерал-лейтенант фон Волькенау. Большой карьерист и любитель титулованных особ. Рассказывали, что из-за карьеры он женился на дочери, всесильного когда-то, военного министра Тотлебена, у которого их было две: одна красивая, а другая далеко не красавица. На вопрос министра, когда Волькенау просил у него руки его дочери, — «На какой?» На Вере, ответил Волькенау. «Нет на Соне», отрезал министр. Слушаюсь Ваше Высокопревосходительство, — согласился Волькенау. Соня была та, которая не блистала красотой.

Что-же касается титулованных лиц, то с ним произошел у нас в полку такой забавный случай. Ежегодно летом в полку отбывали сборы прапорщики запаса. Подобрались, как-то, все титулованные Остзейцы, но был среди них и попросту один прапорщик Иванов.

Приехал в полк генерал Волькенау, и командир полка полковник Косов приказал мне собрать всех прапорщиков и построить их в офицерском собрании, для представления генералу. Все были построены мною в одну шеренгу и последним стоял, единственный не титулованный, Иванов.

Входит Волькенау. Косов ему представляет. Граф Ламздорф Леон, граф Ламздорф Альберт, барон Фитингоф-Шель, барон Бер, барон Остен Сакен и др. После произнесения каждого титула, лицо Волькенау постепенно расплывалось все в большую улыбку. И он каждому с удовольствием пожимал руку.

И вдруг командир полка произносит: прапорщик Иванов.

Волькенау сразу одернул руку, улыбка слетела с его лица и он, несколько подумав, протянул Иванову только два пальца.

Строем он не интересовался и полки своей дивизии знал плохо. Наш полк недолюбливал. А любимцами его были, почему-то, Елисаветградцы.

Когда Великий князь Николай Николаевич, будучи генерал инспектором кавалерии, делал на Пожайском поле, под Ковно, смотр нашей дивизии, он спросил у Волькенау: какие полки он считает лучшими в строевом отношении. Волькенау назвал Елисаветградский, Новороссийский, Казачий и последним наш.

В этом порядке Николай Николаевич и произвел полковое ученье. И ни один полк, кроме нашего, не удостоился его похвалы. Только у Смоленцев, после каждого построения, раздавался сигнал Великого князя «коноводы», что означало благодарность.

— Вы совершенно не знаете, генерал, полков своей дивизии, — сказал Николай Николаевич и, пришпорив коня, ускакал с Пожайского поля.

Но это не помешало Волькенау быть скоро назначенным командиром нашего 3 армейского корпуса. Говорили, что этим он был обязан вдовствующей Императрице Марии Федоровне. Вскоре это и подтвердилось.

Генерал Волькенау приехал в Александровский штаб, приказал построить полк в манеже, вызвал перед строй офицеров полка и произнес речь. В конце этой речи прослезился и сказал, что корпус он получил только благодаря Матушке Царице, которой имел счастье представляться в Вержболово. И что этим он всецело обязан нашему полку. Пожал всем офицерам полка руку и даже молодежь, которая обычно получала для пожатия только два пальца, удостоилась пожать целую генеральскую руку.

***

Смоленские драгуны, как я уже говорил раньше, один из старых полков в кавалерии, праздновавшие в 1908 году 200-летний юбилей своего существования, были любимым полком своего Державного шефа Императора Александра III, принявшего шефство, еще будучи Наследником, от своего старшего брата Николая Александровича. Эту любовь наследовала и супруга его, вдовствующая Императрица, Мария Федоровна.

Ежегодно Государыня проезжала через станцию Вержболово, бывшую невдалеке от Александровского штаба, для следования в Данию. И каждый раз Смоленцы имели счастье представляться Ее Величеству и подносить букет живых цветов с лентами полка, который мы обычно выписывали из Берлина.

И вот теперь, несмотря на много прожитых лет, ясно вырисовывается незабываемая картина.

В Царских покоях станции Вержболово выстроен в полной парадной форме офицеры полка. На правом фланге их полковой командир и адъютант полка с роскошным букетом из пунцовых роз и орхидей, любимых цветов Императрицы.

Плавно подходит Императорский поезд. Государыня в сопровождении состоящего в Ее распоряжении князя Шервашидзе, выходит из вагона и направляется в Императорские покои. Командир полка подносит букет. Ее Величество обходит офицеров полка и милостиво с ними беседует. Дольше других обычно Императрица задерживалась на левом фланге около полкового адъютанта и беседовала с ним, в ожидании доклада о готовности заграничного поезда.

Мне, как полковому адъютанту, особенно памятна обаятельная личность Государыни. Вечно моложавая, небольшого роста, но стройная и изящная, всегда вся в черном и под густой вуалью. Говорила Императрица очень тихо и не совсем внятно, надо было напречь свой слух, чтобы все расслышать и дать толковый твет.

Государыня интересовалась жизнью полка, переменами в нем, помнила почти всех офицеров полка, а старикам любила задавать вопрос: «А вы моего мужа помните?» И как трогательно было слышать в устах Императрицы эти простые слова.

Но докладывали, что поезд готов и Государыня следовала в вагон. Не расставаясь все время с букетом, Императрица, стояла у окна вагона улыбалась и кивала головой все время, пока были ей видны провожавшие ее лица.

Ехали в полк, возвращались к повседневной будничной жизни. Чувствовалось, что все в душе своей уносили незабываемый образ обаятельной Царицы.

В ЛИБАВЕ

В конце 1907 года, весь полк из Александровского штаба (близ г. Волковишки) был переведен в гор. Либаву. Молодежь ликовала, что ей удалось вырваться из захолустной стоянки.

По прибытии в Либаву, штаб полка занял в порту Императора Александра III здание 3 флотского экипажа, незадолго перед тем расформированного за беспорядки. Помещение это, после наших казарм и обывательских квартир, по своему прекрасному оборудованию, походило скорей на здание кадетского корпуса или института благородных девиц. Командиру полка также была предоставлена отличная казенная квартира, где предполагалось поместить и меня. Но я предпочел жить в Либаве и ежедневно поэтому «гарцевал» по порту верхом, направляясь в канцелярию.

Командиром порта в то время был контр-адмирал Григорович, будущий Морской министр. Во всем видна была его рука полноправного хозяина и прекрасного администратора. И порт блистал своим благоустройством. Со стороны адмирала, мы видели самое сердечное и заботливое к нам отношение.

Тут-же в порту разместился 4 эскадрон ротмистра Базилевского. В Либаве стоял 3-ий, 1-й в Газенпоте, 2-й в Гробине, а остальные два по имениям баронов.

Либава, после нашего захолустья, казалась нам настоящей столицей. Тут был театр, с немецкой опереткой, известный шантан, под названием «Гамбургский сад», где играли наши трубачи; знаменитая кондитерская Боница, с прекрасными пирожными и отличным шоколадом; первоклассная «Петербургская гостиница», где собирались офицера полка, как не имевшие своего полкового собрания. А летом мы проводили время в прелестном Кургаузе.

Здесь я встретился со многими своими однокашниками по Морскому корпусу. Запомнилось прибытие в порт из Англии красавца нового крейсера «Рюрик», на котором плавал мой друг, лейтенант А. Рыжей. В этот вечер, с Лешей было выпито «море вина», мы вспоминали дни нашей юности в пансионе и в стенах родного нам корпуса.

***

Смоленские уланы ведут свое начало с 1708 года, когда в городе Рославле был сформирован «Рославский шквадрон» из детей дворян Смоленской губернии.

В 1908 году полк был переименован в уланский и тогда же, в Либаве, Смоленские Императора Александра III уланы праздновали 200-летний юбилей со дня своего основания.

Адмирал Григорович пошел всецело нам на встречу и предоставил для этой цели в наше распоряжение в порту:морской собор, чудесное офицерское морское собрание и большой манеж.

К юбилею полк готовился уже давно. Еще до меня начались вычеты из содержания офицеров и ко дню торжеств образовалось 12000 рублей, что по тем временам была сумма не малая.

Полк выпустил ко дню юбилея роскошно изданную Историю полка. Все клише для таковой были сделаны в Лейпциге; также была получена из за границы меловая бумага. Единственный, уцелевший в наши дни, экземпляр этой Истории, находится в библиотеке Колумбийского университета.

Накануне, 28 июля ст. ст. в день иконы Божией Матери Смоленской Одигитрии, полкового праздника, — на квартире командира полка, состоялась прибивка Высочайше пожалованного нового штандарта, а затем ужин в Морском собрании. В день праздника торжественная служба в Морском соборе,после коей блестящий парад, где полк был впервые в полной парадной форме улан. После него в Морском собрании обед, с массою приглашенных.

Устройство ужина, обеда и открытого буфета на балу было поручено известному Петербургскому кулинару из Яхт-Клуба, быв. повару Вел. кн. Алексея Александровича, французу Зесту. Два вагона с прислугой, поварами, сервировкой и провизией прибыли из Петербурга и были поданы по жел.-дорожной ветке в порт, к самому Морскому собранию.

На другой день, после обеда, был бал в Морском собрании с котильоном, выписанным из за границы. Затем игры и состязания для нижних чинов в манеже, а также прощальный обед в Кургаузе, данный полком бывшим Смоленцам. Празднество тянулось целую неделю.

Выпито на юбилее было изрядно, чем мы до известной степени были обязаны командиру крейсера «Адмирал Макаров», доставившему нам из Франции, без пошлины, шампанское, коньяк и ликеры.

На юбилей приехал поздравить полк, от имени Царя, наш бывший командир, свиты Его Величества, ген.-майор Орлов. От военного ведомства генерал Скугаревский, Командующий войсками Виленского военного округа, Прибалтийский генерал-губернатор, Командир корпуса и ряд других начальствующих лиц. Были представители от Смоленской губ. городов Смоленска, Рославля и Риги. Не забыли нас и однодивизники и морские офицеры во главе с адмиралом Григоровичем. Съехалось много бывших Смоленцев, старейшим из коих был генерал-лейтенант Чехович.

По случаю юбилея, полк получил много ценных подарков: от Смоленской губ., городов Смоленска, Рославля, Риги, от полков своей дивизии, от бывших Смоленцев и многих других. Особенно выделялся подарок Курляндского дворянства: большая серебрянная братина, обложенная старинными золотыми монетами. Большой длинный стол сплошь был ими заставлен. А затем, в офицерском собрании полка, было с подарками несколько витрин.

К сожалению, в конце 1909 года, наш полк и Елисаветградских гусар, стоявших в Риге, вернули на прежние свои стоянки к границе. А вместо нас, перевели бригаду из Борисова.

Опять однообразная, монотонная и скучная жизнь в Александровском штабе. И я стал изыскивать способы, как-бы вырваться из этого захолустья.

Попросил отца написать Великому князю Павлу Александровичу, с просьбой о переводе меня в Полевой гвардейский жандармский эскадрон. Дело в том, что когда, после гибели яхты «Ливадии», отец жил с Великими князьями на маяке, то Павел Александрович, при прощании с ним, предложил отцу, в случае надобности, к нему обращаться.

Я был вызван во дворец Великого князя, где генерал, состоящий при нём, сообщил мне, что вакансии в эскадроне сейчас нет. Но, что Великий князь предлагает устроить мне перевод в Придворно-конюшенное ведомство. По некоторым причинам, меня это не устраивало и я отказался. А вскоре я держал

при округе экзамен и был прикомандирован к I Полевому жандармскому эскадрону, стоявшему в Вильно.

Полевых жандармских эскадронов в русской армии было: 6-ть армейских и один гвадейский. В мирное время это был кадр. В эскадроне было всего 28 унтер-офицеров, назначаемых из кавалерийских полков своего округа, командир эскадрона и два офицера. Почему попасть туда было не легко.

Эскадроны эти были военного ведомства, ничего общего с полицейской службой не имели, несли преимущественно ординарческую службу при Командующем войсками округа, почему и были переименованы, при Временном правительстве, в Ординарческие.

Отбыв положенное 6-ти месячное прикомандирование и выдержав, после этого, вторичный экзамен, я был зачислен при Штабе округа кандидатом для перевода в эскадрон. А пока что, за неимением вакансии, отчислен в полк.

Но мне повезло. Заболел чахоткой офицер эскадрона поручик фон Волькенау. Был отправлен для поправления здоровья в Италию, но по дороге туда скончался. Я был вызван в Вильно, прикомандирован к Полевому эскадрону. А вскоре состоялся и Высочайший приказ о моем туда переводе.

Наконец мечты мои сбылись: я обосновался на постоянное жительство в Губернском городе. Завязались знакомства, связи. Начинаю работать в газете «Виленский Вестник», где скоро становлюсь постоянным сотрудником. Заведую театральным отделом. Имею постоянное место от газеты в театре.

В то время Виленский городской театр был сдан антрепренеру Беляеву, который держал его несколько лет подряд, а также и театр в Минске. Труппа у него была сильная, с рядом известных артистов. Сезон открывался всегда Островским. Репетиции шли долго, по столичному. Перед началом каждого сезона Беляев устраивал ужин, на который неизменно приглашал меня и редактора. На ужине были и первые персонажи труппы.

Большой известностью в Вильно пользовался Иван Антонович Шуман, бывший повар Генерал-губернатора, — его знаменитый шантан и летний театр, где обычно подвизалась опереточная труппа.

Постом гастролировали разные труппы. Постоянно приезжали из Москвы Коршевцы (известный театр Корша), в пол-

ном составе. Открывали обычно пьесой Щепкиной-Куперник «Счастливая женщина». Аренцвари, Чарова, Блюменталь-Тамарина, Волховская, г. г. Чарин, Бестужев, Борисов, Кригер, Щепановский и др. Надо ли говорить каким успехом они пользовались у Виленцев.

Большинство из них были мои друзья и в перерыве, перед спектаклями в Минске, возил я их за границу, или, попросту говоря, в пограничный городок Эйдкунен, где пили прелестное Немецкое пиво, ели Швейцарский сыр, а дамы запасались шоколадом. Затем я провожал всех в Минск, где присутствовал на открытии их спектаклей.

«Виленский Вестник», не взирая на то, что он являлся Губернским официозом, слыл за прогрессивную газету. Редактором его был талантливый журналист В. В. Теплов, быв. старший чиновник особых поручений при Генерал-губернаторе. Кроме того была еще и другая газета, «Северо-Западный Край», с левым уклоном.

В связи с этим, мне вспоминается такой случай. В городском театре состоялся благотворительный спектакль, устроенный губернаторшей в пользу приюта «Ясли». В спектакле, кроме «великосветских» любителей, участвовали и артисты профессионалы. Шла «Измена» князя Сумбатова, в которой главную роль, написанную когда-то Сумбатовым для знаменитой Ермоловой, играла местная меценатка, богатая помещица Скосырева.

Пьеса была разыграна очень неровно. В то время, когда артисты играли в общем хорошо, некоторые любители были из рук вон плохи. Особенно отличалась в этом отношении г-жа Скосырева.

После спектакля, ко мне подошел редактор, он же и рецензент «Северо-Западного Края» и спросил, что я собираюсь писать. Я ему откровенно высказал свой взгляд и сказал, что хвалить спектакль не собираюсь. Но он подумал, видимо, что я шучу.

Первой появилась, в угоду видимо губернаторше, хвалебная рецензия о спектакле в «Северо-Западном Крае». А затем в «Виленском Вестнике» моя.

Я писал, что редакция поручила мне дать отчет о спектакле, но я право нахожусь в большом затруднении, какую при-

ложить мерку. В пьесе участвовали, кроме любителей и настоящие артисты и отнестись к разбору их игры несерьезно будет для них обидно. Быть же очень строгим к любителям тоже не хотелось бы. А потому я постараюсь быть на середине. Затем следовал разбор игры каждого исполнителя отдельно и пьесы, с указанием почему «Измена» пьеса не для любителей. Вся рецензия была написана в остроумно ироническом тоне. Редактор, считая, что спектакль был общедоступным и правду скрывать не следует, ни одного слова из написанного мною не вычеркнул и напечатал все полностью.

Рецензия об этом спектакле произвела сенсацию. Через несколько часов, по выходе газеты, купить ее нельзя было уже нигде.

Очень обиделась на меня г-жа Скосырева. Полетела жаловаться губернатору. Но Веревкин (переведен был из Ковно), сам видимо разделяя мое мнение, сказал ей, что ничего сделать не может, т. к. я ему не подчинен. Сунулась она было с жалобой и к Командующему войсками округа. Но и у Ренненкампфа успеха не имела.

Г-жа Скосырева, после спектакля, устроила у себя ужин. Было много приглашенных. В антракте на спектакле я пошел за кулисы навестить своих друзей. И там получил от Скосыревой приглашение на ужин. Не желая быть ей обязанным и тем связать себя при писании рецензии, я отказался, сказав, что обещал уже быть у Шумана.

— Ну, конечно, вы без шантана жить не можете.

По правде говоря, она была права. Бывал я со своим редактором у Шумана частенько, предпочитая ему скучные семейные приемы. Не даром Василий Васильевич Теплов говорил:

«А у нас уж так задумано
Быть вечерком у Шумана».

ВОЙНА

Так коротали мы свои дни, пока не грянул гром войны. Была объявлена мобилизация. В эскадроне у меня, как у адъютанта, было много работы. Прибывали на пополнение запасные унтер-офицеры и лошади. А также 8 человек офицеров из кавалерийских полков нашего округа.

Полевой эскадрон, доведенный до 200-сот человек, делился на две части. Один полуэскадрон оставался при I Армии, а другой шел в 4 Армию, которая комплектовалась из войск Московского и Казанского военных округов, где не было полевых жандармов. Я, в должности помощника командира эскадрона, остался в I Армии.

В первый же день мобилизации станцию Вержболово занял батальон Волжского полка и эскадрон Смоленских улан, с приказанием оборонять таковую до подхода главных сил армии. Свою задачу Волжцы и Смоленцы выполнили блестяще. Особенно отличился пулеметный взвод при батаьоне. Немцы никак не могли понять какое количество войск занимает станцию. Целые пехотные полки ходили в сомкнутом строю в атаку, а пулеметы Волжцев косили их, словно рожь. Их было всего два.. И командовавший ими подпоручик получил Георгиевский крест.

Когда поезд Командующего армией и полевой эскадрон прибыли на ст. Вержболово, там еще находился штаб 3 армейского корпуса, войска коего наступали на Сталлупенен.

Генерал Ренненкампф приказал мне разыскать Командира 3 корпуса генерала Епанчина и передать ему, что он должен находиться уж впереди, а ст. Вержболово занимает Штаб I армии.

Я скоро нашел Командира корпуса, который находился со штабом около небольшого домика, и передал ему приказание Ренненкампфа. Епанчин был несколько смущен, просил меня передать Командующему, что он ведет тяжелый бой и войска с трудом продвигаются вперед. Но, что он со штабом корпуса перейдет в другое место.

***

Командующим I Армии был генерал-адъютант П. К. Ренненкампф, обладатель крутого и взбалмошного нрава. Генерал, как мой бывший Корпусный командир, знал меня хорошо и я часто получал от него лично, минуя командира эскадрона, довольно оригинальные поручения. Но одно приказание было настолько дико, что об нем стоит рассказать.

Когда мы прибыли настанцию Вержболово, то заняли ближайшие станционные постройки, где также разместились охранные роты штаба и еще несколько нестроевых частей. Штаб армии остался в вагонах, составлявших поезд Командующего армией.

Устроившись с большим удобством и комфортом, в прекрасных пульмановских вагонах, штаб не особенно торопился покинуть насиженные места. И только, после Гумбиненского сражения, сразу, перешел в гор. Инстербург.

Спокойно-методически работал Штаб армии, но его «мирная» обстановка была нарушена, когда, однажды, в тыл к нам, прорвались два немецких эскадрона и ударили по нашим путям сообщений. О факте этом, почему-то, никто не писал. Даже умалчивает о нем в своей книге генерал Н. Н. Головин («Из истории кампании 1914 года на русском фронте»). В обозах произошло замешательство и началось их паническое бегство по шоссе к Эйдкунену. Дошло до того, что ездовые выпрягали лошадей и верхом мчались по шоссе, мимо Штаба армии. Стоял страшный шум, крики, топот коней.

Я, немедля, приказал поседлать по тревоге эскадрон и вывел его на шоссе, стараясь остановить мчавшиеся обозные повозки.

Из вагона на шоссе быстро вышел ген. Ренненкампф. В этот момент, мимо него, несся на неоседланной лошади, без папахи, донской казак, крича не своим голосом: «немцы, немцы»......

Увидя эту картину, генерал остановил его и, подозвав к себе, спросил: «Где немцы?». Казак указал в сторону Эйдкунена.

— Штаб-ротмистр князь Ишеев, позвал меня Командующий армией, — поезжайте с этим казаком и удостоверьтесь, действительно-ли там немцы, где он говорит.

Проехав в указанное казаком место, я нашел там, вместо немцев наши охранные роты, которые рассыпали в цепь их командиры, о чем и доложил, возвратясь, вместе с казаком, Командующему армией. Ген. Ренненкампф ничего не говоря казаку, отдал мне следующее дословное приказание:

— Возьмите этого казака, расстреляйте и голову его принесите мне в вагон.

Что мне было отвечать, как не: «Слушаюсь, Ваше Высокопревосходительство».

Получив столь необычайное «задание», я, откровенно говоря, призадумался, как-бы избежать исполнения этого «пос-

пешного» приказания вспыльчивого генерала и, если возможно будет, спасти казака.

На его счастье, в этот момент, налетел на меня мой Командир эскадрона полковник Нереновский. Большой любитель поспать, после обеда, полковник, не в обиду ему будет сказано, малость запоздал. Желая, видимо, показать перед Командующим свою распорядительность и, не зная о данном мне генералом приказании, «дядя Федя», как называли его офицеры, громовым голосом закричал: «Штаб-ротмистр князь Ишеев, поезжайте немедля в Эйдкунен, там чорт знает, что происходит, заклинились обозы». Господин полковник, Командующий армией приказ...., пробовал было я возразить. «Слушайте, что я вам приказываю». И, не дав мне доложить ему приказание Командующего, помчался дальше.

Передав казака вахмистру эскадрона с приказанием: задержать его впредь до моего распоряжения, я направился с несколькими унтер-офицерами в Эйдкунен.

Здесь моим глазам представилась такая картина. Площадь этого немецкого пограничного городка, перед мостом, сплошь была усеяна обозными повозками, вклинившимися, в паническом бегстве, на мосту и прекративши там всякое движение. Повозки были без ездовых и я долго не мог их найти. Оказывается «храбрые воины» попрятались под повозки и мне с трудом удалось их выгнать из-за «прикрытия».

Водворив таким образом порядок и урегулировав движение, я вернулся на ст. Вержболово и немедля отправился в эскадрон. На мой вопрос: «Где казак?», — вахмистр смущенно доложил, что казак бежал и в кратких словах описал мне картину бегства.

Что было делать? Факт был на лицо — казак исчез. С «Желтой опасностью» (кличка, под которой был известен в военных кругах ген. Ренненкампф), шутки были плохи и надо было искать способ самому выйти благополучно из создавшегося положения.

Я отправился к Командиру эскадрона и рассказал ему все подробно. Выслушав меня, полковник посоветовал мне молчать и никому об этом, пока, ничего не говорить.

Прошел день, второй. Казалось, что Ренненкампф забыл об этом случае. Как вдруг, на третий день, после обеда за чаш-

кой кофе, Командующий, будучи в хорошем расположении духа, неожиданно для всех, спросил Командира эскадрона: «А, что, Ишеев, расстрелял казака?». На это последовал спокойный ответ дяди Феди: «Да, расстрелял». Здесь следует пояснить, что полковник был у Командующего армией в большом фаворе и частенько за обедом забавлял его веселыми анекдотами.

Сознавал ли ген. Ренненкампф, что погорячился, отдавая столь нелепое приказание, как: принести ему голову в вагон, — я не знаю, но так кончилась благополучно для казака и для меня эта «трагикомическая история».

Сколько лет прошло уже с тех пор и я все не могу ее забыть и в точности не знаю: действительно ли удрал казак, или молодцы унтер-офицеры, услышав его печальное повествование, — выпустили лихого станичника на свободу. Последнее я думаю, вероятнее.

Запомнилось хорошо еще одно приказание ген. Ренненкампфа.

После первого неудачного боя с немцами, 28 пехотная дивизия, 20-ого армейского корпуса, находившаяся на правом фланге нашей армии, была настолько расстроена, что некоторые офицеры этой дивизии оставили свои части.

Командующий армией потребовал меня к себе в вагон и отдал следующее приказание:

— Мне известно, что на станции Пильвишки находятся офицеры 28 дивизии, бросившие своих солдат. Возьмите 2-х унтер-офицеров, поезжайте на эту станцию, соберите этих беглецов и представьте мне.

Приехал я на эту станцию, которая находилась в 25-ти верстах от границы, ночью. Небольшая комната ожидания была сплошь набита солдатами, а среди них, на полу. стояли два гроба с телами, убитых в Каушенском бою, офицеров Л. гв. Конного полка, которые их деньщики везли в Петроград. Жуткая картина.

На рассвете мои унтер-офицеры обнаружили в соседних к станции хатах 7-м человек офицеров 28 пех. дивизии, среди коих было два капитана.

Я объявил им приказание Командующего армией и повез в Вержболово. Там, выстроив их перед вагоном Командующего, доложил ему, что собрал 7 человек.

Ренненкампф, выйдя из вагона, здорово их пробрал, пристыдил и приказал немедля возвращаться в полки, собрать и привести в порядок свои части. Больше других попало двум ротным командирам.

**
*

Первое серьезное столкновение с немцами у Сталлупенена, нестмотря на то, что русские отбросили немцев, было для нас очень тяжелым. Не обстреленные и плохо еще применявшиеся к местности войска, понесли большие потери. Было много раненых. Целые вереницы повозок с ними тянулись на станцию Вержболово, где залы были превращены в лазарет. Было много раненых и немцев из 17 корпуса, который дрался в центре их армии. В этом бою был убит Командир пехотного Оренбургского полка генерального штаба полковник Комаров, выехавший открыто верхом перед позицией своего полка.

На другой день, после этого боя, генерал Ренненкампф на автомобиле, а в 2-х других охрана от Полевого эскадрона, с карабинами, (В мирное время Полевой эскадрон имел только револьверы, а в первые дни войны получил карабины.) — поехал в 25 и 27 пехотные дивизии и поздравлял войска с удачным боем. Это были части 3 Корпуса, которыми он раньше командовал и где его хорошо знали. Солдаты его любили и надо было видеть с каким восторгом они его приветствовали и кричали ура.

Сталупененское столкновение произошло 17 августа и было прелюдией Гумбиненского боя, разыгравшегося 20 августа.

Здесь, наступавшая армия ген. Ренненкампфа, встретилась с германской армией генерала Притвица. В начале перевес был на стороне немцев. Были уже использованы все резервы. И немцы, чувствуя приближение победы, становились чересчур смелыми: их батареи выскакивали на открытые позиции, а пехота бросалась в прорыв, образовавшийся в центре нашей армии.

В этот критический момент Ренненкампф отдал приказание: во чтобы то ни стало перейти в контр-атаку. И все дивизии, получив такое приказание, перешли в контр-атаку.

Немецкие батареи на открытых позициях были расстреляны огнем наших батарей, немецкие цепи остановлены соеди-

ненными усилиями нашей пехоты и артиллерии. Местами у немцев возникла паника. А к вечеру оказалось, что все их дивизии были обессилены и принуждены к поспешному отходу.

Разгром немцев был настолько велик, что генерал Ренненкампф телеграфировал начальству: «Разбил и победоносно гоню».

Армия Притвица отходила с такой поспешностью, что войска наши вскоре потеряли с ней всякую связь.

Посланный ген. Ренненкампфом на место боя, для организации сбора, брошенного немцами, оружия и уборки убитых, я видел потрясающие картины: целые цепи немцев, скошенных, как рожь, огнем артиллерийских батарей. А в одном месте: настоящее кладбище смерти. Это была расстрелянная, выехавшая на открытую позицию и еще не успевшая сняться с передков, — целая немецкая батарея. Стреляли по ней 2 батареи 27 артиллерийской бригады подполковника Аноева и Шилова, Георгиевских кавалеров Русско-Японской войны. В речке было много брошенных винтовок и пулеметов.

**
*

Через несколько дней, после этого сражения, Штаб армии, покинув наконец вагоны, перешел в гор. Инстербург. Командир эскадрона укатил с Командующим армией на автомобиле, а мне, как старшему офицеру, приказано было вести, туда-же, эскадрон.

Полевой эскадрон, укомплектованный в большинстве запасными унтер-офицерами гвардейских кавалерийских полков, уроженцев Литвы и Прибалтики, прекрасными лошадьми Литовских помещиков и одетый во все новое, — выглядел красиво и внушительно. Мне попалась светло рыжая кобыла, имевшая видимо прекрасный аттестат, с красивой звездинкой на лбу. Стать ее, грудь и ноги, чуткая послушность поводу и вся повадка говорили о том, что лошадь была выезжена и находилась в хороших руках. Особенно легко шла на поводу и была в меру горяча. Проездил я на ней всю войну.

После Эйдкунена, пограничного городка, все сразу, в сравнении с нашей Литвой, изменилось: дороги лучше и прямее, сады, поля и огороды обработаны с любовью. Домики, дворы и церкви блестели, точно только что помыты и покрашены. Отдельные усадьбы красовались, как на картинке...

Но, входя в немецкие селения мы обнаруживали, что они пусты, точно только что сегодня вымерли. Во дворах мирно стоят коровы, на склонах холмика пасутся овцы. Ворота и двери не заперты. Ходят куры и свиньи. В светло голубом пруду беспечно плавают утки и гуси.

В сторону от шоссе, около станции Тракенен увидели молодняк, лошадей Тракенского конного завода, выпущенный в поле. Удалось поймать 3-ех двухлеток, которых привели затем с собой в Россию.

В Гумбинене для ночлега мои квартирьеры выбрали опустевшие казармы немецких улан. Мне была отведена офицерская квартира одного лейтенанта. Когда я вошел в нее, я был поражен: мирно тикали часы на опрятно прибранной шифоньерке. Кровать была застлана чистыми простынями и приготовлена ко сну, а на ночном столике стоял в рамке портрет самого Кайзера, с собственноручной его подписью владельцу квартиры.

На обеденном столе был поднос с приготовленным кофе, сахарницей и печеньем. Казалось, что вот сейчас войдет хозяин квартиры и мне придется извиниться перед ним за самовольное вторжение.

Спал я эту ночь в прекрасной, мягкой постеле немецкого лейтенанта и при том спокойно. Ибо было очевидно, что паника охватила Восточную Пруссию и не только войска. Все мирное население, почти, поголовно побросало свои дома, хозяйства и поместья.

На другой день, эскадрон был уже в Инстербурге. Командующий армией расположился в одной из лучших гостиниц города, где был также и отдел Генерал-квартирмейстера Штаба армии.

В одно из моих дежурств по Штабу армии, когда я обходил район занятый Штабом армии, у одной небольшой гостиницы, примыкавшей вплотную на задней улице к зданию, где помещался Командующий армией, на крыльце сидела седая, грязно одетая, старуха. Это мне показалось подозрительным и я решил войти в гостиницу.

Поднявшись по деревянной лестнице на второй этаж, я обнаружил, что гостиница пуста. Попал я в коридор, с одной и другой стороны которого были двери, ведущие в номера. В

коридоре чувствовался запах гари. Желая узнать, где горит, я стал открывать двери в номера. Вдруг, из одной комнаты, мне в глаза ударило облако дыма, сразу им заволокло весь коридор и я не стал ничего видеть.

Ощупью по стенке начал я искать дверь, ведущую на лестницу. Пока ее нашел, все время попадал, открывая двери в номера. Сознаюсь, ощущение было не из приятных. В конце концов, вышел на лестницу и выскочил на улицу. Старуха, конечно, исчезла.

Прибывшие по тревоге пожарные, быстро справились с огнем. Очагом был подожженный матрац. Не было сомнения, что немцы выселили всех из гостиницы и устроили поджог, расчитывая на пожар гостиницы, где помещался Командующий армией. Что, очевидно, нужно было для ориентировки летчиков.

Вообще же, с немцами надо было быть всегда на чеку. Всюду, где только было возможно, нам старались устроить ловушку. Это подтвердил следующий случай.

Через несколько дней, после того как штаб перешел в Инстербург, в городе прекратилась подача воды. Комендант штабкватиры Штаба армии, подполковник Сергеев, желая исполнить приказание генерала Ренненкампфа: «наладить во что-бы ни стало подачу воды», принимал к тому все зависящие от него меры. Немцы упорно твердили, что исправить повреждение не могут, т. к. у них нет сейчас для этого подходящего специалиста.

Узнав от кого-то, что таковой мастер имеется, Сергеев приказал привести его к нему. А затем, посадив на автомобиль меня, поручика Далл Орсо и немца, Сергеев отправился с нами на окраину города, где было водопроводное здание. Здесь, подойдя к водоподъемной башне, он приказал мне и поручику Далл Орсо остаться внизу, а сам с немцем поднялся на верх башни.

Прошло минут десять, как вдруг раздался сильный взрыв. Мы бросились наверх и увидели раненых под. Сергеева и немца. После оказания первой медицинской помощи на месте, их перевезли в госпиталь.

Тяжело раненый в ноги и потерявший кисть правой руки, под. Сергеев был эвакуирован для лечения в Россию и вер-

нулся в штаб только через несколько месяцев. А немец был ранен смертельно и к вечеру скончался.

Вероятно, немцы отлично знали, что на место повреждения был заложен пироксилиновый патрон и не решались делать исправление. Ибо вскоре, после взрыва, водопровод начал исправно действовать.

**
*

Полевой эскадрон помещался в громадных артиллерийских немецких казармах. Офицеры эскадрона и наши 4-ре вольноопределяющихся жили в офицерском собрании, бывшем при этих казармах. В собрании находился прекрасный винный погреб, взятый по приказанию Командующего армией, на учет. Ключ от него находился у меня. Вероятно, этот погреб и притягивал к нам многих штабных офицеров, заходивших посидеть у нас, вечерком, за стаканом доброго вина.

В связи с этим погребом, вспоминается, как ген. Ренненкампф, прекратил пьянство среди солдат. Это было в первые дни стоянки Штаба армии в Вержболово.

Солдаты охранных двух рот и других частей, бывших при Штабе армии, начали отлучаться в пограничный немецкий городок Эйдкунен, где отыскивали винные погреба, проникали в них и напивались. Пьяными возвращались в свои части с бутылками и спаивали других.

Несмотря на строгие меры, принятые Комендантом штабквартиры, пьянство не прекращалось. К погребам были поставлены караулы, но и караульные лежали замертво. Тогда Ренненкампф приказал расстрелять, без суда собственной властью, двух унтер-офицеров из охраной роты при Штабе армии, бывших в карауле и напившихся пьяными. Приказ был приведен в исполнение, в присутствии всех частей, бывших при Штабе, — и пьянство сразу прекратилось.

**
*

Из Инстербурга я был послан Дежурным генералом Штаба армии, с секретным поручением Заведующему типографией штаба, в гор. Вильно, которая там оставалась. Приехав и исполнив поручение, я зашел в газ. «Виленский Вестник» проведать своих друзей. Редактор В. В. Теплов познакомил меня с молодым

студентом, сотрудником газ. «Новое Время», И. М. Каллиниковым и просил меня взять его с собой на фронт, куда он стремится попасть.

На другой день я с Каллиниковым выехал в Инстербург, куда мы добрались с большим трудом, т. к. уже началась эвакуация этого города. Каллиникову так понравилось на фронте, что он поступил вольноопределяющимся в полк и впоследствии, за боевые отличия, был произведен в офицеры.

После окончания Белой борьбы и эвакуации армии в Константинополь, Каллиников переезжает в Болгарию, где в Софии издает газету «Русь». Монархист по своим политическим убеждениям, он был ненавистен большевикам и в 20-тых годах, подосланный ими убийца, выстрелом через окно, убил его наповал.

Много сочувственных писем получила в то время редакция «Руси». Всех их я уже не помню, но письмо известного писателя Александра Амфитеатрова сохранил. Вот оно:

«Сегодня «Русь» пришла в траурной рамке и с портретом покойного И. М. Каллиникова. Я не знал И. М. и, судя по некрологу, мы держались весьма различных политических убеждений и очень разные пожелания и мечты питали для чаемого возрождения России. Но не могу,нечестным почитал бы я не выразить своего негодования по поводу убийства И. М. Каллиникова. Искренно сочувствую Вашей потере.

Не одни монархисты, но эмигранты всех направлений и фракций должны сомкнуться в осуждении этого отвратительного преступления и в дружном против него протесте. Монархист ли, республиканец ли, социалист ли той или другой не коммунистической группировки, все мы равны в несчастии изгнания, все одинаково ограблены и материально, и морально разбоем захватчиков, похоронивших великую покойницу Россию под гноем и грязью своего СССР.

Свобода протестующего слова — единственное, что осталось у нас, измученных и нищих, русских писателей, лишенных родины за то, что не хотели поклониться большевицкому зверю и принять на себя печать звериную. Но вот зверь, неутолимый и наглый, даже и в чужой стране подкрадывается к русскому журналисту, чтобы и в последнем убежище отнять

у него последнее достояние и оружие. А, так как оно отъемлется только с жизнью, то похищает и жизнь.

Возможно, что, притаившийся под окном Каллиникова убийца стрелял в монархиста, но тем же самым выстрелом предостерегающе ранен и весь свободный русский эмигрантский журнализм. И более чем печально будет, если он не поймет значения своей раны, если найдутся люди, способные равнодушно пройти мимо трупа Каллиникова, разглядев в нем легкомысленно лишь покойника «не нашего прихода». Общий враг скалит клыки, общий враг острит когти, общий враг растерзал пробную жертву. А с общим врагом и борьба должна быть общая.

Леванто. Александр Амфитеатров

После этого убийства, газета «Русь» перешла к С. С. Чазову, бывшему сотруднику Петербургского «Вечернего Времени», который ее и редактировал.

Вспоминается еще, состоявшийся тогда в Инстербурге, торжественный парад и смотр, отведенному на отдых Л. гв. Конному полку.

Генерал Ренненкампф обходил ряды полка, благодарил за Каушенский бой и приколол Великому князю Димитрию Павловичу и барону Врангелю, пожалованные им Георгиевские кресты. Ротмистр Врангель получил эту награду за атаку, со своим эскадроном, немецкой батареи и захват пушек.

ОТСТУПЛЕНИЕ

Посланная, после разгрома немцев у Гумбинена, генералом Ренненкампфом начальству телеграмма: «Разбил и победоносно гоню», была правдива лишь в первой ее части — разбил, что же касается второй части — победоносно гоню, то это была поэтическая вольность. Ни утомленная пехота, ни Конный корпус Хана Нахичеванского, отведенный на отдых, после боя у Каушена, — не гнали и не преследовали немцев. Генерал Хан Нахичеванский даже не донес Командующему армией об отводе своих 4-х конных дивизий на отдых, за что и был отрешен от командования корпусом.

Потеряв с немцами соприкосновение, наши войска медленно и безпрепятственно продвигались вперед. Все было, как будто, в порядке. Но вдруг, в один день прекратилась связь со 2-ой армией. Не зная, что там случилось, Ренненкампф приказал мне, как дежурному по штабу, разыскать одного летчика и сам лично, при мне, отдал ему приказание: немедля лететь в район 2 армии и выяснить тамошнюю обстановку, при чем сказал: «Если благополучно вернетесь и доложите мне, что там происходит, обещаю вам Георгиевскй крест».

На другой день летчик этот вернулся (не помню, к сожалению, фамилию этого доблестного офицера) и доложил, что произошло во 2-ой армии. После этого доклада, Ренненкампф отдал приказ к отступлению.

Некоторые военные историки обвиняют ген. Ренненкампфа, что он не преследовал немцев, а главное, что не пошел на выручку ген. Самсонову, тогда, как говорят они, не было бы разгрома 2-ой армии под Сольдау. Так ли это?

Армия отступала в спешном порядке. Гинденбург, после Сольдау, хотел отрезать І-ую армию и главный свой удар направил на левый ее фланг. Здесь отступление армии прикрывала 43 пех. дивизия, 1-ая бригада коей понесла большие потери. Другие же наши войска проскочили на русскую территорию, сравнительно, благополучно.

Командующий армией и генерал-квартирмейстерская часть опять вернулись на ст. Вержболово, другие же отделы Штаба армии перешли прямо в Ковно. Вскоре проследовал туда и поезд с Командующим.

Хаос при отступлении в тыловых частях армии был большой. Все сосредотачивалось на шоссе, ведущее к Эйдкунену и потому на мосту, через пограничную речку, получилась настоящая пробка.

По приказанию ген. Ренненкампфа, я, со взводом, был послан в Эйдкунен, и дальше, водворить порядок и урегулировать движение.

Со мной было 20 унтер-офицеров и трубач. Отправились мы налегке, ибо никак не ожидали, что, когда вернемся в Вержболово, то поезд Командующего армией, а с ним, погруженный в вагоны, и наш эскадрон, уйдет в Ковно.

Вернувшись в Вержболово и обнаружив «исчезновение»

своего командира, оставившего меня на произвол судьбы: без продовольствия, вещей и корма для лошадей, — я, после двух бессонных ночей и тяжелой работы, переночевал и утром выступил походным порядком в Ковно.

Питаясь, кое как, по бедным Литовским деревушкам и подкармливая малость лошадей, я, на третьи сутки, пришел со взводом в Ковно. Здесь нашел своего деньщика с вещами, а также радушную встречу офицеров эскадрона.

Командир эскадрона направил меня к Дежурному генералу штаба армии. Генерал Крюгер встретил меня словами: «А я хотел уже исключить вас из списка живых. У нас распространился слух, что вы убиты». На что я ответил: «Вероятно долго буду жить, Ваше Превосходительство». Распросив меня еще некоторые подробности, генерал направил меня к Командующему армией.

Генерал Ренненкампф встретил меня очень милостиво. Сказал, что уже слышал о моей распорядительности и о боевом приказе, который благодаря мне, попал по назначению. Задал еще несколько вопросов, затем поблагодарил и сказал:

— А теперь идите к Дежурному генералу и скажите, чтобы он вас представил к производству в чин ротмистра, или к Владимиру с мечами. Выбирайте сами, что хотите.

Но я прямо не пошел к Дежурному генералу, а отправился посоветоваться со своим командиром эскадрона. Нереновский сказал, что орден я еще успею получить, а вот чин ротмистра не всегда выйдет. И я его послушал, о чем впоследствии пожалел.

Тогда Командующий армией не имел еще права производства и мое представление о награждении чином пошло в Главный штаб. Весь взвод, в приказе по Армии, получил награды: 4 унтер-офицера Георгиевские кресты, за доставку боевых приказов, а остальные — медали на георгиевской ленте. А мне и чин и Владимир «улыбнулись».

Долго я ничего не слышал о своем производстве. Получил уже ряд очередных наград и, когда был в распоряжении Варшавского генерал-губернатора Князя Енгалычева, им была получена из Главного штаба следующая телеграмма: «Награждение штаб-ротмистра князя Ишеева чином ротмистра, ввиду неимения указаний законе, Высочайше отклонено и означен-

ная награда заменена ему орденом Св. Анны 2 степени с мечами на шею». Эту телеграмму воспроизвожу по памяти. Может быть, за давностью лет, редакция ее и не совсем точна, но за общий смысл ручаюсь.

В ШТАБЕ АРМИИ ПОД ВАРШАВОЙ

После отступления I Армии из Восточной Пруссии, генерал Ренненкампф со всем своим штабом, вскоре был отправлен из Ковно под Варшаву. Там в состав I Армии вошли другие корпуса (2 Сибирских, Туркестанский и Кавалерийский), а из прежних корпусов, в Вержболовском направлении, была сформирована, новая, 10 Армия генерала Сиверса.

Вспоминаю, как прямо из вагонов, бросали в бой прибывающих из России Сибиряков. Варшава была освобождена, но какой ценой? Много могил было на пути их наступления.

В ноябре 1914 года, на фронте между реками Вислой и Пилицей происходили ожесточенные бои, названные «Лодзинской операцией». Генерал Ренненкампф налегке, взяв с собой только Оперативное отделение и Полевой эскадрон, выехал в гор. Сохачев, откуда лично руководил этой операцией.

Бои протекали с переменным успехом. Но одно время 2-ая немецкая армия была нами окружена. В Варшаве были заготовлены уже целые составы поездов для принятия пленных немцев. Но нерешительность Начальника 2-ой Сибирской дивизии генерала Геннингса позволила германской гвардейской дивизии Лицмана вырваться из окружения, в которое она попала под Лозью. В этом обвинили Ренненкампфа и он был отрешен от командования армией.

Командующим I Армией был назначен генерал-от-кавалерии Литвинов, а Начальником штаба генерал-лейтенант Одешелидзе, оба Георгиевские кавалеры. Генерал Литвинов, в сравнении с ген. Ренненкампфом, был спокойный, флегматичный старик, сидевший все больше в своей комнате и никогда к войскам не выезжавший. Всем заворачивал ген. Одешелидзе.

Как-то, когда Штаб армии был расположен на одном Сахарном заводе вблизи Варшавы, ген. Литвинов, во время обеда, обратился с вопросом к Заведующему службой связи подп. Бесядовскому: разыскал ли он лейтенанта Подгурского? На что Бесядовский ответил, что найти Подгурского не удалось.

«Сейчас же на автомобиле пошлите офицера разыскать Подгурского и передать ему мое приказание», сказал Командующий.

Бесядовский сразу встал и осмотрев, сидящих за столом офицеров, обратился ко мне: «Штаб-ротмистр князь Ишеев, пожалуйте со мной». Прийдя в Общее отделение Штаба армии, подп. Бесядовский рассказал мне, что в тыл к нам прорвались два немецких эскадрона и наводят на наших путях сообщений настоящую панику. Команда автомобильного броневого взвода лейт. Подгурского по телефону ему разыскать не удалось. По имеющимся у него сведениям, но не точным, он ночевал в деревне такой-то.

— Постарайтесь его найти и передать приказание Командующего армией: атаковать эти немецкие эскадроны и прогнать их за линию фронта.

Долго я блуждал на автомобиле и только под вечер, и то случайно, обнаружил автомобильный взвод и передал Подгурскому приказание Командующего. Он блестяще атаковал эскадроны и заставил их убраться домой.

За это дело Подгурский получил Георгиевский крест, Бесядовский Георгиевское «золотое» оружие, а я Анну 4 степени, т. е. темляк на шашку, что в обиходе называлось «клюкву».

В ВАРШАВЕ

Как-то вызвал меня Дежурный генерал и сказал, что из Штаба фронта получена телеграмма о командировании в Варшаву, в распоряжение генерала князя Туманова, одного офицера и предложил мне туда ехать. Я с удовольствием принял эту командировку: пожить в таком городе как Варшава, после разных перепитий, был большой соблазн.

В Штабе армии я, между прочим, узнал, что Великий князь Николай Николаевич, при посещении Варшавы, нашел там большой беспорядок: много с фронта офицеров, пьянство среди них и полный развал у этапных комендантов. Вызвал из Вильно князя Туманова и приказал ему навести в Варшаве порядок.

Инженер генерал князь Туманов, впоследствии Начальник Петроградского военного округа, был на редкость строгий и очень требовательный человек. Кроме меня, в его распоряжение были командированы еще по одному офицеру из 4-ой и

5-ой армий. Рассылал он нас, ежедневно, во все концы Варшавы для ревизий, с правом пользоваться его именем. Подтянул всех здорово.

Но вскоре Туманов вернулся в Вильну, т. к. было образовано Варшавское генерал-губернаторство и на эту должность назначен из Ставки генерал Енгалычев. При нем формировалась военная канцелярия и я перешел в его распоряжение.

Жизнь в Варшаве била ключем. Театры, рестораны, цукерни были полны народу. Было много приезжих и не чувствовалось, что в 50-ти верстах от города начинается уже фронт.

Работы у меня было много, т. к. Начальник канцелярии полковник Олсуфьев, бывший раньше адъютантом у генерала Скалона и знавший поэтому хорошо Варшаву, сопровождал всегда в поездках Генерал-губернатора, а всю работу по канцелярии взвалил на меня.

В канцелярии, которая помещалась в Уездовском замке, у нас толпилось всегда много народу, получавшего разрешения для поездки на фронт. Среди этой публики бывали очень интересные личности.

Вспоминается живой и энергичный монархист Пуришкевич, бегавший по комнате из угла в угол со стеком в руке и декламировавший свои остроумные, на злобу дня, стихи. Одни из них, по случаю закрытия Ген.-губернатором публичных домов, когда проститутки, прикрывшись косынками сестер милосердия, шныряли по улицам Варшавы, были настолько удачны, что я их сразу запомнил. Вот этот перл:

«Дома публичные закрыты
Б — ей в Варшаве не найти,
Прикрыв косынкою ланиты
Они на избранном пути.
Все рвутся в сестры, ждут повязки
Разводят всюду трипера
Дают за штык, дают за каски
Подчас дают и за кивера».

Но второй куплет настолько нецензурен, что об нем умалчиваю.

Получил я от него в подарок книжку остроумных его стихов, посвященных Дупенскому. Под этой фамилией был скрыт,

но очень прозрачно, — депутат Государственной думы Крупенский. К сожалению, она у меня не сохранилась.

ЖИЗНЬ И КАЗНЬ ПОДП. МЯСОЕДОВА

В то время был привезен в Варшавскую крепость, арестованный за шпионаж, подполковник Мясоедов. И мне тогда, невольно вспомнился наш полк, поездки за границу через станцию Вержболово, на которой Мясоедов был тогда Начальником жандармского отделения. Я знал его лично и хорошо всю его биографию.

В молодости офицер одного из пехотных полков, стоявших в Ковно, женатый на рожденной немке, дочери владельца Ковенского гвоздильного завода Тильманса, он скоро перешел на службу в отдельный Корпус жандармов.

Высокого роста, громоздкий, обладатель большой физической силы (ломал пальцами монету), с надменным и наглым взглядом, — Мясоедов импонировал своим видом.

Нас, офицеров драгунского полка, поражали те крупные связи, которые имел простой жандармский офицер в Германии и тот широкий размах, с которым он жил.

Ежегодно он был приглашаем на охоту к самому Кайзеру, а сам давал у себя пышные рауты, на которые приезжали немецкие офицеры, близ стоявших улан. Старался завлечь на эти приемы и нас молодых офицеров полка.

Обворожительная хозяйка, интересные приезжие немки и широкое хлебосольство, — все это, откровенно говоря, влекло нас, холостую молодежь, скучавшую в захолустной стоянке. Бывали мы там как-бы инкогнито, т. к. жандармский подполковник, после одного случая, в полку принят не был.

И вот в один прекрасный день, требует меня, как полкового адъютанта, к себе на квартиру, в неурочное время, командир полка, бывший в ту первую революционную вспышку Начальником военного района двух пограничных уездов.

Вхожу. В кабинете командира застаю молодого жандармского корнета Пономарева, прибывшего из Петербурга с секретным поручением Штаба корпуса жандармов произвести обыск у подп. Мясоедова. Получаю приказание: заготовить предписа-

ние командиру эскадрона в местечко Вержболово, — содействовать корнету при производстве обыска.

Цель обыска: найти огнестрельное оружие, которым, якобы, торгует Мясоедов, перевозя его тайно через границу. Но за этим скрывалось, как говорили тогда, нечто другое. Что было обнаружено при обыске — не помню. Жандармский корнет укатил в ту же ночь, с какими-то вещественными доказательствами в Петербург.

А результат обыска был таков: подполковник Мясоедов, вскоре был отрешен от занимаемой им должности и удален из Корпуса жандармов.

Выйдя в запас, Мясоедов поселяется в Петербурге. Он делается, видимо для отвода глаз, представителем одной крупной немецкой автомобильной фирмы. Опять широкий образ жизни: открытый дом, постоянные приемы. Жена его сближается с супругой Сухомлинова. И Мясоедов свой человек в доме Военного министра.

Грянул гром войны. Завод Тильманса, тестя Мясоедова, закрывают, а его самого, бывшего на подозрении еще в мирное время, высылают в глубь России. Мясоедова призывают из запаса, он надевает мундир подполковника, с зачислением по армейской пехоте, и назначается в распоряжение Военного министра генерала Сухомлинова, пользуясь его особым покровительством.

Нашумевшая в то время история: столкновение его с редактором «Вечернего Времени» Борисом Сувориным, имевшего смелость его разоблачить, — хорошо известна всем и писалось о ней тогда много.

Материал, который мог добыть у Военного министра, бывший жандармский офицер, не удовлетворял, видимо, его хозяев. От него требовали более интересных для них: оперативных сведений. Но для этого надо было проникнуть на фронт.

И вот, однажды, в Штабе I армии появляется подп. Мясоедов с рекомендательным письмом Военного министра, с просьбой о назначении его в Штаб армии. Но здесь ему не повезло. Бывший в то время Начальником контр-разведывательного отделения штаба этой армии, жандармский подп. Беловодский, знавший хорошо прошлое своего быв. сослуживца, сообщил,

об этом Начальнику штаба армии генералу Одешелидзе и хитрый грузин ему, вежливо, отказал.

Но Мясоедов не унывает. Возвращается в Петроград и, заручившись рекомендацией своего покровителя, направляется в Штаб 10 армии, действовашей тогда в Вержболовском направлении, где он, по своей прежней службе, был как у себя дома. Здесь письмо Военного министра возымело свое действие и Мясоедов назначается на штатную должность штаб-офицера для поручений при разведывательном отделении этого штаба.

Об этом узнает недремлющая контр-разведка Сев.-Зап. фронта. Там были лица, которые хорошо знали подноготную быв. жандармского офицера. За ним устанавливается слежка. Перехватывается у агента контр-разведки его письмо, адресованное немцам и содержащее оперативные сведения. Это письмо и послужило главным против него обвинением.

В Варшавской крепости Мясоедов был предан Военно-полевому суду, председателем коего назначается полковник ген. штаба из Сев.-Запад. фронта Лукирский.

Были-ли у Мясоедова сообщиники? Суд этого не выяснил. На вопрос, поставленный ему об этом председателем суда, он ответил: «Если я назову их, то вы все здесь ахнете». Действительно ли за спиной Мясоедова стояли такие лица, которых он назвать не мог, или делал только вид, что таковые существуют, стараясь тем воздействовать на суд? Но это его не спасло. Мясоедов был приговорен к повешению.

Генерал-губернатор должен был этот приговор, как пользующийся правами Командующего войсками округа, — утвердить. Не желая, видимо, брать на себя такую ответсвенность, князь Енгалычев, имевший большие связи в Ставке, телеграфировал Верховному главнокомандующему Великому князю Николаю Николаевичу о приговоре суда.

Вскоре от Великого князя был получен ответ: «Другого решения быть не может». И приговор был утвержден. А на рассвете Мясоедов был повешен.

Прусутствующий при казни, по приказанию Генерал-губернатора, полковник В. А. Олсуфьев говорил мне, что перед казнью Мясоедов держался все время подчеркнуто спокойно и

самоуверенно, как будто надеясь, что кто-то должен его спасти.

Вскоре, после этого, был получен приказ начать постепенную эвакуацию. А затем Варшава была нами оставлена. Военная канцелярия была расформирована и мне надо было возвращаться в Штаб I армии.

В ГОРОДЕ ДИСНА

Когда, после оставления нами Варшавы, я вернулся в Полевой эскадрон, Штаб I армии находился в постоянном отступлении. С большим трудом было пройдено болотистое Полесье и наконец мы докатились до уездного города Дисна, на Западной Двине, где расположился Штаб I армии.

Через реку, по мосту, построенному уже во время войны, попадали мы в бывшее имение певицы А. Вяльцевой. Здесь, в красивом помещичьем доме, жило высшее начальство Армии, находилось Оперативное отделение штаба и помещался телеграф (связь с корпусами), где мне приходилось часто дежурить.

Имение Вяльцевой принадлежало тогда мужу покойной генералу Бискупскому. В доме, по воле покойной, было все сохранено в том виде, как было при ней. Даже осталась богатая коллекция граммофонных пластинок, напетых Вяльцевой.

Стали мы в Дисне прочно и, видимо, надолго. Была зима. На фронте было затишье. Текла будничная жизнь. И чтобы скрасить ее, надумал я организовать спектакли.

В центре города был солидный Народный дом Общества трезвости, с хорошей сценой и зрительным залом. Но в нем не было электрического освещения. Наша же Автомобильная рота имела подвижную электрическую станцию. Подкатил такой автомобиль к зданию, перебросил через окно провода, и в день спектакля сцена и зрительный зал озарились электрическим светом. Но не было еще главного — разрешения. Генерал Одешелидзе не особенно жаловал такие начинания. Приходилось обратиться к протекции, пробраться к Командующему армией, «держась за тетенькин хвостик».

При Штабе армии были два полевых лазарета. В одном из них постоянно бывал ген. Литвинов. И вот через сестер этого лазарета мне и удалось получить разрешение Командующего

армией, но с условием, что весь сбор поступает в пользу лазарета на покупку теплых вещей для выздоравливающих солдат.

В то время в Петрограде пользовалась большим успехом комедия Е. Мировича «Вова приспособился», которая буквально не сходила с репертуара «Кривого зеркала». Мы остановились на постановке этой комедии и я послал за ней в Петроград унтер-офицера. Он скоро ее привез.

В Мотоциклетной роте при Штабе армии, которая формировалась в Петрогаде, было несколько профессиональных артистов. Их то я и привлек к этому делу. Вову играл, он-же и режиссировал спектакль, артист Суворинского малого театра В. Пельцер. Роль баронессы — его матери — местная помещица, бывшая известная актриса. Святополк-Мирская. Сестру Вовы — артистка Варшавского правительственного театра. Роль деньщика — штабс-капитан Никитин. Другие роли были также в руках профессиональных артистов — военных, которых я истребовал из Витебска.

За долго до спектакля на кассе театра красовался аншлаг: «Все билеты проданы». Пьеса имела шумный успех. Особенно публика много смеялась, как Вова «приспосабливался» в казарме.

Командующий армией вызвал меня, после спектакля, из-за кулис, благодарил и тут-же разрешил дальнейшие спектакли. Но... мы сыграли еще всего два раза. Генерал Одешелидзе «нашептал» что-то Командующему, и спектакли прекратил.

В ПЕТРОГРАДЕ

В Дисне я серьезно заболел. Был отправлен на излечение в Витебский военный госпиталь, а затем эвакуирован в Петроград. Там комиссией врачей при Петроградском Николаевском военном госпитале, был признан годным к военной службе на нестроевых должностях в обстановке мирного времени. После чего, был зачислен в резерв чинов при штабе Петроградского военного округа.

В то время в Петрограде находилось эвакуированное Виленское комендантское управление, а Главным начальником Петроградского военного округа был генерал князь Туманов, бывший раньше в Вильно.

В виду большого наплыва с фронта офицеров, Петроград-

ское комендантское управление не могло справиться со своей работой. А потому ген. кн. Туманов решил его разгрузить и приказал учредить 2-ое Петроградское комендантское управление. На должность 2-го Коменданта был назначен бывший Виленский комендант генерал-майор Калантаров, со своим управлением.

Знавший меня хорошо по Вильно, Калантаров предложил мне должность Комендантского адъютанта. Я согласился и был назначен заведывающим отдела явки офицеров.

Функции 2-х Комендантских управлений были распределены следующим образом: в I-м осталась явка генералов и хозяйственная часть, а во 2-м — явка штаб и обер-офицеров, а также вся строевая часть

В помощь мне был дан, быв. Сибирский стрелок, сильно раненый в боях, штабс-капитан Валицкий. Через наши руки проходило ежедневно много приезжавших с фронта офицеров. Кроме того нам приходилось дежурить. Дежурств было два: одно по Комендантскому управлению, а другое — на случай экстренного вызова. Тогда вы могли сидеть дома и, в случае надобности, за вами присылали автомобиль.

Здесь, во время моего дежурства по Управлению, меня застала февральская революция. Генерал Калантаров — исчез, и я его нигде разыскать не мог. Сначала по телефону поступали донесения от Запасных батальонов, затем они прекратились.

Комендантское управление помещалось на Кронверовском проспекте Петроградской стороны, против Народного дома. При управлении был караул Л. гв. 3 Стрелкового Его Величества полка, от батальона, который помещался в Петропавловской крепости. Перед зданием собралась громадная толпа, заполнившая все пространство от Народного дома до управления. Но ворваться в Комендантское управление не решалась, зная видимо, что там находится караул.

Через некоторое время ко мне явился караульный начальник, унтер-офицер и доложил, что студенты из толпы требуют от него выдать им винтовки и что ему делать? я приказал ему винтовок не отдавать, снять караул и возвращаться к себе в казармы, что он и исполнил. А сам, надев шашку и Нико-

лаевскую шинель, отправился также домой. Толпа расступилась и спокойно пропустила, как меня так и караул.

Но это было только в первый день революции. Затем (2 или 3 марта) Комендантское управление подверглось разгрому, со стороны еще большей толпы, и живущему там капитану С. Л. Крыжановскому удалось остаться в живых только благодаря присутствию духа его вестового, который не допустил, ворвавшихся в управление, людей в его квартиру, убедив их, что это частная квартира. Как только эта толпа отхлынула, Крыжановский бежал к своему приятелю инженеру. А на другой день тот-же вестовой сообщил ему по телефону, что к зданию управления снова подошла огромная толпа, которая стала выносить на улицу все вещи: архив, мебель и бросать их в громадный костер.

Только 9 марта делегации управления удалось добиться от генерала Корнилова разрешения на открытие Комендантского управления. Но его пришлось устраивать уже в другом помещении — на Загородном проспекте в доме Кузнецова.

Там, на новом месте, уже многих не досчитались: штабс-капитан Валицкий был убит, пропал без вести полковник Кулинский и еще один капитан. Работа в управлении не была уже такой интенсивной, как раньше, а наоборот — нервная, т. к. все время не было уверенности в завтрашнем дне. Но тогда, у капитана Крыжановского появилась новая отрасль работы — к спасению офицеров жандармерии и полиции. Это приходилось делать секретно от своих сослуживцев, а в особенности от писарей и команды, т. к. многие из них уже сильно «покраснели». Этих офицеров он снабжал удостоверениями, что они, офицеры таких-то полков, и отправляются к месту своей службы — это помогало им выбраться из Петрограда.

Приблизительно в июле 1917 года, генерал Калантаров был, по распоряжению Керенского, отстранен от должности Коменданта и предан суду за какие-то гвозди, на получение которых он выдал разрешение. На его место был назначен полковник Солодовников, который не долго удержался на этой должности и вскоре куда-то исчез. Об этом Крыжановский донес в Штаб округа и был назначен исп. об. Коменданта.

К счастью, после моего дежурства в первый день революции, я в Комендантском управлении больше не бывал. Обо

всем этом мне рассказал позже Крыжановский. В то время я был и. д. штаб-офицера для поручений при мобилизационном отделении штаба Петроградского военного округа, назначенным вместо капитана барона Фредерикса, отчисление коего потребовали писаря штаба.

Попал я на эту должность, благодаря Начальнику штаба округа генерал-лейтенанту Рубец, который хорошо меня знал по штабу 3 Каваерийской дивизии. С назначением Главнокомандующим генерала Корнилова, он привез с собой, с фронта, своего начальника штаба генерал-майора Серебреникова, который и был назначен, вместо ген. Рубца.

* * *

Вспоминаю, как генерал Корнилов, желая убедиться насколько подчиненные ему войска находятся у него в повиновении, приказал вызвать на Дворцовую площадь, перед здание Штаба округа Гвардейский экипаж, Донской казачий полк и еще один из пехотных полков, но какой точно — хорошо не помню.

Приказ об этом был передан в полки по телефону. Но так как таковые долго не выходили на площадь, то ген. Корнилов приказал послать в полки офицеров, для передачи его приказания лично командирам полков. Я был послан на автомобиле в Донской казачий полк, расположенный в казармах на Обводном канале.

Явившись командиру полка и передав приказ Главнокомандующего: немедленно вывести полк на Дворцовую площадь, я услышал от него такой ответ: «Без полкового комитета я не могу этого сделать. Я его сейчас соберу и как он решит так и поступлю. А вы, пока, подождите в офицерском собрании». Просидев в собрании добрый час, я был приглашен к командиру полка, который передал мне, что полковой комитет решил полка не выводить.

Вернувшись и доложив Начальнику штаба результат своей поездки, я узнал, что на площадь вышел, и то после долгих переговоров по телефону со штабом, только Гвардейский экипаж. Пехотный же полк, как и Казачий, приказ Главнокомандующего не исполнил.

Узнав, что даже Донцы не исполнили его приказа, генерал

Корнилов (он был сыном казака крестьянина), — понял, что на войска Петроградского гарнизона он положиться не может, — и уехал в Действующую армию.

**
*

В Петрограде я больше всего вращался в кругу артистов и журналистов. Большими моими приятелями были известная опереточная примадонна Валентина Пионтковская и ее муж В. П. Смирнов. У них, в громадной, роскошной, бывшей квартире артистки Кавецкой, на Петроградской стороне, всегда было много известных артистов и музыкантов. Познакомился я с ними в Варшаве, когда Смирнов имел там оперетку.

Оперетта Валентины Пионтковской на Хмельной, в дни войны, имела большой успех. Кроме самой Пионтковской, труппа была сильная: Михайловская, Михайлов, Петровский, Рокотов, Майский и др. известные артисты. Режиссировал Петербургский опереточный премьер Михайлов. В театре часто бывали Польские опереточные знаменитости: Мессаль, Немировская, Редо. А польские газеты писали: «Вот у кого нашим поучиться.»

Не могу забыть, как Пионтковская упрашивала меня выступить в оперетке. В день премьеры оперетты «Ночь Любви» заболел внезапно артист, певший капитана-исправника. Дублера в труппе не было, а также в Варшаве не было и русских опереточных артистов.

Я как-то в Вильно, участвуя в благотворительном спектакле, выступал в этой роли и знал хорошо эту партию. Пионтковская и Смирнов, зная об этом, просили меня их выручить. Соблазн выступить вместе с очаровательной вдовушкой Каролиной — Пионтовской — был большой. Но мне пришлось отказаться: состоя при Генерал-Губернаторе, да еще во время войны, я этого сделать не мог.

Вспоминаю, как по просьбе Пионтковской я устроил в зале «Армии и Флота», на Литейной, ее концерт. Кроме нее в нем участвовали: артист Императорских театров А. М. Давыдов, знаменитый когда-то Герман, и тенор Балашев, единственный ученик Фигнера, певший тогда, вместе с Шаляпиным, в Народном доме. Аккомпанировал знаменитый Дулов.

Успех этого концерта превзошел все ожидания. Пионтковская и все другие биссировали без конца. Давыдов, уже почти

потерявший в то время голос и плохо слышавший, подходил к роялю, опирался на него, и пел старые романсы. И надо было слышать с каким настроением он их передавал и как принимала его публика, особенно после исполнения им «Пара гнедых...»

Бывал я в приемные дни на Офицерской у княгини Бебутовой, жены Скроботова издателя «Петербургского Листка». Здесь, в большой и хорошо обставленной квартире, благодаря очаровательной хозяйке, бывшей артистке Суворинского театра Гуриелли, а в то время известной уже писательницы Ольги Бебутовой, царило всегда веселье и непринужденность. Среди присутствующих преобладали известные Петербургские писатели и актеры. Там я встречал Юрия Беляева, с неизменным своим адъютантом Костей Шумлевичем, Ксюнина, артистов Глаголина, Озаровского, Мейерхольда, Нерадовского и мн. др., вспомнить коих уж не могу.

Сотрудничал я в «Маленькой Копейке» у своего приятеля Ив. Лебедева («Дяди Вани»). Писал у Березовского в «Разведчике» и в газете «Живое Слово», которую издавал, ярый антикоммунист, Уманский.

Редактором этой газеты был, он же писал и передовицы, талантливый журналист, быв. сотрудник «Одесского Листка», Марк Бялковский, писали там Брешко-Брешковский, Рославлев и др. известные журналисты.

В то время заседал уже в Смольном Совет солдатских депутатов и здорово ему попадало от этой газеты, а одновременно и кабинету Керенского за слабость власти. Газету пробовали было закрыть, но она каким-то чудом удержалась. За то, с приходом большевиков, ее сразу разгромили.

Мы с женой жили на Б. Пушкарской, Петроградской стороны, где в большом, новом доме, инженера Басевича, имели хорошую квартиру, в которой одну комнату сдали вольноопределяющемуся Л. Гв. Гренадерского полка князю Чагодаеву. Его отец, кн. Сергей Юрьевич, быв. Виленский комендантский адъютант, но тогда уже живший на покое в Москве, мой большой друг, просил меня приютить его сына.

Молодой Чагодаев тогда только-что вернулся из Англии, куда попал перед войной, с балалаечным оркестром Андреева,

как солист этого оркестра. По просьбе Английского Короля, Андреев оставил его в Лондоне, где он преподавал при Дворе, в гвардейском полку и давал частные уроки игры на балалайке. Вернувшись, он зачислился вольноопределяющимся и попал в Запасный батальон Л. Гв. Гренадерского полка, при коем тогда был создан прекрасный симфонический оркестр из военно-обязанных Петроградских музыкантов.

Родная его сестра, известная пианистка Ирина Энери, бывшая замужем за поручиком Л. Гв. Стрелкового полка Сухотиным, — была большая приятельница княгини Юсуповой и целые почти дни проводила у нее во дворце. Поэтому Сухотин был в дружеских отношениях с кн. Юсуповым и принимал деятельное участие в заговоре убийства Распутина. Об этом я знал от Чагодаева, а в день убийства и все его подробности.

Принято считать, о чем до сих пор все писали, что Распутина убил Пуришкевич. На самом-же деле в него стрелял и его фактически прикончил Сухотин. Но чтобы его не подвести, об этом решили скрыть и держать в секрете, а его выстрелы принял на себя Пуришкевич, — иначе ему-бы не поздоровилось Если Великий князь Димитрий Павлович был сослан в Туркестан, то что-бы сделали с простым поручиком??

Я никогда об этом раньше не писал, но теперь, когда прошло, после убийства, свыше 40-ка лет, я думаю, что это можно и не скрывать

***

Не так давно прочел я в газете, что в Париже в преклонном возрасте скончалась ясновидящая Тухолка. И мне сразу вспомнилось, когда я с Пионтковской бывал у ее приятельницы княгини Вадбольской, где встречался с Тухолкой. Она была дама из высшего Петроградского общества замужем за генералом, крупным Петербургским чиновником, и ясновидением, как ремеслом, тогда не занималась. Влекла ее к Вадбольской, как и всех нас, карточная игра, «железка», которая процветала там в большом масштабе.

И вот, сидя, как-то, за обеденным столом, Тухолка обратилась ко мне с предложением: «Говорят, князь, что вы относитесь с насмешкой к моему гаданию. А вот хотите сейчас, пос-

ле ужина, я дам вам сеанс ясновидения?» Я что-то промямлил в свое оправдание и согласился.

Встав из-за стола, прошли с ней в маленькую гостиную. Тухолка посадила меня перед собой и сказала: «Возьмите меня за руку и думайте только о том, что вы хотите, чтобы я вам сказала». Взяв ее за руку, я скоро почувствовал, как рука ее начала постепенно все больше холодеть, глаза помутнели, а на лбу ее появился пот.

— Вы думаете, начала Тухолка, об одной даме, ее здесь нет, она далеко отсюда. Подождите, подождите, я вам скажу где: она, она — в Вильно. Она жива. Зовут ее Ка-ка ... Катерина. И сразу, после этого она отдернула руку и встала.

Все это было так поразительно и верно. Я думал об одной даме Литовке, с которой расстался в Вильно, перед выступлением на фронт, и которую никогда больше не видел. Никто об этом в Петрограде не знал. Свой поразительный Божий дар г-жа Тухолка использовала в беженстве, зарабатывая тем деньги на свое существование.

В ГАЗЕТЕ «АРМИЯ И ФЛОТ СВОБОДНОЙ РОССИИ».

Как-то я встретил в Штабе округа генштаба подполковника Достовалова, своего быв. сослуживца по Штабу I армии. Он мне рассказал, что назначен помощником редактора быв. «Русского Инвалида» и если я хочу может устроить туда и меня. Газета расширяется, вводятся новые отделы и предстоит интересная работа. «Ты же, ведь, газетчик», закончил он свой рассказ. Я ответил, что подумаю.

В Штабе округа все начальство тогда было уже новое, мой покровитель ген. Рубец ушел. Работа была нервная, поручения иногда — довольно щекотливые, вмешивался во все писарской комитет. Надо было уходить в более спокойное место. И потому на другой день, после разговора с Достоваловым, я ему позвонил и сказал, что согласен. А через несколько дней был прикомандирован к газете.

«Русский Инвалид» был переименован в «Армия и Флот Свободной России». Редактором этой газеты был генштаба генерал-майор Д. Лебедев, помощником — генштаба подполковник Е. Достовалов и выпускающим — журналист Юрлов.

Лица эти, а в особонности Юрлов, старались превратить этот узко-военный орган в более живую и интересную газету. Были созданы новые отделы: хроники, театра и музыки. Я получил в заведывание два отдела.

Сначала газета печаталась у Вольфа, на Васильевском острове, и своей типографии не имела. Затем у «Петроградской Газеты» была куплена старая ротационная машина и оборудована собственная отличная типография в казенном здании на Шпалерной улице, где находилась также редакция и квартира редактора.

Интересно, что в Петрограде долго не могли найти специалиста, который мог-бы собрать ротационную машину. Наконец отыскался один старик-немец, который и пустил в ход этот сложный и неизвестный, в те времена русским механикам, механизм.

И вот, незадолго до большевицкого переворота ген. Лебедев собрал нас, постоянный состав редакции, у себя и объявил, что скоро власть, как то хорошо ему известно, должны захватить большевики, с которыми нам всем, конечно, не по пути. А потому мы должны, как он полагает, с их приходом газету покинуть.

Действительно, через несколько дней предсказание это сбылось. Мы были солидарны и газету покинули. А Лебедев, сговорившийся, видимо, заранее с большевиками, передал им газету в полной сохранности. В награду за это он получил крупный пост в Военном комисариате (если не ошибаюсь, — начальника штаба РККА) и преспокойно оставался жить в прекрасной казенной квартире.

***

Несколько слов о подполковнике Достовалове, который, как известно, также, — но уже из Добрармии, — перешел к большевикам.

Я знал его хорошо и был с ним в дружеских отношениях еще в Штабе I армии. Тогда капитан генштаба, блестящий офицер, Георгиевский кавалер, коновод молодежи, Женя Достовалов пользовался любовью и уважением своих сослуживцев. Бывал я у его сестры, на Сергиевской, очень милой дамы высшего Петербургского общества, бывшей замужем за Гревсом.

С приходом к власти большевиков, Достовалов сразу уе-

хал на Дон. В Добрармии дослужился до чина генерала, будучи начальником штаба у генерала Кутепова. Эвакуировался с Добрармией в Галлиполи и отсюда уже передался в стан большевиков.

Что побудило его к этому? Из Галлиполи он ездил в Грецию для свидания с проживающей там своей женой, а вернее чтобы с ней проститься. Проездом через Константинополь он был у меня. И прежнего жизнерадостного, веселого Женю Достовалова, я не узнал: видимо он тогда уже решился на этот шаг и тяжело его переживал.

А в его отсутствие плелась в Галлиполи интрига. Он был обвинен и, кажется, чуть не предан суду за прежние злоупотребления своих подчиненных. Стали перебирать, но, к сожалению, слишком поздно, грязное белье. Это и побудило его, как говорили, уехать к большевикам. Что с ним стало затем, я не знаю.

К слову сказать, большинство чинов из Штаба I армии, эвакуированного в один из приволжских городов, преимущественно генштабистов, — осталось у большевиков. Генерал Крюгер, подполковник С. Каменев (будущий сов. Главковерх), Михеев, Жуков и др.

С МЕЙЕРХОЛЬДОМ

Покинув газету, пришлось снять военный мундир. Первое время можно было скрываться и кое-как еще существовать, а затем надо было подумать и о куске хлеба насущного, который в те времена, как известно, не легко было достать и за деньги.

Как-то остановил меня на Невском проспекте В. Е. Мейерхольд.

«Вы что здесь делаете?» — Как видите ничего, гуляю. «Вот что, зайдите ко мне в Театральный отдел. Знаете, в бывшую квартиру директора Императоских театов». Мы стояли около Екатерининского сквера, и он указал рукой в направлении Александровского театра.

«Мне надо с вами поговорить. А теперь я очень спешу. И лучше всего завтра, в 11 утра. Дело спешное».

Меня заинтересовало, — что хочет предложить мне Мей-

ерхольд?. И на другой день я отправился в указанное место.

Заведующей Театральным отделом была Каменева, родная сестра Троцкого. Бывшая курсистка, видимо, мало смыслила в театральном деле, и шагу не могла сделать, как мне говорили, — без указаний и советов Мейерхольда.

На другой день, Мейерхольд не заставил долго себя ждать и, выйдя ко мне, сказал: «Нам надо занять солдат, которые ничего теперь не делают. В казармах есть сцены, артистов в нашем распоряжении сколько угодно. Я сам один разорваться на все места не могу, а потому мне нужны помощники. Кой кто у меня уже есть. Вам я поручу Преображенский полк. Согласны? Это ни к чему вас не обязывает. Когда захотите, можете быть свободны. Кроме жалованья из отдела, будете получать паек из полка, — а это уже, по теперяшним временам, кое-что».

Зная мое влечение к театру, Мейерхольд не ошибся и получил мое согласие. А на другой день: мы катили уже с ним на Миллионную в казармы запасного батальона Преображенского полка. Здесь Мейерхольд представил меня в качестве режиссера. Начались спектакли, или, вернее говоря, отдельные выступления разнообразных артистов, которые стремились сюда из-за куска хлеба.

Но продолжалось это недолго. Солдаты скоро были распущены по домам. И однажды Мейерхольд сделал мне следующее предложение: Ольга Давыдовна (сиречь Каменева) очень нуждается в секретаре. Не согласились бы вы занять должность секретаря Театрального отдла?».

Под всякими благовидными предлогами, а главное, под тем предлогом, что я совсем не знаком с канцелярской работой, и мне хотелось бы быть поближе к театру, — я отказался. Несмотря на то, что Мейерхольд соблазнял меня: «Да это только временно, а потом, я вас устрою в театр на хорошую должность». Надо было, пока не поздно, уносить ноги.

В это время все театры были уже национализированы. Из театральных предприятий уцелели только «Зоологический сад» и «Аквариум», и то только потому, что были раньше под постоем солдат и страшно загажены. Первый отвоевал себе старик Новиков (опереточный антрепренер), а второй — содружие в составе: известного тенора Мариинской оперы А. М. Давыдова, быв. управляющего этим садом Н. П. Глясс и присяжного

поверенного Бинякова. Зная хорошо Давыдова и Глясса, к ним-то и направил я свои стопы.

Не долго рассуждая, сговорились, и я был назначен режиссером открытой сцены в саду. А пока, происходил ремонт сада и помещений, я постепенно ликвидировал дела своей прежней службы.

Обязаности мои были несложны. Программа открытой сцены состояла из отдельных номеров («атракционов»), которые надо было только во время выпускать, и менялась она каждый месяц.

Раз я с женой уехал на пароходе, в направлении Шлиссельбурга, за картошкой. Купили ее целый чемодан. Но когда пришли на пристань, постовой милиционер нас остановил и потащил в комиссариат. А пока происходил допрос, пароход ушел, и я, конечно, опаздывал к представлению. Пришлось телефонировать старшему плотнику, который с успехом и «прорежиссировал» всю программу.

Закрытый, так называемый железный, театр в саду был сдан труппе театра «Би-ба-бо», во главе с талантливым артистом Курихиным и поэтом Н. Агнивцевым. Пародии последнего пользовались громадным успехом, особенно «Евгений Онегин на изнанку».

Зло высмеивал большевиков под гармонику и куплетист Невский. Долго они смеялись сами над собой, но потом, наконец, сообразили.

И вот в один прекрасный вечер за кулисы явился наряд матросов с ордером об аресте Агнивцева и Невского. Но нашлись добрые люди — предупредили и храбрецы успели удрать, а вскоре и скрыться совсем из Петрограда.

Но дела предприятия шли неважно. Сборы падали. Чтобы их поднять, Глясс придумал организовать бокс, который в Императорской России публично не разрешался и потому, как он думал, обещал большой успех. Он позвал меня и поручил разыскать какого-то черного чемпиона бокса, заказать художнику плакаты, а также поехать к французу, преподавателю гимнастики в Офицерской гимнастической школе, и пригласить его на роль арбитра.

Все уже готово: негр разыскан, набран еще ряд борцов, знающих бокс, красочные плакаты извещают публику о дне

открытия состязаний. И вдруг, в самый последний момент, местный совдеп Петроградской стороны, давший уже раньше свое разрешение, известил, что надо еще получить согласие Театрального отдела.

Глясс летит к Каменевой. Но та посоветовавшись, видимо, с Мейерхольдом, санкционировать разрешение местного совдепа не согласилась.

Павшие духом хозяева, вызвали меня, и А. М. Давыдов мне говорит: «Вся надежда на вас, поезжайте к Мейерхольду, — вы же с ним в хороших отношениях, и постарайтесь его уговорить. Если он согласится, то конечно, и Каменева даст свое разрешение».

Еду к Всеволоду Эмильевичу. Прошу. Никакие доводы не имеют успеха!... «Какие там боксы, говорит мне Мейерхольд, наш народ и так озверел, а вы хотите еще больше пробуждать в нем эти инстинкты и жажду крови».

Итак, последняя надежда, бокс, — провалилась. Все шло, видимо, к тому, что «Аквариум» скоро закроют. Жить становилось все труднее. И я начал подумывать, как бы выбраться из «советского рая».

ЧЕРЕЗ ГРАНИЦУ В ОРШЕ

Все, кто жаждал уехать, в то время, из Петрограда заграницу, тянулись к пограничной Орше, где был устроен большевиками пропускной пункт и таможня. А по другую сторону границы находились немцы и представитель Гетманского правительства.

Для того, чтобы перейти границу и затем попасть на Украйну, надо было иметь два документа: один от большевиков, а другой от Украинского Консульства в Петрограде. Первый документ достать мне было довольно просто: служивший секретарем в Автомобильном отделе муж сестры моей жены, выдал мне и, бежавшему со мной поручику А. В. Попову, моему сослуживцу по Комендантскому управлению, предписание, что мы будто-бы командируемся за границу для покупки запасных автомобильных частей. Второй же документ достать было не так уж просто. Украинское Консульство выдавало удостоверения с большим разбором.

Отправился я с Поповым в Консульство и, на том основании, что мы уроженцы Херсонской губернии, просили выдать нам удостоверения — Посвидчения. Там мне повезло: встретил, служащего в Консульстве чиновником, украинского артиста, бывшего раньше в труппе моего приятеля О. З. Суслова и его жены Е. Ф. Зарницкой. А когда он узнал, что моя первая жена была урожденная К. Н. Аркас, то забегал еще скорей и в два счета устроил нам документы.

Надо сказать, что Н. Н. Аркас был у украинцев в большом почете. Он был автором знаменитой «Історія Украины-Руси», которая фактически пробудила украинский народ от двухсотлетней летаргии. А кроме того композитором оперы «Катерина», не сходящей до сих пор со сцены украинского театра в СССР и заграницей.

С нами ехала сестра жены певица Е. Я. Никитина и вестовой поручика Попова. Никитиной, как артистке, удалось получить настоящий заграничный паспорт, а вестовой имел такой же документ, как и мы, от Автомобильного отдела. Доехали до Орши благополучно и с удобствами, в отдельном купе, благодаря коменданту Балтийского вокзала, быв. поручику л. гв. Измайловского полка.

Когда мы попали в Оршу, там уже действовала Чрезвычайная следственная комиссия, присланная из Москвы. До того перейти границу было сравнительно просто: сидел в дощатом барачке простоватый парень из местного Совдепа и, не разбираясь хорошо в предъявляемых ему документах, ставил на них свою печать-пропуск. Таким образом удалось проскочить через границу многим.

Теперь-же, когда мы явились в комиссию и предъявили свои «командировочные предписания за границу», в которые, по наивности, были вписаны и наши жены, то комиссии это показалось, сразу, подозрительным и нам сказали, чтобы мы подождали, пока запросят учреждение, которое выдало нам эти документы.

Никитина и вестовой были пропущены сравнительно свободно. А нам с Поповым, надо было немедля, не ожидая пока нас арестуют, перейти границу. Мы уже знали о многочисленных арестах и расстрелах. Там тогда был расстрелян быв.

Московский губернатор свиты Его Величества генерал Джунковский и много других известных лиц.

Добрейшая матушка-попадья, у которой мы остановились, познакомила нас с одним таможенным чиновником, который и взялся «переправить» нас через границу. Он познакомил нас с Начальником тамошней таможни З — вым, родным братом известного генерала Добрармии, который отправил уже не мало офицеров своему брату.

Все было довольно просто: вы приходили, как-бы, в гости к Начальнику таможни, барак коего находился на пограничной линии. Вас с ним знакомили и, поговорив с вами минут пять, он выпускал вас в задние двери, но уже по другую сторону границы — в «объятия» немцев. А багаж ваш следовал с теми счастливцами, которые имели заграничные паспорта.

Трудно передать, то великое чувство радости, которое почувствовали мы все, вырвавшись на свободу. С каким удовольствием распили мы, сидя на бревне, бутылку паршивого шампанского, купленного у немецкого солдата.

Перейдя границу, попали мы в немецкие бараки на оккупированной ими полосе. Представитель Гетмана нас дальше не пропускал, заявив, что должен навести справки. Но через два дня мы узнали, что все зависит от немцев и надо дать одному писарю-солдату такую-то сумму и все будет в порядке. Действительно сразу, как только я вручил ему положенный «магарыч»,мы получили разрешение следовать дальше.

До Гомеля, в полосе немецкой оккупации, пассажирские поезда не ходили и пришлось ехать в 3-м классе воинского поезда. Но зато от Гомеля до Киева, благодаря любезности жандармского ротмистра, мы доехали с большим комфортом в отдельном купе 1-ого класса.

Вспоминаю, как я, попав в Гомель, а затем в Киев, после Петроградской голодухи, не пропускал ни одной кондитерской и с каким «зверством» уничтожал в них пирожные.

В Гомеле, в ожидании скорого поезда на Киев, нам надо было переночевать. Но город был так переполнен беженцами, что ни в одной из гостиниц — нельзя было найти комнату. Пришлось ночевать в подвальной квартире одного бедного еврея.

В ОДЕССЕ

Вырвавшись от большевиков и благополучно перейдя в Орше границу, я попал в Киев, где было в то время Гетманское правительсто. Но там я долго не задержался. В Киеве встретил много знакомых и среди них быв. прокурора Виленского Окружного суда П. А. Аккермана, занимавшего в правительстве значительный пост и предложившего мне поступить к ним. Но меня это не устраивало и я перебрался в Одессу, где начал заниматься театральными делами.

Это было в самом конце 1918 года, когда Военным губернатором Одесской зоны был колчаковский генерал Гришин-Алмазов.

Тогда в Одессе собралось много известных артистов. Среди них были артистки Мариинской оперы Л. Я. Липковская и М. Б. Черкасская, а также Петербургский опереточный премьер — Михаил Дальский.

Начальник штаба полковник Ильин просил меня устроить в пользу Добрармии благотворительный спектакль. Заручившись из штаба необходимой бумажкой, а также согласием Липковской и Черкасской, которые не состояли в труппе Городского театра, я отправился к антрепренерам этого театра Аксарину и Севастьянову с предложением купить у них одну из опер текущего репертуара, с участием в ней Липковской и Черкасской. Оперная труппа была тогда большая, состоящая преимущественно из артистов Музыкальной драмы, которых привлек быв. директор этого театра В. С. Севастьянов.

Аксарин и Севастьянов были не в ладах: друг с другом не разговаривали, и добиться от них согласия было не легко. Если соглашался один, то другой этому противился. Особенно возражал, против выступения Липковской, Севастьянов, видимо в угоду своей жене Поляковой, певшей те-же партии. Почему оперу «Манон», в которой очень хотелось выступить Л. Я., он мне не дал. Пришлось согласиться на «Травиату». В общем, спектакль получился такой: «Травиата» полностью с Липковской, сцена у канавки из «Пиковой дамы» с Черкасской и тенором Каравья, а также балетный дивертисмент во главе с примабалериной Большого театра Андерсон. Выступал также любимец Одесской публики Павел Троицкий.

Театр был переполнен и успех у публики — исключительный. «Травиату», шедшую днем и не делавшую сборы, нельзя было узнать: режиссер Манзий, по просьбе Липковской, обставил сцену заново, постарался и балетмейстер Лодзинский. Севастьянов — рвал и метал. Надо ли говорить, что Липковская превзошла себя в роли Виолетты, а Черкасская покорила публику своим выдающимся драматическим сопрано. До упаду смешил публику Троицкий, ведя Американский аукцион.

После этой удачи, М. Дальский предложил мне поставить «Веселую вдову» Легара, с Липковской в заглавной роли. Постановка в Городском театре оперетты, во главе с такой оперной примадонной, столичным опереточным премьером и с участием оперного хора, балета и оркестра, событие небывалое и я, конечно, согласился.

Кроме режиссирования спектакля, Дальский пел Данилу. Другие роли были также в руках опереточных артистов. И только вставной номер «о качелях» пел оперный баритон Г. М. Юренев, тогда еще только начинавший свою карьеру.

Успех был потрясающий. Все билеты задолго до спектакля были проданы.

Липковская была обворожительна. Прекрасная игра, чарующий голос, умопомрачительные парижские туалеты и ослепительные бриллианты совершенно покорили публику. А в последнем акте, после исполнения с балетмейстером Лодзинским танго, аплодисментам не было конца.

На другой день, после произведенного мною расчета с дирекцией, я выйдя из театра, был встречен какими-то «господами», которые поклонившись мне сказали: «Вот, князь, еще бы один такой спектакль». Это были барышники, которые, скупив большинство билетов, хорошо на этом заработали. Моя ошибка была, что я назначил не высокие цены.

Л. Я. Липковская была и прекрасная драматическая актриса. Вспоминаю, с каким большим успехом она выступала в одном благотворительном спектакле в Петербурге в роли Псиши, в пьесе того же названия Юрия Беляева.

В эмиграции я встретился с Липковской в Болгарии, где устраивал ее концерты. Тогда еще она имела хорошие свои средства и бриллианты. В России она разошлась со своим первым мужем. А во Франции вышла вторично замуж за молодого, кра-

сивого быв. французского офицера. Брак этот был неудачен: прожив все ее деньги и бриллианты, француз этот вскоре ее оставил.

Красивая и бурная жизнь прошла у этой талантливой актрисы и интересной женщины: постоянный успех на сцене, масса поклонников и полная чаша довольствия.

А затем одиночество и нужда в Париже, где Лидия Яковлевна Липковская и скончалась в преклонном возрасте.

***

Вспоминаю еще один спектакль. Встретился я в Одессе со своим другом известным Украинским антрепренером и артистом О. З. Сусловым. Человек с университетским образованием, владелец прекрасного имения «Сусловка», под Елисаветградом, Онисий Зиновьевич всю свою жизнь посвятил служению театру. Со своей труппой, в которую неизменно входила его жена, одна из тончайших актрис, каких я знал на своем веку, — Е. Ф. Зарницкая и известный комик Манько, — Суслов исколесил, кажется, всю Россию.

В то время он жил уже на покое и был одним из старшин «Литературно-Артистического-Общества», где заведывал, кроме того, театральной частью уже много лет.

По случаю юбилея Суслова, Общество постановило чествовать его торжественным спектаклем. А потому он просил меня взять на себя организацию этого спектакля.

Я предложил ему выступить в роли капитана-исправника в оперетке «Ночь Любви». Конечно, это было ему не по душе: он мечтал о своей коронной роли казака Ивана Карася из оперетты Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем». Но осуществить это было тогда в Одессе — невозможно. Батько Махно и, вообще, украинцы были у Добрармии не в почете. И талантливейшему Суслову, одному из плеяды первоклассных украинских артистов, пришлось петь капитана-исправника. Но талант победил все препятствия и он с честью вышел из этого испытания.

Мне удалось привлечь к участию в спектакле, и при том безвозмездно, лучшие артистические силы. Лиза — Войцеховская, Каролина — Тамара-Грузинская, Геннадий — тенор Императорских театров (не помню фамилию), Андрей — М. Даль-

ский, Сергей — Юренев, Смятка — Любин и капитан — Суслов. И «Ночь Любви» прошла — блестяще.

ЮРИЙ МОРФЕССИ

Незадолго до оставления Одессы Добрармией, жившие там артисты Юрий Морфесси и Григорий Макаров, бывший владелец кабаре «Би-ба-бо» в Петрограде, достав хорошие деньги, открыли ночное кабаре, сняв для этой цели в центре города, вблизи от Городского театра, помощение Гамбринуса.

Конечно от бывшей пивной, воспетой А. Куприным (его рассказ Гамбринус), остались только два, подземно расположенных, длинных сводчатых зала, роскошно превращенных: один в фешенебельный ресторан, а другой — в отдельные уютные кабинеты. Не даром оно и носило громкое название: «Палац Сутерэн» (Подземный дворец).

Морфесси взял на себя заведывание артистической программой, — Макаров — рестораном, а я был администратором. Предприятие это пользовалось большим успехом у публики. После театра, у нас всегда было переполнено. Вспомнил я о нем, т. к. мне хочется сказать несколько слов об Юрии Морфесси, которого я знал очень хорошо и всю его артистическую карьеру.

Грек по национальности, он всю свою молодость провел в Одессе, которую считал своим родным городом. Здесь он окончил консерваторию и дебютировал в опере.

Но, обладая эффектной внешностью, фигурой и прекрасным голосом, переходит в оперетку и попадает в Петербург в театр Н. Северского, где занимает сразу положение премьера. Поет в Царскосельском театре, в присутствии Государя, в оперетке «Нищий студент» на торжественном спектакле в честь генерала Жофра.

Еще в Одессе, Морфесси стал петь руские народные песни, а в Петербурге и цыганские романсы. И на приеме в Петербургской городской думе, в честь адмирала Битти, знакомит англичан с русской цыганской песней, под аккомпанимент гитар Саши Макарова и де-Лазари. Это делает ему громадную рекламу и на другой день, после раута в думе, он получает приглашение петь на Императорской яхте в присутствии Царской семьи. И за это пение получает Государевы подарки.

Началась война. Морфесси предпринимает целый ряд концертных поездок по всей России, из коих вывозил большие десятки тысяч в пользу Скобелевского Комитета и его лазаретов.

После Крымской эвакуации, в Константинополе имел с Изой Кремер и Настей Поляковой свои дела и пел в оперетте Пионтковской. Оттуда, с группой цыган уехал в Италию, а затем в Париж. Там я с ним опять встретился. И это было последний раз, что я видел жизнерадостного и веселого Юру Морфесси. Невольно вспомнил на него экспромт Сарматова:

Вот вам яркая фигура:
Вечно весел, в меру — пьян.
Это кто? Морфесси Юра,
Седовласый наш баян...

Популярность Морфесси, как исполнителя русских народных и цыганских песен, была громадна. И не только в Петербурге, но и по всей России. Пел Морфесси с большим подъемом, с надрывом и душой.

Кто не знал, созданные им романсы: «Мы сегодня расстались с тобою», «Я забуду тебя очень скоро», «Почему я тебя так безумно люблю», «Вы просите песен», «Старинный вальс» и много других.

После Парижа, Морфесси жил в Вене, долго странствовал по Балканам и Прибалтике и, в конечном итоге, обосновался в Германии, где и настигла его смерть.

В ЯЛТЕ

За несколько дней до занятия Одессы большевиками, мне удалось уехать на пароходе в Ялту. Еще в Одессе, Комендант города генерал-майор Антонович, которого я знал, когда он был капитаном в Штабе Виленсккго военного округа, старался меня «завербовать» в Армию, но я уклонился от этого, сославшись на свою болезнь.

Попав же в Крым, я решил, что пора наконец и мне служить. А потому явился в Ялтинское Комендантское управление и был назначен помощником полковника Грена, командира Охранной роты названного управления. Грена я хорошо знал, как адъютанта Командующего I армии ген. Ренненкампфа. Жил он

в реквизированной прекрасной даче, какого-то богатея, куда устроил и меня.

Комендантом Ялты в то время был полковник л. гв. С. Петербургского полка Корчинский. Поляк по рождению, он в один день, погрузив на турецкую филюгу автомобили и еще какое-то комендантское добро, уплыл в неизвестном направлении. Потом стало известно, что он перешел в Польскую армию.

Вскоре после моего приезда в Ялту, по распоряжению Главного Командования, была образована Ялтинская эвакуационная комиссия. Англичане собирались, в случае эвакуации, вывезти всех желающих. А потому в Ялте, у мола, постоянно стоял Английский миноносец, на который доставлялись списки лиц, подлежащих эвакуации.

Председателем этой комиссии был назначен Начальник гарнизона генерал Зыков, членами: Начальник Ялтинского уезда граф Голенищев-Кутузов и от медицинского ведомства профессор Алексинский. А секретарем комиссии — я.

Фактически вся работа лежала на мне. В гостинице «Россия» у меня была канцелярия, куда являлись и записывались лица, желающие эвакуироваться. Списки этих лиц переодически представлялись на миноносец. Для связи с англичанами состоял ротмистр князь Оболенский.

Но когда, после генерала Деникина, Главнокомандующим был назначен генерал Врангель и ориентация стала французской, комиссия эта была упразднена. Французы, видимо, никого вывозить уж не собирались.

В это время Комендантом и Начальником гарнизона Ялты был назначен Императорский стрелок полковник Колотинский. А я — Председателем комиссии по разгрузке и каботажному плаванию Ялтинского порта.

Строго говоря, никакой комиссии не было и я не знаю, почему так «сложно» называлась эта должность. У меня был всего один помощник офицер и два писаря, а канцелярия помещалась в двух небольших номерах гостиницы «Марино». И вся работа заключалась: в выдаче воинским чинам разрешений (пропусков) на пассажирские пароходы.

Подчинялся я непосредственно генералу Березовскому, от которого из Севастополя получал телеграммы, с указанием: какое количество свободных мест имеется на пароходе. Делалось это с целью, чтобы воинские чины не лезли, самовольно,

без разрешения, на пароходы, и тем не вносили-бы беспорядок.

***

Невдалеке от Ялты, в чудесной Массандре, жил мой двоюродный брат кн. Борис Александрович Ишеев. Он, имея звание ученого винодела,был одно время Инспектором виноделия в Петербурге, а затем много лет служил в Удельном ведомстве, будучи одним из виноделов Главного Массандровского подвала.

Их было там трое. Андрущенко, заведующий белыми винами, Михайлов — красными, а брат заведывал крепкими, десертными и шампанским. Главным же виноделом был там старик-француз (если память мне не изменяет) — Массано. Получал он в год 12.000 рублей, сумма по тем временам не малая. И это при казенной меблированной квартире, выезде и, конечно, не малой годовой порции вин. А «работа» старика заключалась только в следующем. Приходил он на часок посидеть на скамейке перед входом в подвал. Один из виноделов выносил ему в стакане пробу так называемого «больного» вина. Продегустировав его и немного подумав, он говорил, что с вином надо сделать, чтобы его «вылечить». Он был большим мастером своего дела.

Много лет подряд я отдыхал летом у брата в Массандре и, конечно, был посвящен им во многие детали производства вина. Кто в России не знал Удельных вин? Но относились, к сожалению, к этим прекрасным винам вначале с каким-то пренебрежением, поставив себе вообще, за правило: «Что русское, то плохо». И оценили их вполне только во время Великой войны, когда при Дворе, кроме Удельных вин, других не пили. Оценили и шампанское «Абрау-Дюрсо». Но, конечно, оно не могло равняться шампанскому французскому.

Не раз говорил мне брат, что, несмотря на французскую лозу (из Шампани), и лучшую, чем во Франции, выделку, — они не могут устранить ту «горчинку», которая была свойственна шампанскому «Абрау-Дюрсо». А причиной тому была южно-бережская почва, на которой французская лоза не давала того винограда, который произрастал в Шампани.

Не даром во Франции только то шипучее вино, которое производится в Шампани из местного винограда, имеет право на звание шампанского. Остальные же шипучие вина, произ-

водимые в других провинциях Франции, называются Мусе, хотя многие из них нисколько не уступают по качеству хорошему шампанскому.

Из частных виноделий известны были Молоткова, Такмакова и прелестный «Гурзуф», принадлежавший отцу моего друга и однокашника по Морскому корпусу, мичмана Губонина, который погиб на броненосце «Ослябя» в Цусимском бою.

Но лучшим из них было виноделие князя Голицина, в его крымском имении «Новый Свет» близ Судака. Князь — большой любитель и знаток виноделия, посвятил всю свою жизнь ему. Перед коронацией, он, будучи за свой либерализм «в опале», выпустил, как тогда говорили «в пику» Удельным, не плохое шампанское, для чего выписал из Англии специалиста, так называемого «шампаниста». Но вино это, как русское, успеха не имело.

Не могу не упомянуть здесь, что из «крепких» вин в Уделах был замечательный по своему качеству, так называемый, «Красный портвейн». А из дессертных, любимое вино Государыни Александры Федоровны, «Лакрима Кристи». Вино это производилось в ограниченном количестве и в последние годы в продажу не поступало, а шло исключительно к Царскому столу.

Во время происходящего сбора винограда, я навещал брата в большом Удельном имении Ай-Даниль, где он руководил сбором и выжимкой винограда. К столу нам подавали целую корзинку чудесного винограда. И каких сортов в ней только не было? Одна гроздь — лучше другой. А для питья подавалось всегда только легкое вино (вторая выжимка, вроде кваса), прозванное виноделами «Петио». Других вин, как дегустатор, брат не пил. Но ему, как вообще каждому виноделу, полагалась порядочная годовая порция вин. И оно, большей частью, попадало ко мне.

Вспоминаю, как Крымское правительство, нуждаясь в валюте, зафрахтовало иностранный пароход, погрузило на него большое количество Удельного вина (в бочках) и отправило его для продажи за границу. С ним, как специалист, был послан мой брат.

Продать это вино удалось только в Англии, где фирма, купившая его, пригласила брата на службу до окончания его

разлива. Затем брат вернулся в Россию и продолжал служить на Массандровском подвале. Дальнейшая его судьба мне, к сожалению, неизвестна.

**
*

Здесь мне опять пришлось приобщиться к моему любимому поприщу — театру. Зашел ко мне, как-то, в канцелярию, служащий Освага, быв. оперный артист Кларин-Делорм и начал уговаривать меня устроить на товарищеских началах оперные спектакли. Все мол для этого имеется: артисты, хористы театр, костюмы и оркестр. Я ему сказал, что с радостью возьмусь за это, но только должен раньше переговорить с Начальником гарнизона.

Полковник Колотинский ничего против этого не имел и сразу у нас закипела работа. Кларин взял на себя постановочную часть, а я все остальное.

Театр в Городском саду был арендован известным опереточным антрепренером С. Н. Новиковым и потому первый наш спектакль пришлось устроить в театре Дома Императора Николая II, построенного Царем и подаренного им городу. В нем имелась новая, прекрасно оборудованная сцена. Но неудобство этого театра заключалось в том, что он находился далеко от центра. Затем мне удалось переснять театр у Новикова и все следующие спектакли состоялись уже в Городском саду.

В то время в Ялте играл, под управлением Бутникова, прекрасный симфонический оркестр Главнокомандующего. По моей просьбе, заведующий оркестром полковник, разрешил выделить из него часть специально для оперы. Нашлось много оперных хористов, певших по церквам, и из них один хорист сформировал отличный оперный хор. Была в Ялте постоянная прекрасная костюмерная. И нашелся даже балет.

В состав нашего товарищества вошли: сопрано Епанешникова, прекрасная певица и музыкантша, окончившая с золотой медалью Московскую Филармонию, сопрано Соколовская, меццо-сопрано Куницина, петербургский тенор Кларин-Делорм, баритон Харьковской оперы Дубовенко, артист Императорских театров — бас Жарковский. Остальные добавлялись по мере надобности. Музыкальная часть была в руках Шаца, известного Петербургского аккомпаниатора.

Открыли мы «Фаустом» Гуно. Спектакль прошел с большим успехом. В местной газете писали: «Оперное товарищество, прикрывшись скромным названием «Комической оперы», для открытия своих спектаклей, поставило «Фауст» Гуно. Но ничего комического в этом не было. Это был подлинный «Фауст». Затем шли похвалы всем исполнителям.

Окрыленные этим успехом, мы повторили «Фауст» два раза в театре Городского сада. Затем поставили «Риголетто» с одной итальянкой, певшей Джильду.

Но самым удачным нашим спектаклем были «Корневильские Колокола» — эта очаровательная, такая «певучая», старая, бессмертная оперетта Планкетта! Что ни акт, то увлекательные мелодии! Есть, что напевать, выходя из театра! Ведь столько людей до сих пор мурлычат под нос:

«Плыви мой челн
По воле волн»

И даже не знают, что эта мелодия — один из прелестных напевов «Корневильских Колоколов».

Роли в этой оперетте разошлись очень удачно. Епанешникова — бойкая Серполетта, Соколовская — интересная Жермен, Кларин-Делорм — прекрасный Гранише, Дубовенко — блестящий Маркиз де Корневилль, Ардатов — прекомичный Старшина и Жарковский незаурядный Гаспар. Обычно в оперетке эту роль играют комики и преподносят излишнюю мелодраму. Но Гаспар — эта одна из редких драматических ролей в оперетке, со множеством оттенков, — требует особого исполнителя и Жарковский был в ней великолепен. Не даром и Шаляпин пел, как-то, Гаспара в Царскосельском театре в Высочайшем присутствии.

«Корневильские Колокола» прошли у нас с большим успехом несколько раз и даже на открытой сцене в Городском саду. Вспоминаю, как раз, чуть было, не пришлось отменить спектакль.

Певший Маркиза де Корневилль артист Дубовенко, душа нашего товарищества, прислал мне утром, в день спектакля, записку с извещением, что он сильно простужен, но постарается приложить все усилия к тому, чтобы участвовать в спектакле. За час до начала, я получил от него вторую записку, где

он писал, что у него сильно поднялась температура и он, к сожалению, петь не может.

Что было делать? Дублера у нас не было. Все билеты были проданы и отменить спектакль не было никакого расчета.

Уже начала собираться публика. Все артисты были одеты и загримированы. А я был в кассе и хотел уже распорядиться выдавать обратно деньги. Как вдруг ко мне прибежал один из хористов и сообщил, что в театре, среди публики, находится артист театра «Миниатюр» из Симферополя, который знает партию Маркиза и может заменить Дубовенку.

Но прежде чем вести с ним переговоры, я попросил Шаца проверить по клавиру, знает ли он эту партию. Отзыв Шаца был утешительный.

Зная, что от него зависит быть спектаклю или не быть, он заломил с меня фантастическую сумму, но я предложил ему — ровно половину. Немного подумав, он согласился, желая, видимо, выступить в спектакле при переполненном зале. Костюм с Дубовенки был ему не по плечу и на маркиза он мало походил, но пел и держался уверенно. А главное — спас спектакль.

Вспоминаю, как, по поручению Начальника гарнизона, я устроил в театре Городского сада, в пользу Добрармии, грандиозный концерт.

Мною была выпущена громадная афиша, на которой крупными буквами было обозначено: «Мобилизация всех артистических сил Ялты». А затем перечислялись имена всех исполнителей.

Участвовали все артисты моего «Оперного товарищества», хор, оркестр Главнокомандующего, бас Императорской оперы Серебряков, Павел Троицкий и мн. другие. Но главной притягивающей силой была Плевицкая.

Много труда мне стоило найти ей аккомпаниатора. Она плохо разбиралась в нотах — и все напевала пианисту по слуху. Ни один из аккомпаниаторов ее не удовлетворял и только молодой, талантливый Петербургский пианист, Орланский пришелся ей по вкусу.

Концерт этот прошел, как в художественном так и в материальном отношении, с огромным успехом.

И еще один благотворительный вечер в гостинице «Рос-

сия», который устраивала, жена Главнокомандующего ,баронесса Врангель. Устройство на нем киосков и концертной программы было поручено мне.

В то время в «России» жило много богатой публики. Москвичи: Грибовы, Тарасовы, Перловы, Асеевы, Исаевы и другое знатное купечество. А потому киоски с шампанским торговали на славу. Много съехалось знати и с ближайших курортов. Обращал на себя внимание генерал Зыков своей красочной формой Туркестанского конного полка.

Концертная программа также имела большой успех. Дуэты и квартеты из опер, а также отдельные выступления лучших артистических сил Ялты. Вспоминаю, как мне удалось привлечь к участию, бывшую Испанскую танцовщицу, жену известного художника Мясоедова, обольстительную андалузскую красавицу. Она имела потрясающий успех. Конферировал, также нигде не выступавший, известный киноматографический артист и режиссер Стрижевский.

**
*

Незадолго до эвакуации, был учрежден Ялтинский Военно-Административный Район, начальником коего был назначен генерал-майор Бар, а Начальником штаба полковник Эверт. И я, приказом по этому району, №403 от 3/16 октября 1920 года, был назначен состоять, с оставлением в занимаемой должности, при Штабе названного района.

Часто из Севастополя приезжал в Ялту Дежурный генерал Архангельский, где у него, на одной из дач, жила семья. Постоянно заходил ко мне за получением места на пароход. И всегда удивлялся, почему Начальник гарнизона не представляет меня к производству в подполковники. Правду сказать, интересовало это меня мало и я никогда не заикался об этом Колотинскому. В Феодосии такую-же должность, как я, занимал полковник Кутепов (брат генерала). Так я и остался ротмистром, Царского производства за выслугу лет в 1916 году.

ЭВАКУАЦИЯ

Эвакуировался я на пароходе Русского О — ва пароходства и торговли «Цесаревиче Георгие». Комендантом на него был назначен генерал-майор Судебного ведомства Савицкий, а я его помощником.

Шел этот пароход под флагом Красного Креста, так как на него были погружены больные и раненые из Ялтинских госпиталей и санаторий. Также генерал Бар со своим штабом и много генеральских семейств, главы которых были в Севастополе. Так, под мое попечение, была отдана семья генерала Архангельского.

На пароходе я организовал приготовление горячей пищи. Успел погрузить, в самый последний момент, заказанную заранее, — выпечку хлеба. В общем «Цесаревич Георгий», в сравнении с другими пароходами, был в лучшем состоянии и не так перегружен. Многие имели каюты. Сам я помещался в одной каюте, которую разделял с одним интендантским чиновником, благодаря которому мы имели запасы разных круп и других продуктов.

В дороге этот чиновник рассказал мне, как ему удалось погрузить на наш пароход очень ценный, валютный груз табака и вина в бочках. И как местные большевики уговарили его, обещая ему службу у них и все другие блага, — этого не делать.

А вот затем, я встретил его уже в Константинополе в очень подавленном состоянии. И он стал мне жаловаться, как с ним не благородно поступило Добровольческое командование: продало очень выгодно, погруженный им табак и вино, — а о нем забыли. И, что ему теперь приходится стоять, чуть-ли не с протянутой рукой, на Галатской лестнице.

«Цесаревич Георгий», как пассажирский пароход, был сильно, а главное, благодаря спешке, не правильно нагружен, с большим креном на правый борт. И командир боялся, чтобы не была плохая погода. Но, к счастью, море было сравнительно спокойно. И в Босфор вошли мы благополучно.

Свыше 120-ти кораблей флотилии Врангеля усеяли этот рейд. Это был клочек пловучей России, не пожелавшей остаться под большевицким ярмом.

Здесь всех нас пересадили на небольшой пароход и отправили во французский лагерь Сан Стефано, а «Цесаревич» с больными и ранеными ушел дальше.

К счастью, я, как имевший заграничный паспорт, был выпущен французами скоро из лагеря и уехал в Константинополь, перейдя на положение беженца.

Приехав с женой в Константинополь, я не мог найти в нем комнату: город был переполнен. Зная, что там живут Пионтковская и Смирнов, я их разыскал и они устроили меня с женой у себя на водочном заводе.

Смирновы попали в Константинополь еще задолго до эвакуации Добрармии и имели там, кроме завода, еще театр типа кабаре «Паризиана», где собирались по вечерам сливки экспедиционного корпуса.

Дела завода были не ахти какие: турки водку не потребляли, а греки предпочитали ей свою «дузику», и кроме того был конкурент один русский полковник. Да и «Паризиана» сначала процветала, но затем, почему-то, сошла на нет.

Тогда Смирнов организует оперетку и ставит «Прекрасную Елену», во главе с Пионтковской, в летнем театре «Буфф». Режиссер Любин придумал новые, чисто Рейнгардовские трюки. Елену — Пионтковскую выносили в паланкине чернокожие рабы, и это не были статисты, вымазанные сажею, а настоящие колоссального роста негры и нубийцы. Агамемнон выезжал на ослике, а Менелая — Полонского вносил на сцену турецкий грузчик «хамал». Если прибавить к этому участие Юрия Морфесси, кордебалет и хор, оригинальную постановку, действие в публике, при эффектном освещении прожекторов, красочность костюмов, — то будет понятен ошеломляющий успех «Прекрасной Елены».

Жить на заводе было неудобно. И я, после долгих поисков, нашел себе комнату, куда и переехал. Имея, по прежней своей службе, большой круг знакомых, начал заниматься комиссионными делами по продаже драгоценностей, а кроме того и артистическими.

Прежде всего решил организовать летучие концерты. Для чего составил маленькую труппу: две певицы, одного певца, аккомпаниатора и конферансье — артиста Московского театра Корша А. Бестужева.

С этой «бродячей труппой» ездил я на острова, где по вечерам в ресторанах давали мы концерты. После коих, певицы обходили с тарелками публику. В большинстве ресторанов нас пускали, но были и такие владельцы, которые в этом нам отка-

зывали. Это были чудесные, веселые поездки по Босфору, с забавными приключениями и интересными знакомствами. А в общем, — на жизнь хватало.

Довольно часто мы бывали с женой в ресторане Вертинского «Роз Нуар», где выступала с громадным успехом сестра жены певица Елена Никитина. Тогда Вертинский, думая вероятно, что у меня есть деньги, уговаривал меня повезти его в концертное турне по большим городам Европы. Но, конечно, из этого ничего не вышло.

Вспоминаю, как мы провожали Никитину, которая с Юрием Морфесси, Настей Поляковой и другими Цыганами уезжала на итальянском пароходе «Клеопатра» в Венецию, а затем дальше в Вену, Прагу и Париж.

В БОЛГАРИИ

Пробыв в Константинополе, в этом сказочном городе, около года, я, взяв на свой «страх и риск» певицу Фелиповскую и артиста Бестужева, повез их в Болгарию. Первый город, куда мы попали, был Бургас. Там жила моя сестра и, благодаря ей, мы нашли для себя пристанище.

Через несколько дней, после приезда, я снял уже театр и объявил программу спектакля. Чеховский «Медведь», веселую пьеску Тэффи, из репертуара Петроградского Литейного театра, «Тонкая психология» и концертное отделение, в котором пели Фелиповская и моя сестра. А ее муж, полковник К. С. Мельников, быв. военный инженер-электрик, был у нас суфлером.

Но у меня было только два артиста, а надо было еще не меньше 3-х. Главное надо было найти «вдовушку» для «Медведя». Узнал, что в городе имеется одна любительница, выступавшая уже с успехом в спектаклях. Поехали с Бестужевым к ней — и уговорили. Женская роль в «Медведе» большая и ответственная. Но Бестужев сразу начал проходить с ней роль и она оказалась очень талантливой актрисой. Нашел еще двух артистов, из коих один оказался прекрасным комиком.

За час до начала спектакля не было продано ни единого билета. Перед кассой (вернее столиком, перед входом в зрительный зал) толпилось много публики, но билетов она не по-

купала, а все присматривалась к кассиру и ко мне. Недоверчивый народ болгары!

Но спасли положение — мои золотые часы. Вынул я их, чтобы посмотреть который час, как из толпы послышался голос: «Вишь, златен часовник». И, после этого, какой-то «смельчак» купил первый билет, а за ним — сразу бросились остальные. Сбор был приличный и мы не прогорели.

Спектакль прошел гладко и у болгар имел определенный успех. Очень понравилась в «Медведе» в роли помещицы (если память мне не изменяет) г-жа Махина. Блестяще играл помещика Смирнова в «Медведе», одну из лучших своих ролей, Бестужев. Также он был очень хорош в роли коммивояжера в «Тонкой психологии».

Но со мной приключилось несчастие. После спектакля, будучи на сцене, я провалился в открытый люк. К счастью задержался на, согнутой в колене, правой ноге. Иначе, сорвись я вниз, было-бы плохо. Но весь удар пришелся на колено, которое сильно распухло. Знахарка — болгарка уложила меня в постель и мне пришлось проваляться в ней 3 недели.

Спектаклей больше не состоялось. А Фелиповская и Бестужев уехали в Софию.

В СОФИИ

В Бургасе делать было нечего. И я также, после своей болезни уехал в Софию. Вскоре туда-же из Константинополя приехала Пионтковская со Смирновым. Оказалось, что оперетку в «Буффе» пришлось прекратить. Надгробной плитою оказался прозаический подоходный налог.

Турецкие чиновники, ведающие налогами, пользовавшиеся ежедневным широким гостеприимством, все время уверяли Смирнова, что подоходный налог — лишь буква закона и что платить в турецкую казну ничего не придется.

И вот, в одно утро, Пионтковская, как владелица предприятия, получила повестку с требованием в кратчайший срок уплатить налог в размере нескольких тысяч лир. А за неплатеж — пожалуйте в тюрьму. Конечно, платить такие деньги Смирнов не собирался, и с Пионтковской поспешил покинуть берега Босфора.

В Софии Смирнов решил прежде всего открыть водочный завод. Он привлек и меня к этому делу: поручил найти подходящее помещение, разыскать мастера, который мог-бы сделать специальные колонки, через которые пропускают для очистки спирт, заказать бутылки и пр. хозяйственные поручения. В конечном итоге завод открыли и я служил на нем администратором.

Дела завода шли хорошо. В то время в Болгарии были целые Добровольческие части — водочкой не брезгали. Да и Болгары вошли во вкус. А потому нашелся один покупатель, предложил хорошую цену и Смирнов продал завод Стоилову, племяннику министра земледелия Турлакова, в правительстве Стамбулийского.

Кроме того, Смирнову удалось продать еще право на производство водки, под фирмой «Петр Смирнов и сын», на Белград, Варшаву и Париж.

Тогда, ликвидировав в Софии все дела, он уехал во Францию.

А. Н. БЕСТУЖЕВ

Вскоре, после моего приезда в Софию, там скончался 12 апреля 1922 года, мой давнишний друг, известный драматический артист, Александр Николаевич Бестужев.

Имя его хорошо было известно всей театральной Москве не только как актера, прослужившего подряд много лет у Корша, но и как постоянного и энергичного конферансье, выступавшего в дни Великой войны с Германией в различных представлениях по сбору пожертвований артистами для армии.

В дни гражданской войны Бестужев служил в Одессе, в Городском театре, а затем, с эвакуацией Одессы, попал в Севастополь, где руководил театром «Ренессанс».

Здесь на чужбине, его настигла тяжелая болезнь. Он сошел с ума и попал в больницу, где, не приходя в сознание, скоро умер в палате душевно-больных.

Артистическая семья и я проводили Бестужева в последний путь. Мир душе этого несчастного человека и настоящего русского актера...

В. П. СМИРНОВ

Владимир Петрович Смирнов был сын владельца водочного завода «Петр Смирнов и сын» у Чугунного моста в Москве. После своей смерти, отец его оставил наследство в 10 миллионов рублей, разделив его поровну между тремя сыновьями. Так Владимир Смирнов — стал миллионером.

Первым браком он был женат на сестре известной опереточной актрисы Никитиной (жене Блюменталь-Тамарина), а вторым — на опереточной примадонне Валентине Пионтковской.

Когда я с ним познакомился, во время войны в Варшаве, от его миллионов уже почти ничего не осталось. Ухлопал он их на постоянную помощь Блюменталь-Тамарину, на бриллианты по 40 каратов для Пионтковской, но, главным образом, на держание антреприз: «Оперетта Валентины Пионтковской», где все делал с широким купеческим размахом. Для примера опишу один такой спектакль

За несколько лет до первой Великой войны была в С-Петербургском театре «Пассаж» оперетка Валентины Пионтковской. Но все хорошо знали, что антрепризу эту держала фактически не она, а ее муж В. Смирнов. Тогда он был еще с хорошими деньгами и потому бенефис своей жены, в который впервые шла в Петербурге новая оперетка Франца Легара «Ева» («Фабричная Работница»), решил обставить с большой «помпой».

Для этой цели был выписан в Петербург из за границы Легар, который сам дирижировал в этот вечер своей опереткой. И, вызванный затем всем театром и артистами на сцену, получил в подношение от Пионтковской лиру из настоящего золота. А самой виновнице торжества была подведена от Смирнова не бутафорская, а живая, вся украшенная цветами, белая лошадь... Конечно, после спектакля, состоялся лукулловский ужин, на котором был Легар, почти вся труппа, пресса и много других приглашенных. Шампанкое «лилось рекой».

Режиссировал спектакль Николай Северский, а партнером Пионтковской был Михаил Дальский. Он получил в подарок от Легара его фотографию с собственноручной надписью: «Моему лучшему Октаву от Франца Легара».

Владимир Смирнов был очень даровит: прекрасно пел

романсы, хорошо играл и сам себе аккомпанировал на гитаре, что ему затем пригодилось в беженстве. Недурно писал стихи. Особенно он любил писать в стихах письма. Его поэзии у меня нет, но сохранилось ответное письмо быв. сотрудника «Нового Времени», интересного, остроумного собеседника, автора вдохновенных экспромтов, Кости Шумлевича, когда Смирнов написал ему в стихах письмо в Белград. Привожу ответ Шумлевича полностью:

Ну, скажу Тебе, старик:
Прямо ткнул меня в тупик.
И на кой Ты это прах
Пишешь мне письмо в стихах!
Ведь, теперь вслед за Тобою,
Той-же самою стопою,
Должен я напречь свой дар.
Кто-ж заплатит гонорар?
А писать стихи бесплатно
Это очень неприятно
И для этого я стар!...
Что сказать? Тружусь я рьяно —
Я к труду привык давно! —
А живу довольно пьяно,
Хоть напитки здесь дермо.
Пережевывая жвачку,
Тянешь «серпску коковачку»
И, мечтая о России,
Выпиваешь тьму «ракии».
Русской доброй водки нет,
Как изделия Смирнова,
Здесь Самсонов есть и Цвет,
Но, ведь, плохо все, что ново!
Все испортилось кругом,
Род людской, как-будто, вымер,
Так не будь-же сапогом,
Открывай завод, Владимир!
Приезжай-ка к нам, в Белград,
Здесь дела пойдут большие.
Буду счастлив от души я,

Алкогольный мой собрат!
А Пионтковской Валентине
Передай ты мой привет,
А с приветом и совет:
Нам, в житейской паутине,
Забывать друзей не след!
Я ее ценил всех выше
Из подлунных Валентин!
А она... Довольно! Тише!
Твой Шумлевич Константин.

В Софии Пионтковская сошлась с Польским посланником в Болгарии (быв. раньше в Константинополе) Борановским и разошлась со Смирновым. Это главным образом и побудило его продать завод и уехать в Францию, где он вскоре, в Ницце, женился на писательнице и поэтессе Т. А. Макшевой.

После женитьбы,деньги скоро, видимо, были прожиты. Из-за судебного процесса с Пионтковской и сыном, прекратилось получение процентов от дохода из Белграда, Варшавы и Парижа. И, бывшему миллионеру, пришлось петь в ресторане.

Уже здесь в Америке, незадолго до его смерти, я получил от него карточку, на которой он снят в Боярском костюме, с его подписью: «Петя видишь — я пою!»

В РУССЕ

После того, как завод перешел в Болгарские руки, я с женой уехал в гор. Руссе (Рущук) на Дунае. Там получил место управляющего Картонажной фабрики, принадлежавшей болгарам, братьям Ионковым.

Один из братьев, подполковник, был Градоначальником в Руссе, а другие два имели контору и магазин, где все время и сидели. Поэтому им нужен был человек, которому они могли-бы доверить фабрику.

Фабрика эта производила главным образом папиросные коробки, имея на них заказы от табачных фабрик. Машины только нарезали материал, который затем выдавался на руки работницам, клеившим их у себя на дому. Фабрика была на окраине города, в турецком районе (махле), и рабочие все были турки и турчанки, ходившие тогда еще с чадрою на лице.

Я жил у Ионковых, имея, кроме жалованья, в своем распоряжении целый флигель. Братья Ионковы были руссофилы, принадлежа к старшему поколению, преимущественно русских воспитанников. Болгарская же молодежь была — германофилами и мы русские у них любовью не пользовались

Жилось нам в Руссе не плохо. Дешевизна, изобилие продуктов, особенно зелени, климат, красавец Дунай — все это напоминало мне мой родной Николаев.

Невдалеке от города была Бельгийская Сахарная фабрика, где работало немало русских. Вспоминаю химика Тарасевича и полковника Гриненко. Все служившие были хорошо там обставлены. Имели помещения, а семейные отдельные домики, из которых около фабрики вырос целый городок.

В городе была русская церковь, представительство русского x) Креста, при коем было помещение для собраний и лекций, а также столовая. Несколько русских магазинов.

Так, быв. Генерал-квартирмейстер при Врангеле, Коновалов имел колбасную фабрику и магазин с русскими армянами Бароновым и Узуновым. Один шутник по этому поводу сказал:

Для колбас коней не валят
Генералы рыб не вялят
Роль иная генералов
Что-же мыслит Коновалов?

Дела этой фабрики шли очень хорошо, но только до тех пор пока Баронов не открыл самостоятельно и, не начал конкурировать со своими бывшими компаньонами.

В БУХАРЕСТЕ

Не забуду, как подполковник Ионков устроил мне поездку в Румынию. Ежегодно в Гиюргиво, по другую сторону Дуная, устраивалась большая ярмарка. В этот день болгары, по особым пропускам, могли ездить на ярмарку.

Выдавая мне такой пропуск, Ионков предупредил меня, чтобы я дальше Гиюргива не ездил, так как этот проуск действителен только на район ярмарки. Если-же меня арестуют и выяснят, что я не болгарин, то посадят в тюрьму, откуда вырваться будет не легко.

x) Российского Красного

Но мне очень хотелось посмотреть Бухарест, а кроме того купить духи и прочую парфюмерию, производство которой было тогда в Болгарии только в зачаточном состоянии. Даже не было приличного мыла для бритья, что меня очень удручало.

Бухарест был от Гиюргиво, сравнительно не далеко, всего часа два езды по железной дороге. На маленькой железнодорожной станции жандарм, при отходе поезда, зорко наблюдал: кто на него садился. А потому я, купив в кассе билет и чтобы он меня не видел, — обошел поезд и сел в вагон с другой стороны. Откровенно говоря, я здорово рисковал.

Доехал благополучно. В Бухаресте, против вокзала, остановился в каком-то маленьком отеле и, приведя себя в порядок, отправился на трамвае в центр города. Там попал в большое кафе, где встретил несколько знакомых артистов. Кругом русская речь «лилась» точно я находился в Одессе в кондитерской Фанкони.

Красивый город Бухарест. Недаром его называли: «Маленький Париж». В самом центре города — большой, великолепный парк с вековыми деревьями и озерами. Красивые, величественные здания.

Отдав должное французской кухне (в лучших румынских ресторанах — кухня французская), купив нужную мне парфюмерию и другую мелочь, я, на другой день, уехал в Гиюргиво. Добрался туда также благополучно.

Но предстояла — дилемма, как мне пронести купленную парфюмерию. Румыны не препятствовали к вывозу своих изделий. А вот на болгарской таможне — зорко следили и тщательно обыскивали, возвращавшихся с ярмарки. Особенно искали парфюмерию.

Вспомнил, что в Градоначальстве Ионков познакомил меня с одним штатским болгарином, который ежедневно бывал в Гиюргиво и сказал, что если мне понадобатся, чтобы я обратился к нему.

Мне удалось его разыскать и он помог мне все благополучно пронести. Вероятно, он был полицейский агент. На таможне — свой человек.

В Руссе был Городской театр, с драматической болгарской труппой. А директором театра и режиссером — русский артист Борис Эспе. Он имел при театре хорошую квартиру, где мы с

женой часто бывали. Жена Эспе, русская актриса Диевская, была приятельницей моей жены. Всегда у них собиралось много разного народу.

И вот раз я познакомился у них, с приезжим из Софии, директором Страхового о-ва Ерамовым-Авиан. Он начал меня распрашивать, что я делаю в Руссе и, недолго думая, предложил мне службу в Страховом обществе в Софии, спросив сколько я хотел-бы получать?

Руссе была не София, где было больше всяких возможностей. Но и менять службу, к слову сказать для меня не плохую, стоило действительно на что-либо лучшее. А потому я назвал ему двойную сумму той, что я получал у Ионковых. И, к моему великому удивлению, он согласился.

СНОВА В СОФИИ

Отделение немецкого страхового о-ва из Дюссельдорфа «Фатерландише унд Ренания», куда я поступил, было открыто в Софии Щегловитовым, сыном Царского министра юстиции. Он числился директором его, но жил больше в Берлине, а делами ведал С. Богоявленский, быв. советник Русского Посольства в Софии. Служили там в большинстве русские.

Щегловитова я знал раньше по Софии. Он был старым знакомым Пионтковской. И, когда приезжал из Берлина, мы с ним постоянно ужинали в ресторане. Это был настоящий русский барин, большой гурман и поклонник женщин. Женат он был на известной Петербургской опереточной примадонне А. Шуваловой.

Приняли меня на новом месте, не очень ласково. Особенно Богоявленский, который думал: не прислан ли я Ерамовым, чтобы его заменить

В Софии я узнал, что Ерамов был назначен из Дюссельдорфа вместо Щегловитова. И, когда я с ним встретился в Руссе, он объезжал города Болгарии, знакомясь со страной. Взял он меня, я думаю для того, чтобы иметь в Обществе нового человека и знать, что там делается.

Дела этого отделения, которое страховало исключительно транспорт, шли не плохо. Но деньги расходовались слишком широко и без надлежащего отчета. Вот почему я для Богояв-

ленского был не особенно желателен. Но, со временем, все уладилось и у нас установились добрые отношения.

Вскоре «Ренания» скупила большинство акций крупного болгарского страхового о-ва «Звезда» и фактически стала его хозяином. Ерамов был назначен директором также «Звезды», и наше отделение переехало в большое прекрасное здание этого Общества.

Служилось мне в Обществе легко и приятно. С Ерамовым у нас установились приятельские отношения. Интересный это был человек. Красивый, видный мужчина, жгучий брюнет, всегда прекрасно и изыскано одетый, холостяк, — он имел большой успех у женщин. Воспитанник Французского лицея в Константинополе, родом армянин, он свободно владел 7-мью европейскими языками.

Зарабатывая большие деньги, он большей частью тратил их на помощь бедным и неимущим. В городе он не пропускал ни одного нищего, чтобы не подать ему милостыню. Скольким только русским беженцам он не помог!

Красивым, четким, крупным почерком подписывал бумаги: «Ерамов-Авиан» и, иногда, любуясь на свою подпись, говорил мне: «Что, сразу видно, — не прост человек». Не переносил плохо одетых и небритых болгарских служащих. И, когда к нему являлся с докладом один из таковых, обычно его спрашивал: «Не имыш сапун?». Что по русски: Не имеешь мыла?

Позже я с ним встретился в Париже. Он был тогда не у дел, женился на русской армянке, из Баку, и жил в свое удовольствие.

Узнав от Ерамова, что отделение наше, вероятно скоро ликвидируют, так как оно не давало тех доходов, на которые немцы расчитывали, мы с женой решили ехать в Париж, куда нас уже давно приглашал мой бо-фрер В. Н. Никитин, который имел там ресторан.

Постоянную визу во Францию получить тогда нам, обладателям Нансеновских паспортов, было почти невозможно. Но во Французском Консульстве, в Софии, сам секретарь научил меня, как это сделать.

— Получите от своего Общества письмо на имя Консула, что оно командирует вас в Париж по страховым делам. Тогда

мы выдадим вам временную визу, а затем там уж устроитесь, сказал он мне. Я так и поступил.

Получив Нансеновский паспорт и французскую визу, я начал обходить консульства для получения транзитных виз, что также было сопряжено с известными трудностями. Особенно в этом отношении были строги итальянцы.

Но был другой путь, через Австрию. И австрийскую транзитную визу получить было легко. Кроме того, в этом направлении, из Белграда шел беспересадочный вагон, микс, 1 и 2 класса, до Парижа. Этот путь мы и избрали.

Ликвидировав свои дела, квартиру и устроив в надежные руки свою любимую кошку (во Франции в отели с кошками не пускают), — мы уехали с женой в Париж.

Это было в начале 1930 года.

В ПАРИЖЕ

Доехали мы до Парижа удобно и благополучно. Интересная дорога через один из Альпийских проходов, в несколько километров длинною туннель. А затем красивая равнина Швейцарии с бесконечными белыми домиками, утопающими в садах.

После австрийской железной дороги, с дымом от паровозов и угольной пылью, поражала чистота на швейцарской дороге, где вся тяга на электричестве. Да и отношение к публике железнодорожной прислуги — совсем иное.

Первое время, по приезде в Париж, пришлось ютиться в небольшом отеле того аррондиссемана, где мой бо-фрер имел ресторан. Затем он устроил мне в том же доме квартиру, или вернее сказать большую светлую комнату с киченет. А также «пристроил» меня к ресторану.

В то время в Париже достать квартиру было не легко. В новых домах они еще были, но цена была не по карману беженцам. В старых же домах, чтобы получить квартиру, надо было дать порядочное отступное. А потому большинство русских жило по небольшим отелям.

Дом, где помещался ресторан «Оберж де ла Ферм», а затем переименован в «Бор» (72, рю Фондари), был очень старый, имел два двора. Когда-то, в дальние времена, была здесь ферма. Принадлежал он старой деве, мадемуазель Катани, жившей на Корсике.

Квартира, которую я получил, была мне большим подспорьем. Платил я за нее, по тем временам, сущие пустяки. И, отослав вперед на Корсику деньги, жил спокойно, не думая о ежемесячной плате. На эту квартиру, когда я уезжал из Парижа, нашлось много желающих и я получил за нее отстуное.п

Ресторан «Бор», с артистической программой, открывался только под вечер. А потому я днем мог заниматься и другими делами. Но вскоре, я и совсем освободился от работы в ресторане, т. к. Никитин продал его и избрал себе другую профессию. Он окончил школу и стал оптиком, открыв в Париже оптический магазин.

Во втором дворе дома, где помещался «Бор», — была фабрика, которая выделывала мясные консервы. А потому там водилось множество громадных крыс, которые умудрялись ночью проникать на кухню ресторана. Никакие меры против них не помогали.

И вот раз один из посетителей ресторана предложил нам своего фокса и ручался, что он уничтожит всех крыс. Заперли мы этого фокса ночью на кухне.

А на другой день утром, когда я открыл кухонные двери, моим глазам представилась следующая картина: лежало с добрый десяток мертвых крыс, а вся морда фокса была в крови. Видимо, работа у него была не легкая. Действительно, крысы прекратили посещение ресторанной кухни.

Имея дешевую квартиру и получая шомаж (пособие по безработице), я мог заниматься свободными профессиями: комиссионными делами и съемками в кино. О последних стоит рассказать.

Мой земляк по Николаеву, быв. артист Московского Художественного театра Осипов (Сойфер) ,был помощником у известного французского кинематографического артиста и режиссера Абель-Ганца. Осипову было поручено набирать фигурантов (статистов) для съемок.

В то время Абель-Ганц ставил грандиозную картину «Конец Света». Съемки происходили больше 3-х месяцев и я неизменно в них участвовал. Где мы только не снимались. Платили хорошо и я так вошел во вкус, что с легкой руки Осипова, стал заправским фигурантом. А в картине «Орленок» получил даже маленькую (бессловесную) роль. Специально на меня ши-

ли костюм и, вместо обычных 50-60 франков, которые получали статисты за день съемок, я получил — 150.

Вспоминаю, как раз в картине «Московские Ночи», которую ставил Грановский, с участием Гарри Бауер и Чарлз Бойэ, полковнику Колотинскому было поручено набрать и составить целую роту (4 взвода) солдат. Он устроил и меня своим помощником.

Много мне пришлось повозиться, чтобы найти такую уйму народа. Попали в эту роту, конечно, и лица не имевшие никакого представления о пехотном строе. И нам стоило большого труда, чтобы их одеть, пригнать на них амуницию и обучить маршировке.

Была построена целая улица Москвы, в конце которой — один из подмосковных дворцов. Ходил народ, шныряли торговцы и ездил русский извозчик. Роту вел, уходивший на фронт, офицер-жених (Бойэ), а на балконе дворца его провожала невеста.

Мы с Колотинским в съемке не участвовали, а стояли в стороне и только, каждый раз, когда рота возвращалась, мы ее осматривали и снова пускали по улице. Вдруг Грановский начал махать в нашу сторону и звать кого-то. Я никак не мог предполагать, что это относится ко мне. Я был одет в обыкновенный коричневый костюм с соломенной шляпой (канотье) на голове.

Но Колотинский мне говорит: «Да это он вас зовет, идите». Я подошел к Грановскому. Перед ним стоял извозчик, а на нем сидели: дама с кавалером. «Садитесь вместо него», сказал мне Грановский.

Я сел с какой-то француженкой, кринолин которой занимал чуть-ли не целое сиденье, и начал с ней кататься взад и вперед по улице Москвы, т. к. эта сцена снималась несколько раз. Обидно было только одно: мне не заплатили за это ничего лишнего.

Но, к сожалению, скоро мы лишились этого заработка. По ходатайству Союза французских фигурантов, Министерство труда запретило сниматься всем инострнцам, а в том числе, конечно, и нам русским.

Как-то меня, когда я занимался комиссионными делами, познакомили с бывшей актрисой Императорского Александрий-

ского театра старухой Святополк-Мирской. Она только что вернулась тогда из Америки, где читала лекции. Завязала, благодаря этому, знакомства и умудрилась достать у какой-то американки 5000 долларов на дело своей племянницы Н. П. Горемыкиной, жены сына бывшего министра И. Л. Горемыкина.

Горемыкина была тогда вдовой и жила со своим сыном без всякого дела в Париже, сильно нуждаясь.

Все это мне рассазала Святополк-Мирская и прибавила, что она решила дать эти деньги Горемыкиной, но с тем условием, чтобы она открыла столовую. Просила меня найти для этого помещение и вообще помочь ей в этом деле.

Чувствуя, что из этой затеи ничего путного не получится, я не советовал Мирской открывать столовую, а употребить эти деньги на что-либо другое, что может сулить успех. Но она была непреклонна, уверяя, что Горемыкина умеет хорошо готовить и она чувствует, что это дело у нее пойдет.

Прежде всего, я начал искать для этой цели квартиру. Обратился к своему знакомому капитану Машкоуцяну, быв. командиру автомобильной роты. Его отец богатый человек, давно уже живший в Париже, инженер, строил тогда там дома. И один новый дом дал в управление сыну.

В этом доме, невдалеке от Шан де Марс, Горемыкина и сняла хорошую квартиру, во 2-м этаже, где и открыла столовую. А так как она всецело была занята кухней, то мне пришлось все остальное взять на себя.

Благодаря широкому знакомству, которое имела Горемыкина, у нас заказывали обеды многие объединения. Всегда устраивали Правоведы (муж Горемыкиной был правовед), л. гв. Измайловцы, л. гв. Драгуны, Белорусские гусары, при чем приходил их быв. командир, генерал Миллер, и сам составлял меню обеда.

Но на эти, сравнительно редкие, заказы существовать столовая не могла. Еще бывала публика в воскресные дни, а в будни, во время обеда, было всего 2—3 человека. Конечно, это дело не пошло и столовую пришлось закрыть.

Вспоминаю, что у нас в столовой ежедневно обедал известный особенно на юге России, оперный артист бас Цесевич. Он мне рассказал о том казусе, который с ним произошел в опере.

В то время князь Церетелли организовал в Париже в театре «Опера Комик» русские оперные спектакли с участием Шаляпина. Кроме него, в составе антрепризы были: г-жи Лисичкина, Садовен, Давыдова, г. г. Поземковский, Юренев и другие.

Для открытия шла опера «Князь Игорь». Шаляпин пел князя Галицкого, а на роль Кончака был выписан, специально из Италии, Цесевич. Это не особенно понравилось Шаляпину. Сплелась интрига, в которой участвовал дирижер оперы, — и Цесевича «провалили» на спектакле.

На втором спектакле Шаляпин пел уже и Кончака, т. е. две партии. А Цесевичу, не солоно хлебавши, пришлось вернуться в Италию.

В Париже я состоял членом русской секции Союза французских комбатанов, председателем коей был генерал Эрделли, а секретарем — полковник Колотинский. Мы имели французскую карточку Союза, которая давала иногда некоторые преимущества. Так я всегда пользовался ею, когда мне надо было пройти где-либо вне очереди. Вынешь ее, бывало, покажешь полисмену, он возьмет под козырек, и пропустит бея очереди.

Ежегодно Союз устраивал бал-концерт. И неизменно, по старой ялтинской памяти, всю его организацию Колотинский поручал мне. Месяца за три я начинал уже эту работу. Прежде всего собирал пожертвования для лотереи. Жертвовали охотно и среди выигрышей было не мало ценных предметов.

Затем обходил все русские рестораны, которые никогда не отказывали пожертвовать в этот вечер какое-нибудь блюдо. Особенно в этом отношении шли на встречу, владелец «Большого Московского Эрмитажа», Рыжиков и, другой маг и чародей сложного ресторанного искусства, Корнилов. Он любил сам привезти свое поварское изделие, всегда громадное блюдо, а также занять, со своими подручными, ложу и пить шампанское. Это был лучший клиент.

Буфет у нас всегда «ломился от всевозможных яств и торговал на славу.

Что-же касается артистической программы, то, не хвалясь, могу сказать, — всегда она была исключительной. А главное ничего не стоила. В нашем Союзе были известные артисты и музыканты. Но и все другие артисты и музыканты, без исклю-

чения, участвовали даром. Даже, известные французские артисты, не представляли в этом отношении исключения.

И, сравнивая теперешние Нью Иоркские балы-концерты с нашими, разных здешних организаций, где даже аккомпаниатор, не говоря уже об артистах, получает за выступление 100 долларов и другие расходы, за вычетом коих остаются одни гроши,то думаешь — зачем им было городить весь этот огород? И какая же здесь благотворительность?

Все свои вечера мы устраивали в одном и том-же помещении. Этот концертный зал, с хорошей сценой, был удобен в следующем отношении. Когда кончалась концертная программа, публика выходила в фойе, а в это время большинство стульев опускалось вниз (под пол), а «на сцену» появлялись столики — это продолжалось минут 15-ть.

Зрительный зал правращался в ресторан, где среди столиков и на сцене была затем кабаретная программа.

Для начала программы шла всегда одноактная пьеска, а затем отдельные выступления. В кабаре пели всегда цыгане, Юрий Морфесси. Всех выступавших я уже не помню, да и перечислять их нет надобности. Вспоминаю только, как на одном из таких вечеров я пригласил выступить А. Пирогова. Он тогда приехал из СССР в Париж, где собирался сделать карьеру. Но Париж в этом отношении был не находка: там сидели без дела даже артисты уже с известными именами.

Позвонил Пирогову по телефону и предложил ему прорепетировать с аккомпаниатором. Но он мне ответил: «Вы обо мне, князь, не беспокойтесь, я приеду со своим аккомпаниатором. Действительно, приехал с профессором Шведовым, пел и имел большой успех.

Ского он вернулся назад в СССР, где сделал себе имя и, как известно, занимает теперь первое положение в Большом театре.

Эти балы-концерты пополняли кассу Союза порядочной суммой.

Состоял я также членом Союза русских писателей и журналистов в Париже, председателем правления коего был П. Милюков, а секретарем — В. Зеелер. Но тогда нигде не писал.

В Париже в Министерстве труда я познакомился с Вла-

диславом Ивановичем де-Фор, который хорошо знал всю семью моей первой жены и бывал у них в доме.

Ротмистр де-Фор, француз по национальности, служил, по окончании Сан-Сирской военной школы, в 6 драгунском полку, стоявшем под Парижем в Версале. Но, получив предложение от мужской гимназии гор. Николаева, принять в ней должность преподавателя французского языка, каковую занимал раньше его отец, — зачисляется в запас и едет в Россию. Там, как преподаватель, он снискал себе любовь и уважение своих учеников, а в городе был хорошо известен и вращался в высшем его кругу, прекрасно владея через несколько лет и русским языком.

В Великую войну 1914 года, по соглашению Франции с Россией, все, подлежавшие мобилизации, воинские чины должны были призываться в армию той страны, где их застала мобилизация. Поэтому многие русские офицеры служили в армии и флоте Франции и наоборот.

Так де-Фор был призван в русскую армию и назначен в 12 гусарский Ахтырский полк. В этом полку он проводит всю войну, блестяще командует эскадроном и получает ряд боевых наград.

После развала нашей армии, в период русской смуты, возвращается во Францию и вскоре занимает там в Министерстве труда довольно значительный пост.

Нахлынула во Францию волна русских беженцев. Чтобы работать надо было получить на это право, что для иностранца во Франции было не легко и сопряжено с бесконечными хлопотами. И вот, в этом отношении, на помощь русским приходил всегда де-Фор. Он служил именно в том отделении министерства, от которого это зависило.

Его знали в Париже, кажется, все русские беженцы и кому только из них он не помог? Но... в «благодарность» за это, как это обычно бывает, кто-то его «подвел». Он имел неприятности по службе и был, даже, понижен в должности. Это все-таки его не испугало и он, по прежнему, никогда не отказывал русским в своем совете, а если можно было, то и в протекции.

Поддерживая постоянно связь со своими однополчанами французами, В. И. состоял и в полковом Объединении Ахтыр-

ских гусар, которые его любили и считали членом своей семьи. Надо было видеть с какой любовью он вспоминал Россию, полк и его боевые подвиги.

Трогательная подробность. В его квартире на письменном столе, рядом с портретом в форме Ахтырских гусар, стояла другая фотографическая карточка: русского рядового гусара — его деньщика.

Вскоре, после того, как я перебрался в Америку, он скончался. Да будет память о нем лучшим венком на могилу этого доброго, отзывчивого и на редкость бескорыстного француза — истинного друга русских. Русские парижане его не забудут.

Что за прелесть этот Париж! Какое оживление, какой блеск, как там хорошо жилось! Одни постели чего стоят! А фланирование, которое в Париже стоит всякого театра. А Большие бульвары! А чудесные кафе на них!

Придешь, бывало, сядешь за столик, потребуешь рюмку вина или бокал пива и сидишь, за полтора франка — среди бешеного коловращения парижской жизни...

А театры и прочие увеселения, которые так доступны каждому в Париже. Где все это в Нью Иорке??

Таков был Париж в мое время: в 1930-1937 годах. Говорят, что теперь он изменился. Не знаю, может быть.

Вот почему мне не хотелось так оттуда уезжать. И когда родственница жены, Анна Константиновна Трамбицкая, предложила нам устроить визу в Америку, — я отказался.

Трамбицкие уехали в Америку, прямо из Константинополя, еще в 1923 году. Они прочно там уже устроились и завязали большие знакомства в среде богатых американцев. И в 1936 году вторично начали звать нас в Америку.

Я опять не особенно хотел покидать Париж, но тут вмешалась жена и настояла на том, чтобы я послал свое согласие. Вскоре мы получили от Трамбицких аффидэвит и еще два от богатых американцев.

С этими документами я отправился в Американское консульство и записался на квотную визу. Началась обычная канцелярская волокита, которая продолжалась свыше года. И только 2 августа 1937 года нам с женой была выдана американская квотная виза.

Любопытно, что, несмотря на три солидных аффидэвита и на письмо одного американского сенатора, консул не соглашался выдать визу, пока я не буду иметь наличных денег. Как мне объяснила его секретарша, когда вы приедете в Америку ваши поручители могут умереть и вы очутитесь на улице. А сколько же я должен иметь? — спросил я ее.

— Да, тысячи две, или по крайней мере — 1000 долларов, был ее ответ. В моем тогдашнем представлении — это была сумма громадная.

Пришлось обо всем этом написать в Америку. И один из моих «спонсеров», ныне покойный, адвокат Карлин, не видевший меня никогда в глаза, прислал мне чек на 1000 долларов. Милый и обязательный это был человек.

В АМЕРИКУ

Из Америки нас предупредили, чтобы мы ни в коем случае не ехали в 3-м классе, так как по приезде нас отправят на «Остров Слез», а советовали ехать на немецких пароходах, Арнольд Бернштейн линии, на которых был один класс(кабин класс). Мы так и поступили.

Пароход «Конигштейн», на котором мы имели хорошую двухместную каюту, ничем особым от других пароходов не отличался. Прекрасные удобства, обширная столовая, с отдельными круглыми столами, оркестр музыки, бар и хорошая кухня.

Уходи он из Антверпена 14 августа, куда мы выехали по железной дороге.

Единственным минусом этого парохода было то, что шел он, вместо обычных 6 дней, — 12-ть. Но нам спешить было некуда, как вероятно и тем американским туристам, которые составляли на пароходе большинство пассажиров.

Из русских — возвращалась в Америку, сестра А. Вонсяцкого, Н. бек Мамедова, имевшая в Бостоне свой ресторан, и ехала из Праги г-жа Житкова. Их мне пришлось потом указать, при получении первых бумаг.

Погода была хорошая, не качало и «плыть» было-бы одно удовольствие. Но я, в первый же день захворал: съел, недозволенную мне, консервированную рыбу и пришлось три дня пролежать в пароходном лазарете.

Прибыли мы в Америку (хобокен) 26 февраля 1937 года. При поверке документов, на пароходе, эмигрантский чиновник заявил, что спустить меня на берег не может, так как я больной человек и должен меня отправить на Эллис Айланд.

Оказывается, что, кому следовало, довели до сведения эмиграционных властей о моей болезни на пароходе. К счастью, на пристани нас встречали Трамбицкие. Я вызвал на пароход Б. Н. Трамбицкого, который и начал объясняться с чиновником.

— Как же я могу его спустить на берег. Кто его больного возьмет на работу?, спросил он. Тогда Трамбицкий спокойно, вынув бумажник и достав из него свою визитную карточку, передал ее чиновнику и сказал ему: «Я беру его к себе на фабрику». Это меня спасло от знакомства с «Островом Слез».

Только тогда я понял, почему консул в Париже, при выдаче визы, взял с меня слово, чтобы нас обязательно кто-нибудь встречал на пристани.

Попав в Нью Иорк, я начал писать в «Новом Русском Слове». Но в то время газета за статьи еще не платила, как теперь, и все писанье было больше для души, чем для кармана. И надо было искать другую работу.

По случаю моего 75-летия в «Нов. Русск. Слове», в №-ре от 12 марта 1957 года, в отделе хроники, было напечатано:

«Сегодня исполняется 75 лет сотруднику «Нового Русского Слова», литератору кн. П. П. Ишееву, проживающему в Нью Иорке.

Свою газетную работу кн. П. Ишеев начал в 1905 г. в газете «Ковенский Телеграф», состоял одновременно представителем в Ковно «Российского Телеграфного Агенства». С 1910 г., проживая постоянно в Вильно, кн. П. Ишеев состоял постоянным сотрудником газеты «Виленский Вестник» и ряда других изданий. После эвакуации действующей армии в Петроград в 1915 г. работал в газете «Живое Слово» и в газете «Армия и Флот Свободной России» (быв.«Русский Инвалид») где заведывал двумя отделами вплоть до большевицкого переворота.

В Нью Иорке кн. Ишеев писал одно время в «Новом Русском Слове» под псевдонимом П. Елецкий, а затем под своим именем.

Редакция приветствует кн. П. Ишеева и желает ему многая лета».

Подробно описывать свою жизнь в Нью Иорке не стану. Ничего интересного она не представляет. Скажу только одно: здесь мне впервые пришлось познакомиться с физической работой. Прослужить 5-ть лет на Спичечной фабрике, принадлежавшей тогда Борису Александровичу Бахметеву, а затем 8-м лет — в крупном Американском книжном издательстве.

Но все это теперь в прошлом. Вот уже 7-ой год, как я на пенсии и спокойно, безбедно, доживаю свои последние дни в благословенной Америке.

На этом я заканчиваю свои воспоминания. Как мог и как умел, рассказал я свою жизнь, занимая читателя своей скромной особой ровно настолько, насколько это было нужно для ясности и образности событий, лиц, картин, мелькавших предо мною на экране моего 70-тилетнего существования.

Как я выполнил это и как оно удалось — не мне судить, пусть судит читатель.

Нью Иорк, Август 1959 года.

Кн. П. Ишеев

СОДЕРЖАНИЕ